

Виктор Мануйлов

Роман-эпопея

ЖЕРНОВА

1918

~

1953

Виктор Мануйлов

**Жернова. 1918-1953. Книга
восьмая. Вторжение**

«Автор»

2018

Мануйлов В. В.

Жернова. 1918-1953. Книга восьмая. Вторжение /
В. В. Мануйлов — «Автор», 2018

«Все последние дни с границы шли сообщения, одно тревожнее другого, однако командующий Белорусским особым военным округом генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, следуя инструкциям Генштаба и наркомата обороны, всячески препятствовал любой инициативе командиров армий, корпусов и дивизий, расквартированных вблизи границы, принимать какие бы то ни было меры, направленные к приведению войск в боевую готовность. И хотя сердце щемило, и умом он понимал, что все это не к добру, более всего Павлов боялся, что любое его отступление от приказов сверху может быть расценено как провокация и желание сорвать процесс мирных отношений с Германией. Да и Сталин в последний год заметно охладил к нему, особенно после оперативно-тактической игры на картах, выигранной у Павлова Жуковым. А если учесть, что многие командиры, воевавшие в Испании, после возвращения на родину предстали перед военным трибуналом кто за измену, кто за троцкизм, а Павлова чаша сия миновала, и, более того, ему присвоили звание Героя Советского Союза, из комдивов произвели в генералы армии и назначили командовать одним из самых ответственных военных округов, то падать бы ему пришлось в такую пропасть, из которой живыми не возвращаются...»

© Мануйлов В. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть 28	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	49
Глава 15	53
Глава 16	58
Глава 17	63
Глава 18	67
Глава 19	71
Глава 20	74
Глава 21	76
Глава 22	80
Глава 23	82
Глава 24	85
Часть 29	90
Глава 1	90
Глава 2	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виктор Мануйлов

Жернова. 1918-1953. Книга восьмая. Вторжение

Часть 28

Глава 1

Все последние дни с границы шли сообщения, одно тревожнее другого, однако командующий Белорусским особым военным округом генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, следуя инструкциям Генштаба и наркомата обороны, всячески препятствовал любой инициативе командиров армий, корпусов и дивизий, расквартированных вблизи границы, принимать какие бы то ни было меры, направленные к приведению войск в боевую готовность. И хотя сердце щемило, и умом он понимал, что все это не к добру, более всего Павлов боялся, что любое его отступление от приказов сверху может быть расценено как провокация и желание сорвать процесс мирных отношений с Германией. Да и Сталин в последний год заметно охладил к нему, особенно после оперативно-тактической игры на картах, выигранной у Павлова Жуковым. А если учесть, что многие командиры, воевавшие в Испании, после возвращения на родину предстали перед военным трибуналом кто за измену, кто за троцкизм, а Павлова чаша сия миновала, и, более того, ему присвоили звание Героя Советского Союза, из комдивов произвели в генералы армии и назначили командовать одним из самых ответственных военных округов, то падать бы ему пришлось в такую пропасть, из которой живыми не возвращаются.

Падать Павлову не хотелось. Да и кому захочется... Поэтому он делал только то, что находило прямое одобрение сверху. А когда возникали какие-то сомнения, звонил в Генштаб и выяснял у знакомых штабистов, можно ли делать то или другое, нельзя ли как-нибудь прозондировать почву относительно мнения высокого начальства. Даже по отдельным пунктам утвержденного этим начальством плана боевой подготовки войск. А то ведь какая штука: план утвердили в прошлом году, выполнять его надо в этом, а за минувший год и нарком обороны поменялся, и начгенштаба, и международная обстановка. Как бы не въехать не в ту дверь.

А тут как-то поленился сам позвонить, перепоручил это дело начальнику штаба округа генералу Климовских: тот созвонился, да не с тем человеком – и вышел форменный конфуз. И не далее, как в марте этого года, когда Павлов проводил плановое учение одной из дивизий с боевыми стрельбами. В разгар учений ему на наблюдательный пункт дивизии позвонил сам маршал Тимошенко и отчитал как мальчишку:

– Вы что там, с ума посходили? У немцев под боком устроили целое сражение – это для какой такой матери?

Пришлось стрельбы отменить и само учение свернуть. А как же тогда готовить войска к предстоящим сражениям? Не стрелять и «ура» даже не кричать? Тогда выдать войскам деревянные ружья и деревянные пушки – и пусть бегают по лесам, чтобы никто не видел и не слышал... Дожились, мать их в кирзовые сапоги!

Между тем по планам учений в Западном особом военном округе уже не первый день проводятся всякие мероприятия среди артиллеристов, танкистов, пулеметчиков, авиаторов, младших командиров. Впрочем, и старших тоже. Людей и технику собирают из разных

частей, свозят на полигоны, отстоящие на приличном расстоянии от границы, там устраивают показательные стрельбы, показательные атаки, рытье окопов, бои между танками, съем и установку моторов, обмен передовым опытом и прочие вещи. У авиаторов то же самое: проверка самолетного вооружения, обучение прибывших в полки авиамехаников, мотористов, оружейников, а также устранение неисправностей в полевых условиях, как то: ремонт и замена топливных баков, электрооборудования и тому подобное. А младших командиров разведывательных подразделений умению хождения по азимуту, обращению с картой и компасом. Да всего и не перечтешь, столько напридумано в Генеральном штабе и наркомате обороны. И обо всем надо отчитаться.

21 июня Павлов с утра сидел у себя в штабе округа. Накануне получили директиву из Москвы: никаких отпусков, выходных и увольнений из воинских частей. Это когда многих и в отпуск уже отпустили, и в увольнение.

В субботу вечером Павлов и почти весь генералитет сидели в Минской опере, смотрели балет «Спящая красавица». Часов в восемь, в самый разгар балетного действия, Павлова позвали к телефону: звонил начальник генштаба Жуков. Спросил:

– Ты, сказали мне, сейчас в опере?

– Так точно, Георгий Константинович! – И пояснил: – Суббота.

– Разговор не для оперы. Через пятнадцать минут перезвоню тебе в штаб округа. – И положил трубку.

Павлов чертыхнулся, покинул оперу и через десять минут был у себя в кабинете. Так спешил, что даже запыхался. Едва отдышался, едва просмотрел последние сводки, звонок:

– Как там у тебя обстановка на границе, Дмитрий Григорьевич? – услышал он голос Жукова.

– Пограничники отмечают шум танковых двигателей, – ответил Павлов, скользя глазами по листу бумаги. – Но самих танков не наблюдают. Авиаторы докладывают, что видят на сопредельной стороне движение в сторону границы, но с какой целью, определить не могут. – И добавил, чтобы Жуков не усомнился в его политической ориентации: – Скорее всего, с провокационной. Так я полагаю.

– Наверняка, – согласился Жуков. – Но ты посматривай, чтобы не поддавались на провокации. А то у нас горячих голов много.

– Знаю, Георгий Константинович. Посматриваю.

– И штаб свой не распускай. Не исключено, что немцы устроят нам провокацию. Так чтобы не застали нас в постели.

– Ясно, Георгий Константинович, примем меры.

Еще через пару часов позвонил нарком Тимошенко:

– Слушай, Дмитрий Григорьевич. У нас есть данные, что немцы что-то замышляют. Ты там у себя проверь, чтобы не спали.

– Может, объявить боевую готовность?

– Подожди. Мы сейчас готовим директиву в округа. Через час получишь. Но кое-какие меры принять можешь. Для страховки. Но не переборщи.

– Сделаем, Семен Константинович, будьте спокойны.

– Товарищ Сталин очень на вас надеется.

– Оправдаем, Семен Константинович. Так и передайте товарищу Сталину.

Павлов положил трубку, посмотрел на своего начальника штаба генерала Климовских, произнес с усмешкой:

– Нервничают в Москве. Да и как не нервничать: а вдруг война? Давай подумаем, что надо сделать, чтобы, как сказал нарком, не проспать.

– По-моему, Дмитрий Григорьевич, лучше дождаться директивы, – посоветовал еще более осторожный начштаба. – А то, сам понимаешь: сдвинешь с места одно, за ним потянется другое, за другим третье – не остановишь.

– И то верно. Однако позвони командующим армиями самолично, чтобы тоже не спали. Скажи, что возможна провокация.

– Хорошо, позвоню.

То же самое происходило в других округах: все всё слышали, сознавали, но никаких мер не принимали.

Лишь в Одесском военном округе и на Черноморском флоте, предварительно поставив Москву в известность, вывели войска из казарм и палаточных лагерей, выдвинули их на заранее подготовленные рубежи, самолеты рассредоточили по запасным аэродромам, замаскировали танковые и артиллерийские части, на кораблях сыграли боевую тревогу и стали ждать. И когда немецкая и румынская авиация пересекла границу, ее встретили организованным огнем зенитных батарей, атаковали истребителями, а потом бомбардировщиками нанесли ответные удары по авиабазам, по румынским и болгарским портам, по их флотам и нефтепромыслам Плешти. И все лишь потому, что нашелся там человек – начальник штаба округа генерал Захаров, – который всю ответственность взял на себя.

Впрочем, не только в Одесском округе находились смелые и ответственные командиры. Иные комдивы приказывали рыть окопы полного профиля, строить доты и дзоты, оборудовать артиллерийские позиции задолго до того, как война властно стала стучаться в полураскрытые двери границ. Готовились будто бы в учебных целях, но там и в таких масштабах, которые предусматривали планы боевого развертывания. Кто-то из таких прытких получал нагоняй от вышестоящего начальства, кому-то эти инициативы сходили с рук.

Немцы засекали робкие попытки русских укрепить свою границу, но лишь отмечали у себя на картах происходящие изменения да заверяли Москву в своих дружеских чувствах и намерениях. Протестовать и признавать эти попытки за провокацию не собирались, сами вдоль границы зарывались в землю, якобы для защиты своих войск от превентивных ударов Красной армии. Командование округов далеко не все знало об инициативах своих подчиненных, а иногда смотрело на них сквозь пальцы: хотят рыть, пусть роют.

Глава 2

Только в час-двадцать ночи 22 июня в штаб округа пришла директива, подписанная наркомом обороны маршалом Тимошенко и начальником Генштаба генералом армии Жуковым, о приведении войск приграничных округов в боевую готовность, о рассредоточении и маскировке авиации на полевых аэродромах, о скрытном занятии войсками боевых позиций и укрепрайонов, о затемнении городов.

Пока расшифровывали и прочитали, пока осмыслили что к чему, пока составили соответствующие приказы для войск округа, зашифровали и отправили, минуло более часа. Начали передавать – оказалось, что с некоторыми штабами армий нет связи. Связались по радиии, пока точка-тире-точка-тире-точка, прошел еще час.

– Достукались, – рычал Павлов, меряя шагами свой огромный кабинет от стола к двери и обратно. – По головам летали, а мы все разговоры разговаривали, все миндальничали, все чего-то ждали да на кого-то оглядывались. Дооглядывались. – И грязно выругался, отводя душу.

Безропотный начштаба округа генерал-майор Климовских молча слушал рычание своего начальника и невесело поглядывал в окно, за которым во всю горели уличные фонари и светились окна правительственных зданий.

– Хоть у нас в штабе задрапируйте окна! – вскрикнул Павлов. – Это черт знает что такое!

Климовских вышел. Через несколько минут появились заспанные люди, стали натягивать на окна черные шторы, вкручивать синие лампы общего освещения. Еще через какое-то время начали гаснуть огни в окнах здания ЦК КП(б) Белоруссии, но в зданиях Совнаркома свет не только не погас, а наоборот, стали загораться все новые и новые окна, свидетельствующие о том, что ответственные товарищи прервали свой сон и явились по месту службы – так, на всякий случай. Сказано же было: не спать.

Вошел начальник связи округа генерал Григорьев, доложил, что директива разослана в штабы армий и укрепрайонов, но с некоторыми полками, дивизиями и даже корпусами связи нет. Нет связи с большинством авиационных соединений.

В это время в кабинет вбежал бледный майор из оперативного отдела штаба и доложил, что немцы бомбят Брест, Гродно, Барановичи, Луцк, что на подходе к Минску слышен гул множества самолетов.

– ПВО! ПВО срочно к бою! – вскрикнул Павлов.

– Приказа не было, – упавшим голосом произнес вдруг побелевший Климовских. – Кто ж знал, что и Минск тоже...

– Так какого черта? – Павлов сам стал вызывать начальника ПВО округа, но тут Климовских, заглядывавший за штору окна, обернулся и радостно возвестил:

– Стреляют! Наши стреляют, Дмитрий Григорьевич!

В кабинете стало тихо, и сквозь стекла проникли звуки выстрелов зенитных орудий и разрывов снарядов: Бах-бах-бах! Пак-пак-пак! Но звуки эти тут же потонули в надвигающемся грохоте бомбежки.

С этих мгновений все сорвалось с места и покатилося под уклон, точно лишенный тормозов поезд, да с такой стремительностью, что Павлов и его штаб не успевали ни оценить события, ни принять соответствующие решения. Все, что создавалось в последние годы, вдруг стало разваливаться на глазах и продолжало рушиться, а его, командующего округом, приказы уходили в пустоту, из которой доносились лишь крики о помощи или вообще ничего не доносилось.

Москва требовала конкретных данных о противнике и своих частях, решительных контратак и даже контрнаступления, ударов всей авиацией по тыловым аэродромам противника, охвата прорвавшихся немецких танковых колонн с флангов, отсечения их от пехоты и уничтожения, а подчиненные Павлову войска откатывались кто под напором немцев, кто под напором панических слухов, деморализованные непрерывными бомбежками, без снарядов, без патронов, без горючего и продовольствия, без прикрытия с воздуха, часто без зенитной артиллерии, иногда без артиллерии вообще, но главное – без связи с вышестоящими штабами и соседями, не имея карт, не зная дорог, откатывались мимо складов и баз с этими самыми снарядами и патронами, горючим и продовольствием, а начальники этих складов и баз, белые от страха, стояли насмерть, не выдавая ничего, потому что не было приказа выдавать. И приказа не выдавать тоже не было. И уничтожать склады тоже нельзя без приказа, а приказы должны быть исключительно письменные, заверенные определенным кругом должностных лиц, с соответствующими печатями и на соответствующих бланках. А если уничтожать, то после уничтожения надо составить акт об уничтожении – и тоже с подписями и печатями, потому что, не дай бог, растащат казенное имущество, разворуют, и все это свалят на начальника склада или базы, потому что исстари бытует убеждение, что все тыловики – воры и жулики. Особенно – складские. А до ответственных лиц не дозвонишься, и бежать нельзя, и оставаться страшно. А еще семьи... А тебя дергают со всех сторон: и то дай, и это. И мародеры уже толпятся по закоулкам: пронюхали, сволочи, ждут удобного случая...

И все-таки сдавались: «А-а, берите! Черт с вами!», если какой командир проявлял ожесточенную настойчивость. И бойцы брали, сколько могли унести: патроны, консервы, сухари, торопливо набивали ими свои вещмешки и уходили... Куда? А бог его знает, куда.

День шел за днем, немцы стремительно приближались к Минску, столице Белоруссии.

Павлов бросал им навстречу все, что имел под рукой, но все это погибало еще на подходе к цели от непрерывных бомбежек, а то, что доходило до намеченного рубежа, не успевало ни развернуться, ни выяснить обстановку, как тут же подвергалось атакам немецких танков, пехоты и артиллерии и догорало в жарком пламени неравных сражений, почти не замедляя продвижения танковых колонн противника.

Командующий Западным фронтом генерал армии Павлов не спал и не ел, пил только крепкий и очень сладкий чай, иногда, чтобы снять напряжение, выпивал полстакана коньяку, но ни хмель не брал его, ни сон, и в голове ничего путного не возникало. Миновало пять дней с начала войны – немцы уже возле Минска, горящего, полуразрушенного непрерывными бомбардировками, покинутого жителями, частью ушедшими на восток, частью разбежавшимися по окрестным деревням и лесам.

Павлов уже не понимал, что происходит и что надо делать, чтобы изменить обстановку. Еще ни один его приказ не был выполнен сполна, и не было уверенности, что и последующие будут выполняться. Командующие армиями и дивизиями действовали каждый сам по себе, не согласуясь ни с соседом слева, ни с соседом справа. То ли противник мешал им согласовываться, то ли они не были способны на такое согласование, то ли махнули рукой на все правила боя, в том числе и на командующего округом, – то бишь, теперь фронтом, – и стали действовать по собственному разумению, на свой страх и риск, а чаще всего – как бог на душу положит.

Сталин, между тем, прислал в штаб Западного фронта маршалов Кулика и Шапошникова. Те, покрутившись в штабе, разъехались по фронту выяснять положение. И оба пропали, точно корова языком слизнула. Теперь и за них отвечать придется перед Сталиным, будто своих забот не хватало.

Глава 3

В неразберихе первых дней немецкого наступления, когда их механизированные колонны делали в день по тридцать-пятьдесят километров, а на Северо-Западном фронте танковые дивизии генерала Гота, наступая в направлении Паневежиса, к концу дня 22 июня совершили бросок на все восемьдесят километров, – даже в этих условиях отдельные части, предоставленные самим себе, осыпаемые бомбами и снарядами, вступали в бой с немцами с отчаянностью обреченных, с одной единственной целью: хотя бы один танк, хотя бы одного фашиста прихватить с собой на тот свет.

Почти разбитые и деморализованные войска умудрялись огрызаться, но их все более всасывало немецким потоком наступления, раздергивало, разбрасывало, дробило, и всё теперь сводилось к тому, кто командует полком, батальоном и даже ротой. Если энергичный и знающий командир – подразделение дерется, быстро приспосабливается к обстановке, набирается опыта, оружие достает либо со складов, во множестве бросаемых тыловиками, не успевающими их уничтожить и часто в панике бегущими впереди всех, либо берут у врага.

И немцы с удивлением разглядывали трупы русских солдат, дравшихся до последнего патрона и последней гранаты, по-видимому, не понимавших, что они делают и ради чего такие жертвы. Во Франции и других странах в подобных обстоятельствах сдавались дивизиями и армиями вместе со всем вооружением и техникой, с командованием во главе и знаменами. Там понимали, что нынешнюю немецкую силу не одолеть, а лезть из кожи вон глупо. Русским же, по варварской их натуре, такое понимание выше их животного инстинкта.

* * *

Генерал армии Павлов стоял у большой карты, висящей на стене, смотрел на вычерченные оперативниками стрелы и не видел за этими стрелами и флажками ничего. Он сделал все, что мог: отдал приказ армиям, корпусам и дивизиям, с которыми сумели связаться радисты, чтобы они непрерывно атаковали зарвавшегося противника всеми имеющимися в их распоряжении средствами. И, судя по донесениям с мест, войска выполняют его приказ. Правда, опять же, лишь те, до которых приказ этот дошел. А что делают остальные, начерченные на карте стрелы в оперативном штабе фронта ни о чем ему не говорили. А ведь так было все ясно совсем недавно: вот наши армии, вот немецкие, они сюда – мы сюда, если они туда, то мы соответственно туда же. Как дважды два четыре. А теперь получалось, что у немцев дважды два и пять, и семь, и даже десять, а у нас и трех не набирается.

– Вас Жуков к аппарату, – сообщил адъютант, прерывая тяжелые раздумья генерала.

– Что у вас там происходит? – не поздоровавшись, начал Жуков. – Где армии? Где танковые и механизированные корпуса? Немцы передают по радио, что в районе Белостока они окружили две армии. Где маршал Кулик? Где конница? Почему не наладите с ними связь? Имейте в виду: нельзя дать немцам прорваться к Бобруйску и Борисову. Нельзя, чтобы они вышли в район Орша-Могилев-Жлобин-Рогачев до создания там прочной обороны, до подхода резервов. Возьмите это дело под свой контроль.

– Сделаем все возможное, Георгий Константинович, – заверил Павлов и вздохнул с облегчением: теперь, после звонка Жукова, он мог ехать к армиям и непосредственно на поле боя руководить операциями. Он был уверен, что там-то он докажет, на что способен, а, сидя в кабинете, могут руководить только такие люди, как Климовских. Да и то, если им скажешь, что делать.

Через час Дмитрий Григорьевич выехал из Минска в сторону Борисова. Кorteж штабных машин сопровождали два танка Т-34. Столицу покидали органы власти, машины с разнообразным имуществом. С северо-запада к Минску подходили танковые дивизии генерала Гота, с юго-запада – Гудериана. В Минске горели склады, дома, станция. Там взрывали паровозы и вагоны, чтобы они не достались немцам: железная дорога не действовала, поврежденная вражеской авиацией до самой Орши. Густой дым стелился над умирающим городом и плыл на восток, как бы предвещая такую же судьбу для других городов и весей.

* * *

Перед въездом в Жодино – КПП, возле него на траве в тени берез сотни две красноармейцев и командиров из разных частей, задержанных в качестве дезертиров. Как выяснилось, почти все из третьей и десятой армий, которые должны оборонять Минск, но, опасаясь окружения, топтались в нерешительности восточнее города.

Выслушав рапорт дежурного по КПП, Павлов оставил одного из офицеров своего штаба, распорядившись, чтобы из задержанных здесь людей сколачивал роты и батальоны и направлял к Березине для создания оборонительного рубежа.

– Всех задерживайте, не считаясь со званиями, и всех в Борисов, – распоряжался Павлов, глядя на капитана из своего штаба, замершего перед ним с туповатым выражением лица. – А этих... – задумался на несколько мгновений, оглядывая разношерстное воинство, по большей части без оружия, – из этих организуйте оборону непосредственно здесь и задержите немцев хотя бы на день. Из артиллерии, какая будет отступать через вас, создайте моим именем противотанковый заслон, из танков – подвижную группу для нанесения фланговых ударов. Командование участком передайте одному из командиров полков или дивизий, которые будут отступать через вашу оборону. Останетесь при нем. Без приказа отсюда ни шагу.

– Есть задерживать и отправлять в Борисов! – вытянулся капитан и тоже оглядел разношерстное воинство, которым предстояло командовать, не вполне понимая, чего от него хочет командующий фронтом. – А где взять оружие, товарищ генерал армии?

– Оружие? Оружие пришлю. Окапывайтесь пока. Лопаты, кирки раздобудьте у населения. Обратитесь к властям за содействием. Одним словом, готовьтесь, капитан, готовьтесь! Не забывайте, что эта дорога ведет в столицу нашей родины Москву.

Из толпы выступил командир в летной форме, с обмотанной грязными бинтами головой и подвешенной на цветастой косынке рукой. Он приблизился к Павлову, представился:

– Инженер-полковник Власенко, бывший начальник технической службы четырнадцатой авиадивизии. Со мной тридцать восемь человек инженерно-технического состава. Это все, что осталось. Прикажете в пехоту, товарищ генерал армии? Не жирно ли будет?

Дмитрий Григорьевич вспомнил этого полковника, – тогда, кажется, то ли майора, то ли капитана, – даже имя его вспомнил: не раз встречался с ним в Испании. Это обслуживаемые им «курносые» прикрывали с воздуха части республиканской армии, в которых Павлов выполнял роль военного советника. Хорошая, надо сказать, роль: ни за что не отвечаешь, даже за поражения. Всегда можно сказать: «Я советовал, а они...»

– Как вы здесь оказались, Иннокентий Сергеевич? – спросил Павлов. – Что с вашей дивизией?

Власенко оглянулся на своих людей, подступивших к нему сзади, качнул забинтованной головой.

– Долго рассказывать, Дмитрий Григорьевич. Так что прикажете?

Павлов обернулся к своему офицеру:

– Вот что, капитан, всех специалистов выявить и – в Борисов. Там их направят по назначению. – И к Власенко: – Садись в машину, Иннокентий Сергеевич – подброшу до Борисова.

– Спасибо, товарищ генерал армии: я уж со своими как-нибудь. Нам бы к любой летной части пристать, а самолеты, думаю, найдутся. Не сегодня, так завтра.

Павлов кивнул головой и сел в машину. Оттуда крикнул:

– Вот что, полковник! Забирайте спецов, всех, каких найдете, и ведите их в Борисов! – Захлопнул дверцу и уехал.

Полковник Власенко посмотрел на капитана, спросил:

– Как звать-то?

– Виленом. Вилен Капитонович Курыкин.

– Вот как! – криво ухмыльнулся невесть чему Власенко. – Вилен, значит? Что ж, споемся. – И, погасив ухмылку, продолжил жестким голосом, каким, видать, командовал своими мотористами, механиками и технарями: – Так что, Вилен Капитонович, принимай нас в свою шарашку. А там видно будет.

– Вам же сказано идти в Борисов, товарищ полковник, – обиделся капитан, у которого явно отнимали власть.

– Если я сейчас начну выкликать спецов, тут у тебя ни одного человека не останется. Так что в Борисов потом пойдем. А командовать ими я не собираюсь. Помогу тебе, чем смогу, и поведу своих орлов дальше.

– Я не возражаю, только....

– Вот и договорились, – перебил Власенко. – Прикажи, капитан, пойти в город, раздобыть подводы, шанцевый инструмент и все, что найдется для дела. А ты тут пока разбей этих вояк на роты и взводы, назначь командиров, наметь рубежи. Ты – пехота, тебе и карты в руки. А я пока по снабжению.

Через несколько минут полковник Власенко повел своих людей в Жодино, а капитан Курыкин занялся организацией обороны. Ему уже мерещилась слава капитана Тушина из «Войны и мира», звезда Героя, Москва... Чем черт не шутит: остановит немцев, даст возможность армии закрепиться на Березине... Но предаваться мечтаниям было некогда.

Не знали они тогда, что не будет ни отступающих танков, ни артиллерии, а будут прорававшиеся из окружения измотанные, голодные люди, почти без патронов, вооруженные по большей части немецким трофейным оружием. С этими людьми им придется стоять на этом рубеже, и никто не уйдет отсюда живым: ни капитан Курыкин, ни полковник Власенко со своими технарями.

* * *

Обещанные Жуковым и Тимошенко армии так и не успели подойти и вовремя занять оборону по Березине. Мало что вырвалось из немецкого котла из двух армий, отходивших с боями от Минска. Вдоль Березины Павлову удалось организовать лишь жиденькую цепочку слабо вооруженных тыловых частей и ополченцев. Ни мосты не успели взорвать, ни наладить оборону переправ, к которым стремились выходившие из окружения измотанные остатки дивизий и полков.

Под Борисовым, с потерей которого открывалась дорога на Смоленск, Павлов сумел собрать небольшой кулак из разрозненных танковых и механизированных подразделений, из тыловигов и ополченцев, из вышедших из окружения остатков частей, намереваясь контратаковать рвущиеся к городу танковые колонны немцев. Этого было, конечно, мало не только для контратаки, но и для обороны. Но ничего другого под рукой не оказалось. И задача свелась к тому, чтобы хотя бы на сутки задержать врага, а там, глядишь, успеют подойти под-

крепления. На ближних подступах к городу Павлов собирался бросить в бой даже курсантов танкового училища и пулеметную школу. Сам решил руководить боем, отчаявшись в попытках руководить окончательно развалившимся фронтом.

Глава 4

Авиаполк истребителей полковника Андрея Степановича Кукушкина располагался примерно в десяти километрах от Львова и в шестидесяти от границы с Польшей, где скоро уже два года как хозяйничали немцы. Это был не тот полк, которым Кукушкин командовал до ареста в тридцать восьмом году сразу же после возвращения из Испании и в который желал бы возвратиться после снятия обвинений во вредительстве и шпионстве в пользу Германии, возвратиться, чтобы посмотреть в глаза тем, кто дал лживые показания против него и его товарищей. Однако начальство рассудило иначе и отправило Кукушкина и в другой полк, и даже в другую дивизию, раскидав по другим полкам и его товарищей по несчастью. Успокоившись и рассудив здраво, полковник Кукушкин вынужден был признать, что начальство в данном случае поступило разумно, потому что не дело и не время сводить счеты с теми, кто оказался виноват перед тобой. В конце концов, они и так наказали себя своей подлостью, и это клеймо им не смыть с себя до конца своих дней: даже если люди про эту их подлость забудут, сами они не забудут ее никогда.

Рассудив таким образом, Кукушкин успокоился и целиком погрузился в работу. Да если бы и не успокоился, от работы все равно никуда не денешься, а работа лечит всё. Даже жестокие обиды.

Кукушкин принял полк в стадии формирования и поступления новой материальной части. Еще в марте сорок первого в полку было только две эскадрильи истребителей И-15 и И-16. Точно на таких же сам Кукушкин дрался в небе Испании с немецкими Me-109В, у которых скорость была повыше чем у «ишачков» всего на пять-восемь километров в час, зато «ишачки» были маневреннее и за счет этого воздушные бои, как правило, выигрывали. Но потом у немцев появился Me-109Е, на вид ничем от своего предшественника неотличимый, однако с более мощным двигателем, и потому в скорости превосходил «ишачков» более чем на сто километров, да, к тому же, имел на вооружении, помимо пулеметов, пушку калибра 20 миллиметров. И «ишачки» посыпались с неба огненными факелами. Не избежал этой участи и сам Кукушкин.

В конце марта сорок первого на вооружение полка поступили первые Як-1, а вместе с ними и пополнение, в основном из молодых летчиков, только что закончивших училища и на новых истребителях еще не летавших. Впрочем, были среди пополнения и опытные пилоты, и такие, кто дрался с японцами в небе Халхин-Гола и не то с немцами, не то с финнами над Карельским перешейком. Но и они Яки видели впервые. Стало быть, надо полк еще научить летать на новых машинах. И самому научиться тоже. Потому что летчики – это те же древние витязи, впереди которых выступает сам князь. Под знаменем и в золоченых доспехах. И первые стрелы и копыя – ему. Самолет Кукушкина от других ничем не отличался, разве что номером, но доведись ему вести в бой свой полк, он летел бы первым – это и привилегия, и обязанность, и ответственность.

Два летчика-инструктора, прибывшие в полк с новыми машинами, «вывозили» новичков на освоение техники, по десять-двенадцать часов не вылезая из кабин самолетов, и уже через пару недель обе эскадрильи самостоятельно поднимались в небо, а лучшие пилоты начали патрулирование воздушного пространства вдоль государственной границы. Конечно, две недели слишком маленький срок для того, чтобы летчик слился с самолетом, почувствовал его всем своим телом, но месяцев за пять-шесть большинство из летчиков новую технику осваивают.

В последнее время немцы настолько обнаглели, что залетали на нашу сторону на добрую сотню километров, легко уходя от преследовавших их «ишачков». К тому же в инструкции, спущенной сверху, категорически запрещено нашим летчикам во время патрулирования

поддаваться на провокации, нарушителей воздушного пространства СССР по возможности сажать на наши аэродромы, и только в случае неповиновения открывать сперва предупредительный огонь, затем огонь на поражение, но ни в коем случае ни в сторону сопредельной территории. Другими словами, нарушителя надо отсечь от границы, самому повернуться к ней задом или хотя бы боком и только тогда уж сажать или стрелять.

Где-то в конце мая летчики, летающие на патрулирование, стали доносить о том, что на той стороне творится что-то весьма странное и непонятное: роются окопы, устанавливаются орудия, по дорогам движутся колонны машин и танков, и все это в открытую, не таясь, а затем колонны рассасываются по окрестным лесам.

Правда, и с нашей стороны отмечается некое встречное движение, но оно слишком слабое и робкое по сравнению с немецким и заканчивается, как правило, с рассветом.

– Сегодня собственными глазами видел колонну примерно в пятьдесят танков, которая двигалась со стороны Ярослава, – докладывал старший лейтенант Дмитриев, низкорослый, квадратный, с круглой головой на короткой шее и носом картошкой, тыча пальцем в карту, висящую на стене кабинета командира полка. – А позиции артиллерии, которые возводились два дня назад, испарились. Глазам своим не поверил, товарищ полковник. Спустился малость, смотрю – есть, но так замаскировали, сволочи, что от кустарника не отличишь. Ведь на прямую наводку поставлены! – возмущался Дмитриев. – Неспроста все это, товарищ полковник, жареным пахнет. Чего наверху-то думают?

– Что надо, то и думают, – отрезал Кукушкин. – Ваше дело, товарищ старший лейтенант, доложить обстановку, а решать, что делать, и обсуждать вас никто не уполномочивал. Понятно?

– Так точно, товарищ полковник! – вытянулся Дмитриев. – Есть не решать, не обсуждать, мозгами не шевелить! Разрешите идти?

– Идите, – махнул Кукушкин рукой. – И напишите рапорт о том, что видели... Да, и еще: пришлите ко мне капитана Михайлова.

– Есть написать рапорт и прислать Михайлова, – лихо козырнул Дмитриев и вышел из кабинета.

Во рту у него сама собой скопилась слюна, ему хотелось плюнуть со злости, но не на пол же и не в кабинете, и только сбежав по ступенькам крыльца, он таки плюнул, и опять же – не на посыпанную песком дорожку, а в траву, и, разумеется, злости этим осторожным плевром нисколько не утолил.

Завернув за угол штабного здания, Дмитриев нос к носу столкнулся с капитаном Михайловым, командиром третьей эскадрильи, своим непосредственным начальником. Михайлов – полная противоположность Дмитриеву: сухощав, строен, лицо открытое, но холодное, и во всей его подтянутой фигуре разлита спокойная уверенность и рассудительность.

Дмитриев с Михайловым друзья. Вместе кончали Ейское летное училище, служили в одном полку, летали бок о бок в небе Халхин-Гола, затем прикрывали наши бомбардировщики в небе Финляндии. Редчайший в армейской практике случай, чтобы в течение пяти с лишком лет куда один, туда и другой. Дмитриеву давно положено командовать эскадрильей, но он слишком вспыльчив, несдержан, поэтому ходит у Михайлова в замах. И не тужит: командовать он не любит и не умеет.

– Доложился? – спросил Михайлов, останавливаясь и с подозрением поглядывая на своего зама.

– Как из пулемета, – беспечно отмахнулся Дмитриев. – Велено телегу писать. Тебя, кстати, Батя вызывает.

– Знаю. Вот что, пулемет, тебе придется сегодня еще разок слетать на патрулирование...

– А Горюнов?

– Горюнов приболел. Температура. Ничего, слетай, тебе же на пользу. Только без фокусов, – предупредил Михайлов.

– Да я ничего, слетаю – дело большое... Какие там фокусы? – проворчал Дмитриев и пошел на стоянку, к своему «Яшке», как все называли новый самолет.

Механик, старший сержант Рыкунов, степенный уралец, вынырнул из-под крыла, доложил:

– Машина к полету подготовлена, командир. Все проверено, все тик-так. Тут вам обед принесли: комэска распорядился, так я завернул, чтоб не простыл. Будете?

Дмитриев хлебал наваристый борщ и думал, что раньше перед сечей не ели, разве что квас... Говорят, мухоморы жевали для озверения. В пехоте, говорят, и нынче тоже не едят...

Рассуждения были досужими, ни к чему не ведущими, а наоборот – уводящими. В Монголии делали по пять-шесть вылетов за день, не поешь – не полетишь. А тут в день летаешь по разу. Но сегодня второй раз лететь не хотелось: все то же самое, то же самое. А если иметь в виду, что сегодня суббота, что Дмитриев рассчитывал провести воскресенье во Львове, то лишний вылет был ему совершенно ни к чему.

Как и перед каждой поездкой во Львов, Дмитриев мечтал и очень надеялся на особый случай, который позволил бы ему познакомиться с какой-нибудь девицей. То есть не с какой-нибудь, а с красивой и образованной. Лучше всего с учительницей или медичкой. Он представлял себе всякие невероятные положения, в которые ненароком попадает эта девица: нападение хулиганов, например, или падение с моста в реку. И тут появляется он, разгоняет хулиганов или бросается в воду и спасает. Или еще как-то проявляет себя с наилучшей стороны. Затем между ними возникнет настоящая дружба и любовь. Тогда можно и жениться. А то война начнется, он, разумеется, погибнет, а после него ничего не останется. Разве что пепел.

Женский вопрос занимал Дмитриева давно и безуспешно, как, впрочем, и многих других молодых летчиков. И хотя летчики у слабого пола были в моде, особенно после полета Чкалова в Америку, и даже песенку придумали на этот счет: «Мама, я летчика люблю, мама, за летчика пойду: летчик высоко летает, много денег получает, мама, за летчика пойду», – однако расчетливой любви никому не хотелось, а хотелось такой, как в книжках: чтобы бескорыстно и навек.

Покончив с борщом и гуляшом с гречневой кашей, выпив компот, Дмитриев прилег в тени крыла в ожидании приказа на взлет, грыз шоколад. Приказ поступит не раньше, чем через час: только что на патрулирование ушла очередная группа «Яков» – пока слетает, пока вернется...

Чуть в стороне от аэродрома, чтобы на виду у начальства, вертелись в воздухе, гоняясь друг за другом, два звена «ишачков», изображая воздушный бой, – это Батя гонял молодых пилотов, повышал их квалификацию. Невдалеке от стоянки третьей эскадрильи инженер полка проводил инструктаж с механиками и техниками по вопросам профилактики и ремонта новых машин. По рулѐжке тащился бензовоз. На опушке рощи красноармейцы из роты охраны не спеша рыли щели – на всякий пожарный случай. Обычные звуки, обычное движение...

Дмитриев задремал. Проснулся от крика своего механика:

– Командир, к вылету!

– Чего орешь, как резаный? По-человечески не можешь?

– Так ракета же, – оправдывался Рыкунов.

Взлетали вдвоем. Справа тянул вверх лейтенант Конягин. Под крылом поплыли леса, поля, деревеньки, хутора; промелькнули выгоревшие на солнце до белизны, выстроившиеся как на параде палатки летних военных лагерей, даже не прикрытые ветками танки и артил-

лерия; дымят походные кухни, пылит по проселку в сторону стрельбища пехота. Кое-где на полях косят еще зеленоватый овес, на выгонах пасутся стада коров и овец, над речушкой маленькие домики пионерского лагеря, разноцветные флажки, на лужайке пацаны гоняют мяч. По тонкой ниточке железной дороги ползет змея из красных вагонов, дымит паровоз. Мир, спокойствие и благодать – если смотреть сверху и не вдаваться в детали.

Поднялись на две тысячи метров. Справа остались рассыпанные среди садов дома Брюховичей, слева – Яворова, еще несколько минут – справа показался Немиров, слева Краковец. Краковец – совсем уж на границе.

Не сговариваясь, помахали друг другу рукой и разошлись в разные стороны.

Хотя на небе лишь редкие полупрозрачные облака и голубизна разлита от края и до края, однако кажется, что запад подернут темной дымкой, что там собираются тучи и будто сквозь рокот мотора слышен далекий гром надвигающейся грозы. Дмитриев знает, что это всего лишь его фантазии, но ничего поделать с собой не может: кажется – и все тут. Раньше, например, не казалось.

А по ту сторону границы подозрительно тихо. Дороги пустынные, разве что одиночная машина пропылит или фура с битюгами в упряжке мелькнет в солнечной ряби просеки. Ни дымков походных кухонь, ни костров. Даже не верится, что всего несколько часов назад он собственными глазами видел колонну танков,двигающуюся к границе. Не к добру это, не к добру. Может, сделали все, что надо сделать, изготовились, а теперь только ждут приказа?

Дмитриев скрипнул зубами, дал полный газ и потянул штурвал на себя. Тело вжалось в сидение, пропеллер с воем отбрасывал воздух; лес, речка, редкие домики бросило вверх, солнце и облака – вниз, и все это закружило в хороводе мертвых петель и бочек.

Нет, каждый день видеть немецкую возню сверху, даже не залетая на сопредельную сторону, докладывать об увиденном и не замечать, чтобы кто-то палец о палец ударил для подготовки ответных мер, – поневоле записхуешь. А чем снять этот психоз? Вот и вертись на небе на глазах и у своих, и у чужих: смотрите, мол, черти полосатые, спуска не дадим.

Но после такой встряски ничего, кроме усталости и опустошенности.

И вдруг – немец! Ю-88 – «Юнкерс». Идет чуть наискось к границе с нашей стороны. Метров на пятьсот выше Дмитриева. Видно, что бомболомки открыты, наверняка фотографирует, еще немного – и он уже на той стороне. И то ли немец не видит советского истребителя, то ли уверен, что проскочит: скоростишка-то у него приличная, на «ишачке» не догонишь, но на Яке – раз плюнуть, а только летит спокойно, как у себя дома.

Дмитриев, еще не отдышавшись после двух петель и серии бочек, почувствовал азарт охотника, кинул машину вверх навстречу немцу и выпустил короткую предупредительную трассу перед его носом. Дымные полосы от двух пулеметов и пушки растаяли в вышине, и немец, не дожидаясь огня на поражение, покачал крыльями, будто на что-то соглашаясь, и тут же отвернул и бросил машину вниз: опытный, сволочь. И словно назубок знает все наши приказы, все наши инструкции, и вертится перед тобой, как вошь на гребешке, пытаешься прорваться к границе...

Дмитриев сделал горку и уже начал пристраиваться к хвосту немца, как вдруг заметил: запульсировал пулемет стрелка! Чтобы на чужой территории немец стал отстреливаться – такого еще не бывало. Ну, наглец! Ну, сволочь! Резануть? Но немец, повторив тот же маневр, уже выходил из зоны обстрела, то есть оказался между границей и советским истребителем – и стрелять нельзя. Да и дежурный по полетам лишний раз повторил параграфы инструкции: в драку не ввязываться, на провокацию не отвечать.

– Ах, гады! Ах, сволочи! – выругался Дмитриев, имея в виду и немца, и дежурного, и еще кого-то, кто не дает этих немцев сбивать.

Сталину написать, что ли, обо всех этих безобразиях? А то проспим войну, видит бог, проспим!

Глава 5

Комэска-три капитан Михайлов был сердит. Более того – зол. Он только что получил нагоняй от полковника Кукушкина за то, что в той части казармы для механиков и мотористов срочной службы, которую занимает третья эскадрилья, творится форменный бардак: койки заправлены плохо, в тумбочках много посторонних предметов, а у некоторых под матрасами обнаружена гражданская одежда, что свидетельствует о том, что механики и мотористы ходят в самоволку, а это равнозначно – по нынешним-то временам – дезертирству.

Михайлов со своей стороны поставил по стойке смирно старшину эскадрильи Бубурина, пообещав ему самые страшные последствия, если он не наведет среди личного состава срочной службы подобающего порядка. Затем то же самое, но в менее категоричной форме, он высказал адъютанту эскадрильи старшему лейтенанту Хомяченко, и теперь шел по стоянке, придиричливо оглядывая самолеты и людей, копошащихся около них, подмечая то мелкие непорядки, то вопиющие факты разгильдяйства. Он и раньше все это замечал, но не придавал особого значения, полагая, что авиация – это тебе не пехота, и здесь должна быть несколько иная атмосфера – атмосфера доверия и братства, а не солдафонства и буквоедства. Тем более что люди работают на матчасти хорошо, с душой, можно сказать, работают, так какого еще рожна ему нужно?

Под «ним» капитан имел в виду полковника Кукушкина, человека скрипучего формалиста.

Два «Яка» шли на посадку крыло к крылу. Шли с форсом, нарушая инструкции. Это были машины его эскадрильи. И одну из них вел старлей Дмитриев, его, капитана Михайлова, правая рука.

«Ну, сукин сын! – закипел Михайлов. – Вот я тебе покажу, как выпендриваться! Ты у меня почешешься!»

Самолеты рулили на стоянку, и тут Михайлов увидел, что машина Дмитриева в нескольких местах продырявлена, лохмотья перкали треплет воздушный поток.

Дмитриев зарулил на свое место, выбрался из кабины, спрыгнул на землю, отстегнул парашют, ходил вдоль самолета, покачивая круглой головой. Следом топал механик Рыкунов и тоже качал головой.

Михайлов, забыв о выкрутасах Дмитриева при посадке, подошел и тоже стал рассматривать израненный самолет.

– Вот, – сказал Дмитриев, трогая пальцами лохмотья перкали. – Дожились: на нашей же территории нас и сбивают.

– Не сбили же, – проворчал озадаченный Михайлов и вдруг, вспомнив нотацию Бати, проскрипел почти его же голосом: – Старший лейтенант Дмитриев! Извольте доложить по форме о результатах патрулирования!

Дмитриев изумленно воззрился на своего друга.

– Ты чо, Лёха? Меня ж чуть не сбили... Юнкерс! Восемьдесят восьмой! Я бы его, суку, завалил, но не дали же... Не дали! – вскрикнул он и осекся под тяжелым и требовательным взглядом командира. Вытянулся, щелкнул каблуками, руки по швам. – Есть доложить по форме, товарищ капитан! Так что был обстрелян «юнкерсом» при попытке воспрепятствовать уходу за границу.

– А почему садился не по инструкции?

– Так вышли к аэродрому вместе и решили отработать совместную посадку. Мало ли что может случиться в боевой обстановке... А только я скажу тебе, Лёха, хоть ты и командир мне, а сил моих нету терпеть такое б...во! Им, значит, можно, а нам, на своей земле, нельзя?

Как хочешь, пойду под трибунал, а в следующий раз вгоню в землю как миленького. Так и знай.

Михайлов взял Дмитриева под руку, отвел в сторонку, чтобы никто не слышал.

– Я все понимаю, Вася, – заговорил он сочувственно. – Но приказ есть приказ. Инструкции есть инструкции. Так что... Впрочем, вот тебе мой совет: возьми и напейся. Даю тебе увольнение до завтрашнего вечера. Нет, даже до понедельника. Поезжай во Львов, запись в гостинице, чтобы никто не видел, и напейся. Вот все, что я могу для тебя сделать.

И старший лейтенант Дмитриев решил последовать этому мудрому совету.

Вообще-то он пил редко и помалу. Не тянуло. Да и не до этого было. Дело свое любил, а оно не оставляло времени ни на что другое. Был счастлив, что выбрал профессию военного летчика, и уже не помнил о том, что в школе собирался стать агрономом. А еще Дмитриев считал себя везучим человеком. В одном ему не повезло – не попал в Испанию. Хотя очень туда с Михайловым стремился. Впрочем, туда все стремились, да не все попали. Зато с япошками и финнами схлестнуться довелось. И получилось весьма неплохо. Получил «Знамя» и «Звездочку» – не хухры-мухры. Опять же, приобрел опыт, уверенность в себе. А это кое-что значит, если учесть грядущую войну с фашистами. Так что на судьбу жаловаться ему не престало. Вот только с женщинами не везло. И не урод вроде бы, хотя и не красавец... Так разве во внешности дело? Душа – вот главное. А душа у Дмитриева азартная и певучая. Только женщины почему-то этого не видят и не слышат. Настоящие женщины, разумеется.

До Львова старший лейтенант Дмитриев добрался на полковой полуторке, ехавшей в город за продуктами. Сидел в тесной кабине рядом с буфетчицей Клавочкой, чувствуя жар ее молодого тела, невпопад отвечал на глупенькие Клавочкины вопросы, не замечая масляных глаз и припухлых губ, раскачивающихся в опасной близости от его лица. Он настолько еще был переполнен недавним полетом, своими промахами, что все остальное казалось мелким, не имеющим к нему, Дмитриеву, никакого отношения.

«Приеду и напьюсь, – твердил он себе словно заклинание. – И пошло оно все к черту!»

Нервы у него, действительно, были на пределе, и сегодня он чуть не сорвался.

«У-у, гады! У-у, сволочи!» – ругался Дмитриев про себя, уже никого не имея в виду, а больше по привычке.

Он ругался, а Клавочка о чем-то болтала, о чем-то веселом, беззаботном, и Дмитриеву странными казались и ее неуместная веселость, и почти преступная беззаботность. Он жалел, что сел в кабину, а не в кузов: там не так жарко, там он был бы избавлен от этой глупой болтовни.

Мимо бежали поля, перелески, хутора. Промелькнули среди деревьев палатки артиллерийской части. Машина обгоняла то крестьянскую подводу, то воинскую фуру. Лошади перебирали ногами, взбивая копытами желтоватую пыль, мотали головами, возницы дымили самосадам. Все было мирно, тихо, действовало на Дмитриева убаюкивающе, и сам он уже не верил тому, что видел сверху минувшим утром, встреча с «Юнкерсом» казалась сном...

– А вы что сегодня вечером будете делать? – прозвучало у Дмитриева над ухом – и он встрепенулся, почувствовал тепло и запах распаренного в тесноте кабины Клавочкиного тела.

Действительно, что он сегодня собирался делать? Напиться? Да, напиться. А Клавочка?

Дмитриев глянул на женщину: не такая уж и молодая, то есть уже под тридцать, лицо невыразительное, глаза маленькие – мышинные, верхняя губа чуть вздернута, белеют мелкие зубы, подбородок тяжеловат, большие груди вызывающе трясутся вместе с крепдешиновым платьем, в ложбинке мокро... Может, и правда, пригласить в номер, выпить вместе... или совсем не пить... Вот тебе и временное разрешение женского вопроса. Правда, о Клавочке в

полку поговаривают, что ее только помани, пойдет за кем угодно, как лошадь на запах овса, но ведь другой-то нету...

– Что делать буду? – переспросил Дмитриев. И вдруг, неожиданно для себя самого: – Тебя буду ждать вечером в гостинице. Придешь? – И сам испугался и своей непозволительной наглости, и возможного отказа.

– Приду, – сказала Клавочка просто. – Вот только получу доппоек, и приду. Но мне рано в полк надо... Совсем рано – к пяти часам.

– А у меня весь завтрашний день свободен, – с сожалением произнес Дмитриев.

Они договаривались, а шофер-солдатик смотрел прямо перед собой и крутил баранку, точно был один в кабине и ничего не слышал. Ни Клавочка, ни Дмитриев солдатика не замечали.

В гостинице Дмитриев принял душ, в одних трусах сел к столу, налил полный стакан водки, выпил залпом, словно воду, съел банку бычков в томатном соусе и огромный малиновый помидор. Хотел налить второй стакан, но передумал: Клавочка придет, а он в стельку. Тогда Дмитриев лег на кровать поверх одеяла и стал ждать. Не заметил, как уснул. Разбудила Клавочка. Открыл глаза, а она – вот она, сидит рядом и улыбается.

– Уморился, родненький? – и маленькими ладошками с короткими пальцами гладит его по голой груди и смотрит выжидательно, еще не зная, что можно, а что нельзя.

Дмитриев схватил ее в охапку, ткнулся носом во влажную ложбинку, замер с закрытыми глазами, вдыхая кисловатый запах распаренного на жару тела. Потом стал торопливо стягивать с Клавочки платье. Она хихикала, помогала ему, покусывала за ухо.

Дальше все произошло уж очень быстро и бестолково, как показалось Дмитриеву. Но Клавочка не обиделась, она гладила его по голове, шептала что-то глупенькое, но утешительное, как маленькому обиженному ребенку.

Закатное солнце плавало розовую портьеру на единственном окне, движение воздуха колыхало ее, и солнце колыхалось вместе с портьерой. В комнату врывались гудки паровозов с недалекой станции, тархтение телег по булыжной мостовой, голоса людей. Клавочка стонала и втягивала своим маленьким ртом нижнюю губу Дмитриева, иногда кусалась, но не больно, а возбуждающе щекотно. Все это длилось долго, до тех пор, пока оба не устали и уже не испытывали ничего, кроме желания, чтобы это наконец кончилось.

Дмитриев сдался первым. Клавочка победно засмеялась и уселась на него верхом. Грудь ее, похожие на две большие груши, свисали до самого живота.

– Я победила, – произнесла она.

– Победила, – согласился Дмитриев.

– Давай поедим?

– Давай. Только сперва помоемся.

– А как же.

Мылись вместе.

После душа Клавочка, не одеваясь, разложила на столе принесенную с собой снедь, поставила бутылку водки. Они выпивали маленькими порциями, заедали помидорами, огурцами, колбасой, сыром, крутыми яйцами. Потом все началось сначала. Так же жадно, до изнеможения.

Потом Дмитриев уснул. Но не сразу. Сперва тело сделалось воздушным, невесомым, словно он вошел в штопор, а голова, наоборот, отяжелела, тянула вниз. «Ну, вот и все, – сказал он себе. – И все вопросы решены. И женский вопрос, и военный, и всякий другой. До безобразия просто. И пошли они все к такой матери!»

А через минуту ему уже казалось, что он сидит в своем Яке и ловит в перекрестие прицела контур немецкого «юнkersа». Еще немного – и он догонит его, и можно будет нажать

гашетку. С каким наслаждением он всадит в него очередь из всех своих пулеметов и пушки. Главное – успеть настичь немца до того, как тот повернет к границе.

Нет, действительно, написать Сталину – уж он им...

Глава 6

Полковник Кукушкин поздним субботним вечером получил из штаба дивизии странную телефонограмму: никого в увольнение из части не отпускать, ожидать дальнейших распоряжений.

Чертыхнулся: несколько человек из летчиков и техников он уже отпустил. Это из тех, кто давно не был в увольнении, в основном – семейных. В том числе и старшего лейтенанта Дмитриева – по личной просьбе капитана Михайлова, – чтобы снял, так сказать, нервное напряжение после стычки с немецким нарушителем воздушного пространства СССР. В душе полковник Кукушкин сочувствовал Дмитриеву. У него было такое ощущение, точно его самого оскорбили принародно, а он не смог на это оскорбление ответить. Хотя надо было дать в морду. Отвратительное ощущение, надо сказать.

Кукушкин вызвал дежурного по полку, приказал отправить посыльных по оставленным уволенными адресам.

– Не на чем, товарищ полковник: все машины в разгоне, – стал отбояриваться майор Никишкин, командир первой эскадрильи, и не только потому, что действительно было не на чем, а более всего потому, что на одной из полковых полуторок он отправил во Львов адъютанта своей эскадрильи и двух механиков, чтобы они помогли перебраться его семье на новую квартиру. Он сделал это с ведома заместителя командира полка, уверенный, что Кукушкин, с первых же дней прославившийся в полку сухарем и службистом, машину, скорее всего, не дал бы и людей не отпустил. Теперь получалось, что надо всех возвращать, а жене и детям перебраться на новую квартиру с помощью случайных помощников.

– Пешком пусть идут! – вспылел полковник Кукушкин, но тут же устыдился своей вспыльчивости и уже спокойно: – Есть велосипеды, есть лошади, в конце концов. Распорядитесь, майор. В крайнем случае – пошлите мою машину.

Майор Никишкин козырнул и вышел.

«Обиженный, – подумал о нем Кукушкин, но не сердито, а с пониманием: Никишкин рассчитывал командовать эскадрилей „Яков“, а его оставили на „ишачках“, на „Яки“ же пошли новички. – Ничего, на обиженных воду возят, – продолжал рассуждать Кукушкин. – Кому-то и на „ишачках“ надо. Зато на них никто лучше Никишкина и его пилотов не летает...»

Лишь за полночь, выпив на сон грядущий кружку крепко заваренного горячего чая, Андрей Степанович прилег на кушетку в своем кабинете, распечатал и прочитал короткое письмо от дочери.

Цветана писала, что едет с внучкой в деревню, к родителям мужа, то есть к дедушке и бабушке, что Дудник, муж то есть, получил новое назначение.

Подумалось: «Надо и жену отправить к родителям, нечего ей околачиваться во Львове». Что-то вертелось на уме и о зяте, но Андрей Степанович задавил мысли о нем в зародыше: Дудник, следователь НКВД, ему не нравился, хотя именно он добился освобождения и реабилитации Кукушкина и его товарищей. Еще меньше нравилось полковнику, что единственная дочь, любимая им ревнивой любовью, вышла замуж за этого сморчка, который на полголовы ниже своей жены.

С этими полумыслями Андрей Степанович и уснул. И никакие сны его не тревожили. Но уже через час его разбудил звонок из штаба дивизии. Звонил сам комдив, генерал Хворов:

– Спишь, Андрей Степанович? – пророкотал в трубке знакомый хриловатый бас.

– Да вот... прикорнул.

– Сверху звонили: ожидается крупная провокация. Так что ты там... – и голос вдруг пропал, а вместе с ним обычные шорохи и пiski.

– Алё! Алё! – надрывался Кукушкин. – Товарищ генерал? Товарищ... Станция, черт бы вас побрал! Алё! Алё!

Трубка отвечала мертвой тишиной.

«Что он хотел сказать? – терялся в догадках полковник Кукушкин. – Что – я тут? Поднять полк по тревоге? Хотя бы по учебной? Замаскировать самолеты? Поднять зенитные расчеты? Но у зенитчиков нет снарядов. Снаряды обещали подвезти только на следующей неделе... Что же делать?»

Кукушкин снова вызвал к себе дежурного по полку майора Никишкина и велел ему собрать в штаб всех своих замов, командиров эскадрилий и начальников служб.

– Одна нога здесь, другая там, – ничего не объясняя дежурному, приказал Кукушкин. – И еще: передай начсвязи: мотоциклиста в штаб дивизии, связистов – на линию.

Через десять минут в кабинете командира полка собралось человек двадцать. Все эти десять минут Кукушкин пытался наладить связь полка с дивизией или хотя бы с местным райкомом партии: если поступила директива о возможной провокации со стороны немцев, то она поступила не только в воинские части, но и в партийные и советские органы тоже. Но связи не было. А посыльные пока доберутся, пока назад...

Все эти десять минут командир полка терялся в догадках и мучился сомнениями, боясь сделать что-то такое, что делать никак нельзя, и не сделать тоже, потому что и за несделанное по головке не погладят. А второй раз предстать перед военным трибуналом – лучше пулю в висок.

– Вот что, – начал Кукушкин, хмуро оглядывая своих подчиненных. – Через... – он посмотрел на часы, – через двадцать минут будет объявлена учебная тревога. Действовать по инструкции. Дежурное звено – на старт. Самолеты – на запасные стоянки, замаскировать сетями, ветками. Откатывать машины собственными силами. Командиру роты охраны удвоить патрули, усилить охранение складов и стоянок самолетов.

– Заправка горючим, боекомплект? – спросил комэска Михайлов.

– Машины горючим дозаправить, боекомплект – тоже. Бензозаправщикам и оружейникам быть в полной боевой готовности. Еще вопросы?

– Так боевой или учебной? – переспросил дотошный инженер полка.

– А вот так, как я сказал, – отрубил Кукушкин.

– Я почему спросил, товарищ полковник, – пояснил инженер полка. – Я потому спросил, что у меня шесть машин на профилактике. В основном по системе уборки шасси и моторам. На козлах стоят. Их тоже на запасные?

– Их оставьте на стоянке, но укройте сетями.

Других вопросов не было.

В два часа сорок пять минут прозвучал сигнал учебной тревоги. В темноте перед самолетами выстраивался личный состав полка: летчики, техники, механики, мотористы. Зевали, покашливали.

Небо на востоке начинало чуть заметно светлеть. На западе лежала густая тьма. Сияли звезды, светился Млечный путь. Крылья самолетов и фюзеляжи тускло отсвечивали предутренней росой. В неподвижном воздухе команды звучали пугающе громко.

Где-то на севере, не так уж далеко от аэродрома, прозвучало несколько выстрелов. Точно эхо им ответили выстрелы с другой стороны, но значительно глуше. Гул голосов на мгновение смолк, затем возобновился снова.

Комэски ставили задачу перед командирами звеньев, те – перед летчиками и механиками. Затем прозвучала команда: «Разойтись по местам!» Разошлись, зевая и матерясь вполголоса: начальству не спится – и оно подчиненным спать не дает. Даже по выходным.

Кукушкин шел по линейке полка, следил, как подчиненные выполняют его приказ и инструкции на случай учебной тревоги. В темноте мелькали лучи фонарей, копошились люди, слышались голоса, иногда смех.

«Хороший у нас народ, – думал Кукушкин. – Ворчат, а дело делают. А через минуту и ворчать перестанут. Сменяются...»

Сзади затопало. Подбежал помощник дежурного по штабу, доложил:

– Только что звонили из штаба дивизии, приказали никаких тревог не объявлять.

– Кто звонил?

– Какой-то майор. Фамилию я не разобрал, товарищ полковник: слышимость была плохая.

– Перезвонить пробовали?

– Так точно! Никто не отвечает.

Кукушкин развернулся и быстро пошагал назад, к штабу полка. В голове билась одна мысль: «Отменять тревогу или не отменять?» В конце концов, он имеет право объявлять учебные тревоги хотя бы и по десяти раз на день: это входит в боевую подготовку личного состава. И никакой провокацией не может быть. Что там мудрят – в этом штабе?

Телефон молчал по-прежнему.

В дверь постучали. Вошел начальник связи полка, молоденький лейтенант, недавно из училища.

– Разрешите доложить, товарищ полковник?

Кукушкин кивнул головой:

– Докладывайте.

– Связистов по линии послал, но от них пока никаких известий.

– Сколько человек послали?

– Двоих.

– Пошлите пять человек, – чеканил Кукушкин. – С оружием. Предупредите, что могут встретиться с диверсантами, одетыми в красноармейскую форму, чтобы вели себя осторожно, в кучу не сбивались, двигались цепочкой. При обнаружении обрыва занимали круговую оборону. Ясно?

– Так точно, товарищ полковник! – откликнулся начальник связи, а по глазам видно: ничего ему не ясно. – Разрешите выполнять?

– Вот что, лейтенант, – отеческим тоном начал полковник Кукушкин, кладя на плечо офицера тяжелую руку. – Мы все знаем, что на границе неспокойно. Что могут быть всякие провокации со стороны гитлеровцев. Есть сведения, что на нашу территорию заброшены диверсионные и шпионские группы. В Испании франкисты перед наступлением тоже засылали к республиканцам такие группы. Они рвали связь, убивали делегатов связи, нападали на командиров. Я не говорю, что ситуация такая же сегодня складывается и на нашей границе, но иметь в виду надо худшее. Посылая связистов на линию, объясни им все, что я тебе сказал... – Помолчал немного, спросил: – Выстрелы слышал?

– Так точно, слышал, товарищ полковник.

– Делайте выводы, лейтенант, – переходя вновь на «вы», продолжил Кукушкин. – А теперь идите. Мне нужна связь.

Кукушкин стоял возле окна и смотрел на аэродром, окутанный ночной мглой. Там, точно ночные светлячки, мелькали огоньки фонарей, выхватывая из темноты то зачехленную кабину самолета, то часть плоскости, то стойку шасси. Отбрасывая лучи фар до самого леса, ползли со стороны склада ГСМ все четыре полковых бензовоза.

Предупредив дежурного по штабу, что пойдет в первую эскадрилью, Кукушкин покинул свой кабинет.

Светало. Уже выступили из темноты деревья и кусты. Небо посветлело. Млечный Путь исчез. На востоке, под брюхом фиолетовой мглы, раскинувшейся на многие километры, проступила, как кровь сквозь повязку, малиновая полоса.

Кукушкин мучился неизвестностью и неопределенностью. Они не позволяли ему действовать решительно. Только поэтому он смотрел сквозь пальцы на то, как в эскадрильях, не слишком торопясь, облепив самолеты, толкают их по одному в сторону леса на запасные стоянки. Это метров двести, и пока еще ни один самолет не достиг предназначенного ему места.

Пока Кукушкин дошел до первой эскадрильи, командир которой дежурил по полку, почти рассвело, хотя солнце еще не показалось из-за горизонта. На ручных часах стрелки сошлись на трех часах пятнадцати минутах. Лес точно растворился в дымке тумана.

«Может, комдив, говоря о провокации, имел в виду что-то другое? Скажем, готовность одной из эскадрилий или даже полка к вылету на прикрытие границы? Может, он собирался вызвать его, Кукушкина, в штаб дивизии?» – терялся в догадках Андрей Степанович.

Снова севернее аэродрома зазвучали выстрелы, в них вплелась автоматная трескотня. Это уже походило на настоящий бой. Задудукал ручной «дегтярь». Кукушкин остановился, прислушиваясь. И весь аэродром, казалось, замер в ожидании, чем кончится эта стрельба.

От штаба полка кто-то бежал, бежал изо всех сил, как бегает стометровку. Кукушкин узнал начальника связи лейтенанта Молокова, пошел, встревоженный, ему навстречу.

Еще издали тот закричал:

– Товарищ полковник! Товарищ полковник!

Кукушкин прибавил шаг.

– Товарищ полковник! – глотая воздух широко раскрытым ртом, докладывал лейтенант Молоков. – Связисты ведут бой! Доложили, что наткнулись на группу красноармейцев, и те неожиданно открыли по ним огонь. Убит старший группы помкомвзвода Литовченко и двое ранены. Это все, что они успели передать. Я послал им на помощь отделение с пулеметом.

– Хорошо, лейтенант. Вы действовали правильно. Идите на пункт связи: там ваше место.

– Есть, товарищ полковник, идти на пункт связи.

И в это мгновение раздался истерический крик:

– Во-озду-ух!

И взвыла сирена воздушной тревоги.

Кукушкин глянул на запад и увидел самолеты – десятка два, идущих в сторону аэродрома на высоте примерно в пятьсот метров. Они медленно росли в размерах, прерывистый гул наплывал, затапливая тишину, разрывая ее и давя.

– Боевая тревога, – произнес полковник Кукушкин посеревшими губами и не услышал своего голоса. И только после этого крикнул: – Боевая тревога! Дежурное звено – в воздух!

Но вряд ли кто слышал полковника Кукушкина.

Тогда он схватил лейтенанта Молокова за плечо и уже в его ухо:

– В штаб! Быстро! Ракету! – и толкнул лейтенанта с такой силой, что тот несколько шагов пробежал, спотыкаясь, но потом восстановил равновесие и понесся к штабу со всех своих молодых ног.

А Кукушкин бежал к самолетам и кричал:

– Первая! В воздух! По машинам! Атаковать!

Дежурное звено «ишачков» уже выруливало на взлетную полосу. Но все остальные самолеты, одни еще на стоянке, другие оттащенные от нее на какое-то расстояние и повернутые носом к лесу, являли собой жалкое зрелище.

Из-за деревьев выскочила тройка «мессеров», пронеслась вдоль стоянки полка, строча из пулеметов. Загорелось несколько машин. А «мессеры», сделав крутой вираж, бросились

на бегущих по взлетной полосе «ишачков», и два из трех вспыхнуло, один покати́л в сторону, другой скапотировал и взорвался.

Из всего звена взлетел лишь один, заложил крутой вираж, выходя из-под обстрела, взмыл вверх и пошел лоб в лоб навстречу надвигающимся бомбардировщикам, но два «мессера» догнали его, затрещали их пулеметы, однако «ишачок» снова заложил крутой вираж, нырнул «мессерам» под брюхо, а затем сам ударил в хвост – и один из них задымил и пошел в сторону, заваливаясь на крыло. Но тут же вторая пара «мессеров» настигла «ишачка» – он вспыхнул и камнем рухнул в лес.

А к взлетной полосе устремилось сразу пять или шесть «Яков» и столько же И-16. Два из них уже разворачивались на взлетной, но видно было, что не успевают: с высоты, надсадно воя, пали в пике сразу с десятков «юнкерсов». Вот у них из-под брюха выделились черные капли и понеслись на взлетную полосу и стоянки самолетов. Еще через несколько секунд по взлетной полосе и стоянкам побежали разрывы мелких бомб, разбрасывая вокруг тысячи смертоносных осколков, которые пробивали баки, и пылающий бензин стал заливать стоянки, поджигая другие машины. Кричали люди, метались среди огненных вихрей, падали, горели заживо.

Одним из осколков был ранен в живот и полковник Кукушкин. Сбитый взрывной волной с ног, он, зажимая рану руками, лежал на рулежной полосе, плакал злыми слезами и хотел только одного – скорой смерти. На его глазах погибал его полк, а он ничего не мог сделать.

Вдруг совсем рядом, воя пропеллером на максимальных оборотах, пронесся один из «Яков» и полез в небо навстречу падающим оттуда «юнкерсам». Полковник Кукушкин на несколько мгновений забыл о своей ране, о горящих самолетах и гибнущих в огне людях его полка: он с жадностью следил за отчаянным броском истребителя и шептал серыми губами забытые слова:

– Господи, помоги ему! Гос-споди...

Видно было, как дымные шлейфы от снарядов и пуль, выпущенные «Яком», скрещиваются с «юнкерсами», но не видно, попадают они в них, или нет. А «Як» все лез и лез вверх, не отворачивая, прямо в лоб головной машине. Еще мгновение – и огненный вихрь взметнулся в небе – и обе машины, разваливаясь на куски, устремились к земле. Остальные, сбросив бомбы куда попало, выходили из пике и разбегались в разные стороны.

Глава 7

Тело кружится в хаотическом неуправляемом полете. И теперь уже немец пристраивается сзади, нависая над хвостом истребителя старшего лейтенанта Дмитриева. Дмитриев выворачивает голову назад, пытаясь разгадать маневр немца, но что-то мешает ему повернуть голову как следует. Тогда он сбрасывает газ и проваливается вниз. Над ним медленно проплывают остроносые пули. Они словно ищут, куда бы им шлепнуться, что бы такое продырять. Дмитриев вжимается в сидение, втягивает голову в плечи, он чувствует, как затылок его и спина холодеют и покрываются мурашками в ожидании удара. Вот-вот пули заметят его и спикуруют вниз, на его кабину. Но они плывут и плывут куда-то вперед. Так ведь там, впереди, машина капитана Михайлова! «Лешка! – орет Дмитриев. – Берегись!» Лешка Михайлов оборачивается, Дмитриев видит его улыбающееся лицо – точь-в-точь такое, как после первого сбитого им японца. И в тот же миг пули превращают лицо капитана в кровавую маску. Голова Михайлова клонится к плечу, от фонаря его кабины летят во все стороны куски плекса, окрашенные черной кровью. И все это в полнейшей тишине. Словно в немом кино. Потом над Дмитриевым проплывает размалеванное брюхо немецкого истребителя. Немец чуть заваливает машину на крыло – и Дмитриев видит теперь уже лицо немца. Тот кричит что-то, широко разевая рот...

И вдруг точно прорвало плотину: режут двигатели, воют пропеллеры, стучат пулеметы, свистит в ушах воздух, хлопают разрывы зенитных снарядов, самолет трясет, бросает то вверх, то вниз. «Вот попал в переplet», – думает старший лейтенант Дмитриев, изо всех сил сопротивляясь охватившему его наваждению. А чей-то голос настойчиво повторяет одно и то же слово: «Война! Война!»

Старший лейтенант с трудом разлепляет тяжелые веки и видит над собой скуластое лицо с раскосыми глазами, в которых застыло отчаяние и ужас. Кровать ходит ходуном, звенят стекла, хлопают двери, стоит адский грохот. Дмитриев зажмуривает глаза, но звуки не исчезают. Кто-то трясет его за плечо и орет дурным голосом:

– Таварыш камандыр! Вставай нада! Самалот лытай нада! Вайна, таварыш камандыр!

«Какая еще к черту война? – сквозь похмельное отупение пытается пробиться к реальности Дмитриев. – Это мне снится. И окровавленное лицо Лешки – тоже».

Но отчаянный крик слишком настойчив, твердые звуки «а» безжалостно сверлят одурманенный мозг, и Дмитриев снова открывает глаза.

Скуластое лицо, раскосые глаза – все повторилось.

– Ты чего орешь? – на всякий случай спрашивает Дмитриев, щупая смятую постель: Клавочки нет, значит, уехала.

– Вайна, таварыш камандыр! – обрадовалось лицо. – Самалот лытай нада! Мыхалав ехай нада!

И тут до старшего лейтенанта доходит, что перед ним посыльный из полка, что грохот за окнами гостиницы и нервный звон стекла – реальность, что сон его переплелся с явью, что он проспал начало войны, что его товарищи в воздухе, дерутся с немцами, а он в постели, в одних трусах...

Дмитриев рванулся, чуть не сшибившись лбами с посыльным красноармейцем, начал шарить одежду. Красноармеец, что-то лопоча, путая русские слова с родными, помогал ему одеваться.

Где-то настойчиво и методично ухали разрывы бомб. «Полусотки, – определил Дмитриев. – Станцию бомбят». Потом в эти звуки вклинились другие, более слабые: гул самолетов, крики, топот ног в гостиничных коридорах, тряский перестук тележных колес.

Дмитриев выскочил из номера.

В коридорах метались люди, в основном женщины и дети. Молодая женщина, с распущенными волосами и широко распахнутыми от ужаса глазами, кинулась к нему, вцепилась в рукав гимнастерки.

– Товарищ старший лейтенант! Товарищ старший лейтенант! Господи! Что же нам делать? Куда идти? Это война или провокация?

– Война! – крикнул Дмитриев, пытаясь оторвать от себя руки женщины. – Уезжайте отсюда! Уезжайте в Россию! Только не на станцию! Там бомбят. Пешком. На попутках! Уходите!

Он кричал громко, чтобы слышали все: и кто был в коридоре, и кто выглядывал из номеров, и кто не выглядывал, выкрикивал, впервые с каким-то мстительным наслаждением произнося слова, которые слишком долго были запретными:

– Уходите! Все уходите! Быстрее уходите! Война!

Его обступили, к нему тянулись руки, он видел наполненные слезами глаза, перекошенные страхом лица. Это были все жены командиров, многие с детьми, привыкшие находиться рядом со своими мужьями. Бросить мужей в такую минуту, бежать куда-то – не только страшно, но и невысказано. Он мог бы сказать этим беззащитным женщинам, что войск поблизости нет – таких войск, которые могли бы противостоять немцам, а те, что есть, застигнуты врасплох, гибнут под бомбами, что немцы не сегодня-завтра окажутся здесь, во Львове, что они все стали заложниками чьей-то преступной глупости.

Но он не мог сказать им этого. К тому же он мог ошибаться: войска подойдут, ударят, опрокинут. Может, уже бьют немцев, может, уже на той, на не нашей стороне. Может, это такая тактика: одно выставить напоказ, другое тщательно спрятать. Не все ему сверху видно, не все известно. Да и некогда разговаривать, утешать, давать советы: его ждет самолет, его ждет небо, где наконец-то он посчитается за все. И за вчерашний день тоже.

И тут сзади раздался голос:

– Я бы не советовала вам, товарищ старший лейтенант, сеять панику. Вы просто паникер. А может, и трус.

Голос был металлический, хорошо отшлифованный и отполированный. В коридоре сразу стало тихо. Дмитриев оглянулся на голос.

– Да-да! Это я вам говорю, товарищ старший лейтенант. Это не война, а провокация. Так указывает товарищ Сталин. Красная армия сейчас накажет провокаторов, чтобы им впредь было неповадно. Не надо никуда ехать, не надо никуда бежать, товарищи женщины! И не надо слушать провокаторов-паникеров. Даже орденосных.

Перед Дмитриевым стояла женщина одинакового с ним роста, стройная, красивая, с коротко стриженными волосами. Он успел только взглянуть в ее кукольно-большие серые глаза, как совсем рядом раздался сильный взрыв, потом еще несколько. С потолка посыпалась штукатурка, зазвенело разбитое стекло, потянуло дымом, закричали женщины, дети. И эта женщина тоже. Она даже присела, закрыв голову руками.

– Дура! – рявкнул Дмитриев, шагнул к ней и даже наклонившись, враз избавившись от сомнений и надежд: если были бы где-то спрятаны войска, они бы уже действовали, они бы не позволили так безнаказанно бомбить город. Да и он сам – он не торчал бы здесь, в этой гостинице, а был бы в небе, бил фашистов... А эта женщина...

Где-то он видел таких женщин... в каких-то конторах, очень одинаковых женщин, очень похожих друг на друга и повадками, и прическами, и платьем. На гражданке – там все чужое, непонятное, там постоянно происходит что-то такое, что потом роковым образом отражается на армии, на нем самом. Он ощутил это в прокаленных солнцем монгольских степях у реки Халхин-Гол, потом в заснеженной Финляндии. Оттуда шли бессмысленные приказы, непонятные аресты командиров, дикие партийные судилища и безотчетный страх,

что и ты можешь оказаться врагом, что и в тебе могут обнаружить какие-то искривления мыслей и желаний.

– Вельможная дура! – выкрикнул он в сердцах, не находя таких слов, чтобы можно было коротко и убедительно опровергнуть тупую уверенность этой куклы. Но женщина не слышала его: зажав уши руками, она сидела на полу, беззвучно открывая и закрывая рот. И никто уже не слышал: все бежали к выходу, в ушах звенел непрекращающийся крик – на одной высокой ноте. Дмитриев махнул рукой и тоже побежал к выходу вместе со всеми, но на лестнице все сбились в кучу – не протолкнуться.

Дмитриев кинулся назад, заскочил в какой-то номер. Второй этаж, можно было бы прыгнуть, но внизу камни, доски, стекла. Не хватало еще покалечить ноги. Зато под окнами соседнего номера навес парадного гостиничного подъезда...

Заскочить в номер, открыть окно, спрыгнуть на навес, затем с навеса на землю – дело одной минуты.

Первое, что Дмитриев увидел, вскочив на ноги, это разорванная на части лошадь, опрокинутая телега, тело бородатого мужика в вылинявшей ситцевой рубаше, лежащее рядом с телегой, намотанные на посиневшую руку вожжи. Среди развороченной мостовой дымятся воронки, на противоположной стороне улицы горит угол дома. Куда-то бегут люди: одни в одну сторону, другие в другую.

Дмитриев оглянулся, ища своего посыльного.

– Таварыш камандыр! – услышал он знакомый голос. – Лошад ест! Ехай нада!

Посыльный держал под уздцы двух оседланных лошадей. Он помог Дмитриеву забраться в седло, крикнул что-то гортанное, припал к лошадиной гриве и погнал с места в галоп. Дмитриев устремился следом.

Верхом старший лейтенант ездил только в далеком детстве. В ночное. Охлюпкой. Оказалось, что тело хорошо помнит, как себя вести. В седле и в стремях даже удобнее, надежнее как-то. Поэтому принаравливался он не слишком долго. А вот красноармеец-посыльный – сразу видно: лошадь для него – родная стихия.

«Ему бы в кавалерию, – подумал Дмитриев, – а не хвосты самолетам заносить». Потом он перестал вообще о чем бы то ни было думать: увиденное ошеломяло, отупляло своей непоправимостью, неотвратимостью.

Над городом группами и в одиночку летали немецкие самолеты. В основном – тихоходные Ю-87. Они пикировали, кидали бомбы, стреляли из пушек и пулеметов. И ни одного нашего истребителя! Ни одного! Где же самолеты его полка? Где самолеты других полков? Чем они заняты? Дмитриев ничего не понимал. И с яростью понукал свою лошадь.

За городом дорога оказалась пустынной. Километра через два они повстречали две армейские фуры, в них лежали и сидели раненные красноармейцы. Белели повязки, чернела проступающая кровь. Сидящий на передней старшина-сверхсрочник крикнул что-то Дмитриеву, показывая рукой за спину и в сторону, но Дмитриев не расслышал и даже не придержал лошадь. Скорее, скорее на аэродром!

Шоссе вырвалось из теснины меж старых могучих тополей, ветви которых переплелись высоко над головой, и перед Дмитриевым открылся простор, наполненный солнечным светом и неподвижными дымами над едва проснувшимся лесом. Там, меж дымами, кружились маленькие самолетики, иногда вспыхивая отраженным солнечным лучом. Там был аэродром, там был полк, там были его товарищи. И он уже представлял себе, что там могло произойти, пока он спал в гостиничном номере пьяным сном.

До слуха Дмитриева долетали глухие взрывы, словно кто-то топал тяжелыми сапогами в дощатый пол в пустой комнате. Или вдруг часто-часто застучит, точно озороватый мальчишка пробежит вдоль забора, прижимая к штакетицам палку.

Так вот почему над Львовом нет наших истребителей! Ах, гады! Ах, сволочи!

Слева на шоссе из лесу напал желтоватый туман. От него тянуло ужасом смерти. Здесь, недалеко от дороги, стояла какая-то артиллерийская часть. Каждый раз, проезжая мимо, Дмитриев видел одну и ту же картину: палатки, коновязи с лошадьми, зачехленные пушки, штабеля зеленых ящиков, иногда топающие по плацу красноармейцы. Сейчас все это было разворочено, деревья повалены и расщеплены, палатки сорваны, коновязи разрушены, возле них мертвые лошади, зеленые ящики раскиданы, желтые снаряды и гильзы поблескивают в траве и среди кустов, из-под корневища вывороченного из земли дерева торчит ствол лежащей на боку пушки. И весь этот страшный погром затянут удушливым дымом сгоревшего тола.

«Неужели все погибли? – мелькнуло в голове старшего лейтенанта, не заметившего в этом бомболоме ни единой живой души. – Этого не может быть. Хотя кто-то же должен остаться...»

Дмитриев вспомнил, что вчера они взяли в кузов двух молоденьких лейтенантов-артиллеристов, направлявшихся во Львов. Лейтенанты слезли недалеко от железнодорожного вокзала. Может, хоть эти двое остались в живых, не попали под бомбы. Да еще две фуры с ранеными, встреченные им несколько минут назад. Наверняка здесь есть еще раненые, нуждающиеся в помощи... Но старший лейтенант даже не придержал свою лошадь. Наоборот, он все нахлестывал ее и нахлестывал.

Бессильная ярость душила Дмитриева, но видел он перед собой красивую женщину с кукольно-большими глазами. Почему-то именно эта женщина связалась в его сознании с теми, кто оставлял без внимания его рапорта, кто не позволял ему сбивать немецкие самолеты, унижая его солдатскую душу, кто беспечно выставил наши войска на поруганье врагу, по чьей вине везде царил какое-то совершенно непонятное ему, солдату, благодушие и самоуверенность, словно фашистов можно запугать одними заклинаниями, одним видом солдатских палаток, танков, орудий и самолетов.

Ах, ему бы только добраться до своего «Яшки»! Только бы поскорее добраться. Даже если на нем еще не успели заклеить полученные раны...

Выстрел раздался неожиданно и так близко, что Дмитриев вздрогнул и припал к лошадиной холке. Ему показалось, что и лошадь тоже вздрогнула и прибавила ходу. В следующее мгновение он увидел, как красноармеец-посыльный, скакавший впереди, запрокидывается назад, на круп лошади, безвольно взмахивает руками, а потом летит вниз и, словно тряпичная кукла, несколько раз кувыркается на дороге. Его лошадь, лишившись седока, вдруг бросается в сторону, перепрыгивает через канаву и пропадает из глаз.

Второго выстрела Дмитриев не слышал, зато хорошо слышал, как рядом с его головой вжикнула пуля.

Почему-то выстрелы не вызвали у него удивления. Наверное, так и должно быть, когда одни долго и тщательно готовятся к войне, а другие благодушествуют. Только бы не убили и не ранили здесь, на земле. Погибнуть в воздухе – совсем другое дело.

И старший лейтенант Дмитриев погоняет и погоняет взмыленную лошадь.

Глава 8

Перед самым поворотом на аэродром Дмитриев увидел вчерашнюю полуторку, опрокинутую в канаву взрывом рядом упавшей бомбы. Из кабины торчали голые женские ноги с потеками запекшейся крови, словно ноги эти исцарапала огромная когтистая лапа. Дмитриев еще помнил жар Клавочкиного тела в тесноте кабины полуторки, ее липкую грудь, стоны, ее неистовые ласки. Вчера... нет, еще час назад она была жива, спешила на аэродром, не зная, что ждет ее впереди. Ей не нужно было подниматься в воздух, а коробки с печеньем, выброшенные из опрокинутой машины, не патроны, без которых нельзя воевать. И все-таки она спешила – и вот...

С каждым скоком усталой лошади Дмитриев чувствовал, как что-то тяжелое и душное заволакивает его душу, как тяжелеют руки, как пустеет в груди, из которой вышло что-то прошлое, а новое, нужное сегодня, еще не оформилось, не заполнило образовавшуюся пустоту.

На месте КПП дымились черные воронки. Горел склад ГСМ, почти посреди взлетной полосы горел бензовоз, вокруг него дымило несколько изуродованных самолетов. Полковая столовая, она же клуб, казармы летного и технического состава лежали в развалинах. Повсюду валялись одеяла, матрасы, куски железных солдатских кроватей, все было усыпано, точно снегом, белыми перьями. Штаб полка – небольшой кирпичный одноэтажный домик с высокой башенкой, над которой неподвижно, понуро даже, висела «колбаса», – был цел, но Дмитриев и не подумал идти докладываться о своем возвращении из краткосрочного отпуска, погнал коня прямо на стоянку своей эскадрильи.

Горели застигнутые на земле самолеты. Тлели брезентовые чехлы. Лежали человеческие тела.

На краю воронки шевелился человеческий обрубок. Лошадь перед этим обрубком остановилась, как вкопанная, и, дрожа всем телом, попятилась, оседая на задние ноги.

Дмитриев спрыгнул на землю. Обрубок вдруг поднял голову, прохрипел синими губами:

– Братцы, помогите! Умираю, братцы!

Дмитриев растерянно оглянулся: там и сям, что-то делая, копошились люди, там и сям валялись неподвижные тела, иные в трусах и майках, и никому до них не было дела. Он скрипнул зубами и, отпустив поводья, побежал туда, где стоял его самолет.

Его «Яшка» оказался цел. Правда, стоял он почти у самого леса, повернутый к нему носом. Возле него возился чужой механик.

– Чего там?

– Порядок! – обрадовался механик.

– Тогда давай!

– Есть давать!

Они вдвоем развернули самолет, Дмитриев забрался в кабину.

– От винта!

– Есть от винта!

Дмитриев взлетал поперек взлетной полосы. Он лишь мельком еще раз глянул на повисшую без движения «колбасу» над штабом полка: ветра не было. Теперь только не наскочить на воронку от бомбы, только бы взлететь. А там уж как-нибудь...

Со стороны солнца заходила стайка «юнкерсов», хищно растопырив стойки шасси. Над ними, высоко в небе, Дмитриев успел разглядеть пару «мессеров» – истребителей сопровождения. Подобрал шасси, от самой земли он пошел в атаку на приближающиеся бомбардировщики. Забылось, ушло куда-то все, что было до этой минуты: обида, злость, нервное

напряжение, забылась Клавочка и та красивая и самоуверенная женщина с коротко остриженными волосами и отшлифованным голосом, забылись чужие смерти, чужое отчаяние. Тот мир остался за невидимой чертой, он был почти нереален. Реальными были вот эти «юнкерсы», спокойно, как на учении, идущие бомбить чужой аэродром. По существу, они шли добывать то, что там осталось. Неужели от всего полка в воздухе только он один? Где капитан Михайлов? Где все остальные? Что с ними? Надо было бы спросить у механика...

На миг перед глазами мелькнуло окровавленное лицо друга из пьяного сна там, в гостинице, во Львове. Да была ли гостиница? Была ли случайная любовь в гостиничном номере? Был ли пьяный сон, который ничего не изменил, не облегчил душу? У него такое ощущение, что он все еще продолжает вчерашний полет. И не было команды идти на посадку... Нет, теперь никакая команда его не остановит. Вот так же когда-то он шел в атаку на встречных курсах на японские самолеты. Только впереди летел Михайлов, Лешка Михайлов, тогда еще старший лейтенант. И самолеты у них были другие – «ишачки». Юркие, но тихоходные машины. А на «Яшке» он впервые идет в атаку на встречных курсах. Если не считать учебных. Впрочем, все это в прошлом и к сегодняшнему дню не имеет ровным счетом никакого отношения.

Вражеские самолеты приближались быстро. По каким-то неуловимым признакам Дмитриев определил, что его заметили: что-то изменилось в характере движения «юнкеров». Он бросил взгляд вверх: «мессера» пикировали в его сторону. Ну, это им шиш с маслом. Расчет на слабонервных.

Дмитриев выбрал ведущего.

Собственно, а кого еще выбирать? Во все времена, сколько воюет человек, тот, кто идет первым, принимает и первый удар. Так повелось. А он, старший лейтенант Дмитриев, и первый, и последний. Других нету.

Движения у Дмитриева отработаны до полного автоматизма: чуть-чуть педалями, чуть штурвалом. Самолет – это он сам, обшивка самолета – его собственная кожа, и воздушные потоки обтекают не фюзеляж и плоскости, а его тело... Еще штурвал чуть-чуть на себя. Он чувствует, как напряглись рули высоты. Ведущий «юнкерс» медленно всплывает в перекрестье прицела. Ну! Еще самую малость...

И тут строй «юнкеров» разваливается на две стороны, и Дмитриев проваливается в пустоту. Ловко они его. А впрочем, нервишки у немцев оказались не очень-то. У япошек нервишки были покрепче. Или гонору побольше? Черт его знает!

Дмитриев бросает машину вверх, делает «мертвую петлю» и несколько бочек, чтобы встряхнуться, лучше прочувствовать машину, и уже с высоты снова идет на «юнкерсы». Только теперь уже с хвоста... А где же «мессеры»? Дмитриев вертит головой, выворачивает ее так и эдак: истребители сопровождения как в воду канули. Это плохо. Охотник сам может оказаться дичью...

Ага, вот они!

Дмитриев увидел не сами немецкие самолеты, а их тени, стремительно бегущие по земле. Поднял глаза – «мессеры»! Идут в лоб. Прекрасно. Сейчас он угостит их почти тем же приемом, каким его самого только что угостили «юнкерсы». «Раз, два, три, че-ты-ре, пя-ять», – считает Дмитриев и резко сбрасывает газ – самолет проваливается, словно из-под него выдернули опору, – и «мессера» проносятся мимо. Он даже успевает заметить, как пульсируют огоньки их пулеметов. Шиш вам с маслом!

Сейчас ему не до «мессеров». Главное – «юнкерсы». Дмитриев «садится» на хвост одному из них, ловит в прицел прозрачную башенку стрелка-радиста, дает короткую очередь. Видит, как разлетаются в стороны серебристые мотыльки осколков стекла, как проваливается куда-то черная фигурка стрелка. Потом, экономя патроны, подходит почти вплотную и бьет по кабине летчика. И резко отворачивает в сторону. «Юнкерсы», кидая бомбы

куда попало, бегут врассыпную. Его «юнкерс» клюет носом и срывается в штопор. Теперь можно схлестнуться и с «мессерами». Но тех нигде не видно. Дмитриев бросает взгляд на прибор, показывающий расход топлива, и удивляется: только что взлетел, а бензина едва-едва на посадку. Теперь понятно, почему нет и «мессеров» – они лапотнули на свой аэродром.

Дмитриев закладывает крутой вираж и идет на посадку. Над аэродромом чисто. Значит, он свою задачу выполнил – дал своим товарищам передышку. Теперь бы смотаться во Львов и разогнать там всю эту сволочь, чтобы женщины смогли спокойно выйти из города. Дмитриев доволен собой и верит, что с ним ничего не случится. Его уже много раз сегодня могли убить: разбомбить в гостинице, пристрелить по дороге, сбить в воздухе. А он цел. Значит, не отлита еще та пуля, которая ему предназначена. И он почти счастлив. Он даже пробует напевать арию из оперетты – очень легкомысленную и пошлую арию, слышанную им по радио.

Навстречу ему с аэродрома выносятся два наших истребителя: И-16 и Як. Странная парочка – гусь да гагарочка. Значит, это все, что осталось от его полка? Может, в одном из них Лешка Михайлов?

Дмитриев качнул крыльями, но они не заметили, уходя в сторону Львова.

* * *

Старшего лейтенанта Василия Дмитриева сбили на четвертом вылете. Вернее, на взлете. Он даже не успел убрать шасси. Пара «мессеров», почти задевая брюхом верхушки деревьев, выскочила из засады, настигла его и походя расстреляла в упор. Изрешеченный пулями, но еще живой, Дмитриев успел нажать на гашетку, когда перед ним, в застилаемой смертным туманом голубизне, возникли вытянутые крестообразные тела его убийц.

Все-таки три «юнкерса» он свалить сегодня успел... «Яшка» некоторое время еще тянул вверх, продолжая вести огонь из пулеметов, а потом клюнул носом и устремился к земле.

Это был последний истребитель полка, которого больше не существовало.

* * *

Ближе к полудню от аэродрома отъехало две полуторки, к которым были прицеплены два тридцатисемимиллиметровых зенитных орудия, – правда, без снарядов. Борта щетинились снятыми с разбитых самолетов пулеметами. За полуторками следовали автобус и черная «эмка» командира полка.

В «эмке» на заднем сидении полулежал полковник Кукушкин. Рана живота оказалась поверхностной, но осколками задело еще голову и руку, так что полковник был весь в бинтах. Рядом с ним, придерживая его забинтованную голову, сидела жена полковника, чудом вырвавшаяся из Львова и добравшаяся до аэродрома. На переднем сидении – инженер полка. В автобусе и машинах находились в основном техники и механики, оставшиеся в живых бойцы роты охраны. И всего четыре летчика. Многие были ранены.

За их спиной догорали самолеты, склад ГСМ, штаб полка. Колонна направлялась на северо-восток, в сторону Ровно. Никто не знал, чем и где закончится их путешествие.

Глава 9

О том, что началась война, в Мышлятино, где проводила лето Мария Мануйлова со своими детьми, узнали в тот же день, и уже к вечеру двум сыновьям Михаила Васильевича Ершова, Петру и Николаю, прислали повестки из военкомата с указанием явиться на сборный пункт на станцию Спирово. И не только им, но и еще нескольким парням восемнадцатого-двадцатого годов рождения. И так по всем деревням. И все деревни в округе, занятые обычными сельскими делами, ахнули и стали спешно собирать будущих воинов в дальнюю дорогу, закупать в сельмагах водку и всякие продукты, резать овец и свиней, рубить головы курам и гусям – у кого что имелось, чтобы проводить, так уж проводить, как исстари ведется на Руси.

И на другой день с утра варили-жарили-парили, потом ели-пили, орали песни до хрипоты, плясали до изнеможения, выли-голосили до самого утра, а утром, не проспавшись, опохмелились и повезли своих кровинушек в телегах и бричках, разряженных лентами и цветами, под перезвоны колокольчиков под дугой, под визги и всхлипы гармоник, под стоны жен, любушек да матерей. Там сдали с рук на руки угрюмым военным и повлеклись назад, усталые, вялые, раздавленные свалившимся несчастьем, чтобы снова впрячься в хомут пропахшего землей и навозом крестьянского труда, потому что работников поубавилось, а поля остались все теми же, скотина все той же, и сено косить уже подходило время, и картошку окучивать да пропалывать, и много чего еще.

После проводов племянников Мария Мануйлова стала собираться домой, в Ленинград. Упросила брата, Михаила Васильевича, съездить на станцию за билетом. Жена его, Пелагея Архиповна, отговаривала Марию, не пускала:

– Ну, куды ты поедешь? – ворчала тетка Пелагея, двигая ухватом чугунок по печному поду. – Приедешь домой, а дома что? Мужик в санатории, ему там еще дён десять прохлаждаться, а ты сиди дома и жди. Вот приспичимши, прости господи, в город ехать. Век бы его не видала, город-то энтот. В Тверь-то поедешь, а там народишшу, народишшу... И все толкаются, кудый-то бегут... А куды бечь-то? И не ведают того.

– Так война ж, тетенька, – пыталась настоять на своем Мария. – Мало ли что...

– А и не много, – не сдавалась Пелагея Архиповна. – На моем веку-то уж сколько энтих войнов бымши – страсть! И с турками воевавши, и с японцами, и с германцем, и друг дружку резамши, а ничо, живем помаленьку. И ты живи помаленьку, неча спешить: все на том свете будем.

– Так Вася – он же в этой самой... – как ее? – где санатория его... Там же стреляют. Их же, небось, по домам отпустят. Он приедет, а нас нету.

– Ну и что? Маленький, что ль, твой Вася? Приедет, на работу пойдет, счас всем на работу идти велено, больной али немощный какой, в отпуску али еще где, а все при деле должны находиться. Потому как – война.

Вечером из Спирово вернулся Михаил Васильевич, сказал, что достать билет невозможно, все поезда идут полнехоньки, но он попросил свояченицу, она в Спирово учителствует, чтобы достала, а ему недосуг там задерживаться: дела.

И Мария стала ждать.

Днем то за детьми смотри, то по дому работа, то в поле, – некогда переживать и оставаться наедине со своими страхами, а как в доме стихнет все, лишь сверчок за печкой заливается, так тоска схватит за сердце когтистой лапой и давай царапать и сдавливать, и кажется Марии, что Вася ее где-то в чистом поле лежит раненый, зовет ее, Марию, а она здесь, в деревне, и некому ему, Васе ее, помочь, водицы дать, пот отереть со лба, приглубить. Запла-

чет Мария горькими слезами да так на мокрой подушке и уснет. А с утра все то же: дети, хозяйство, работа...

Миновал день, другой, третий. И однажды под вечер прибежал из правления Михаил Васильевич и прямо с порога крикнул:

– Маня! Где ты там? Сбирайся давай! Только что позвонивши из Спирова... Аня ска-
замши, что билет купимши тебе на сегодня, на девять вечера.

Ахнула Мария, схватилась за вспыхнувшее лицо обеими ладонями, заметалась.

– Да ты не спеши, Маня, – перевел дух Михаил Васильевич. – До девяти-то еще много времени, успеем. Я уж велел бричку заложить. Поедем через Заболотье, поспеем к поезду-то.

К поезду поспели. Михаил Васильевич затолкал в тамбур все Манины вещички и детишек, расцеловал их напоследок и едва успел соскочить с подножки – поезд уж тронулся. А в тамбуре полно молодых командиров, стоят, курят. Весело подхватили Манины пожитки да деревенские гостинцы, ребятишек тоже, рассовали по полкам. В вагоне шумно, играет гармошка, поют про трех танкистов, трех веселых друзей, про то, что «броня крепка и танки наши быстры» – и вообще очень весело, будто не на войну едут, а на свадьбу. Впрочем, ведь и действительно не на войну – пока еще только до Ленинграда. А война – она где? – о-ё-ёй где! И Маня, которая все эти дни жила в тревоге за Василия, успокоилась. Но напротив сидел дядька, лет, пожалуй, за пятьдесят, небритый, на одной руки всего два пальца, сидел, откинувшись к стенке и бубнил:

– Германец, это вам не финны. Финны и те попервости наложили нам так, что досе чешемся. А германец – я его знаю – он враг сурьезный, если решил чего, так будет переть и переть. Шуточное ли дело: всю Европу под себя подмял. А вам все хаханьки да хиханьки. Молодые еще – все оттого.

– Ты, батя, от жизни отстал, – втолковывал ему молодой вихрастый командир с черными петлицами на воротнике габардиновой гимнастерки, с серебряными на них танками. – Отсталый ты человек, батя. У нас знаешь сколько танков?

– И сколько же у вас танков? – скривил обросшее лицо свое дядька.

– Сколько у всех других армий, вместе взятых! И даже больше – вот сколько!

– Эка у вас, молодых, голова как неправильно устроена, – качал дядька своей лысеющей головой. – И чему вас только в училищах учат?

– Чему надо, тому и учат, – не уступал молодой вихрастый командир. – Ты вот представь себе, батя, такую картину. Представь! Вот поле, вот твой окоп, а на тебя со скоростью в пятьдесят километров в час несутся танки, к примеру, штук двести. И не просто несутся, а еще стреляют из пушек и пулеметов. А сверху атакует твои позиции авиация. А еще тебя долбит артиллерия. Вот ты представь себя в своем окопе, представь, что ты немец, и что ты будешь делать? А?

– А ты сам-то себя представлял?

– Я-то? Еще как! Нас, когда курсантами были, командир училища несколько раз танками обкатывал, чтоб, значит, прочувствовали, каково оно тому, кто в окопе против тебя сидит. Так что я знаю.

– Ладно, обкатывали, но свои же. Не насмерть, стал быть, а для видимости. А у меня, хоть бы я и немец, по-твоему, что – артиллерии нет? Танков нет? Самолетов тоже нету? И в руках у меня не винтовка, а палка? Так ты себе немца представляешь?

– Да не в этом дело! – горячился командир. – Все у тебя есть! То есть у немца. А вот чего у него нет, так это нашей пролетарской сознательности, нашей коммунистической идейности, нашей уверенности в правоте своего дела, в международную рабочую солидарность.

– Ну, этого, положим, у тебя много, а у него нету. Ладно, согласен. Тогда почему ты ему Минск отдал со своими танками и сознательностью? Почему, спрашивается? А? Молчишь? Вот то-то и оно. А я тебе скажу, почему. Потому что к сознательности надо еще умение,

как с этими танками управляться. И чтоб тебе вовремя дали патроны и все прочее. И чтобы накормили вовремя, одели-обули, чтоб ты зубами не клацал от голода. И чтоб твоим танкам керосину налили от пуза. А если этого не будет, то и получится черте что. А то: двести танков, двести та-анков! Дураку хоть тыщу дай, а толку никакого.

– Значит, ты, батя, нас за дураков считаешь?

– А за кого же вас считать? За умных, что ли? Они, вишь ты, едут на войну, а в голове сплошной ветер. Приедем, мол, так надаем немцу по сопатке, что только держись. А у тебя, промежду прочим, в подчинении будет такой же вот, наподобие меня, дядька, или мальчишка с-под Рязани, которые танка в глаза не видали. И сколько ты на него ни кричи, револьвером ни размахивай, а он, когда увидит танки, побежит. Или руки вверх подымет... И ты на меня глазами своими не зыркай! – повысил голос дядька. – Я тебе не немецкий шпиён и не этот, как его, провокатор. Я всю германскую прошел, потом гражданскую, и танки тоже видел, и газами меня травили, а только если ты мною будешь плохо командовать, то и толку никакого не будет. С таким командованием, чего доброго, немец и до Москвы доберется. И до Питера. А ты – танки! танки! Видел я твои танки. Сам их делаю. Ничего танки. А только, скажу я тебе, человек главнее танка. И пока германец нас бьет, значит, он умнее тебя. Вот это ты и заруби себе на носу. А вот почему он оказался умнее, ты над этим и задумайся, если такой ученый. И пока ты сам не поумнеешь, ничего из твоих танков не получится.

И дядька, сердито сопя, стал скручивать из газеты «козью ножку». Затем встал и пошел по вагону к тамбуру. И командиры, которые слушали этот спор, тоже разошлись, уже без всякого веселья.

Тут же и гармошка затихла.

И Марию опять охватила тоска по Василию: где он? что с ним? Ведь те места, где он отдыхал в санатории, сказывали, уж под немцем.

В Питер приехали утром. Те же военные посадили Марию с детьми на извозчика, и он повез их домой. По дороге встречались разбитые и сгоревшие дома, на стенах некоторых из них черными буквами было написано: «Вход в бомбоубежище». И черная же стрелка показывала куда-то вниз. По улицам маршировали колонны солдат и гражданских с ружьями, катили машины с пушками, на перекрестках, пропуская трамвай, рычали танки, окутываясь синими дымами. Кое-где виднелись пушки с длинными стволами, а возле них солдаты в железных касках. Народу в городе стало вроде бы побольше, особенно женщин, и все они куда-то спешили, опасливо поглядывая на серое небо.

Дома Васи еще не было. Он появился лишь на второй день.

Глава 10

Нелегким оказался путь Василия Мануйлова до родного порога. От санатория до Пярну они втроем с Филиппом Вологжиным и Инной Лопаревой добирались более суток – и это каких-то тридцать километров. А все из-за Лопаревой: силенок у нее хватило лишь на десяток километров, а потом она больше отдыхала, чем шла. Но не бросишь же. Приходилось тащиться еле-еле, ночевать в лесу, потому что ночевать у эстонцев боялись.

Только совсем близко от Пярну их подхватила военная полуторка: шофер ехал в город за провиантом для какой-то военной части, находящейся на берегу залива. Рассказывал, что Пярну бомбили в первый же день, что там много чего разбили и пожгли, особенно станцию, что народу побил – страсть, что вряд ли им удастся уехать в ближайшие дни, что лучше на попутках добираться до Таллина, а оттуда уж наверняка поезда в Россию ходят. Однако, покрутив стриженной головой, сообщил по секрету, что им, военным, строго-настрого запретили брать попутчиков и даже останавливаться, потому что уже были случаи, когда шофера убивали, а машину угоняли невесть куда.

– Так чего же ты, кукла рязанская, приказ нарушаешь? – вдруг ни с того ни с сего окрысился на шофера молчавший до сих пор Вологжин. – А вдруг мы шпионы или диверсанты какие! А? Что тогда? Тебя служивые с провиантом ждут, а ты в кустах валяешься...

У парня от неожиданности даже челюсть отвалилась.

– Так я же... – Он резко нажал на тормоза и остановил машину. – А ну давай вылезь! – закричал. – Вылезь, говорю! Я их по-человечески, а они... Выметайтесь давай, а то сейчас как...

– Чего расакался? Теперь уж поздно какать, раз посадил, – издевался Филипп Вологжин. – Теперь вези уж. Не повезет он... Приказы надо выполнять, дура, на то она и армия. А если каждый рядовой начнет все по-своему переиначивать, немец до самой Москвы докатит, и даже стрелять ему не нужно будет: чего в дураков-то стрелять – сами помрут.

– Что у вас там? – свесился из кузова Василий.

– А вот везти не хочет, – отозвался Вологжин.

– И не повезу. Вот хоть убейте, не повезу, – уперся парень.

– Повезешь, никуда не денешься. А не повезешь, вылезь. Я сам повезу, – озлился не на шутку Вологжин.

Еле-еле Василий с Инной уgomонили разбушевавшегося электросварщика и успокоили парня. Вологжин перебрался в кузов, Василий в кабину.

– Я ж смотрю: свои, русские то есть, идут, – жаловался парень Василию. – Жалко стало. Особенно товарища женщину. А он...

– Ты не сердись на него, – успокаивал парня Василий. – Он еще в четырнадцатом с немцами воевал, у него сын танкистом служит, сам понимаешь...

Служивый высадил их за версту от города, дал колбасы и хлеба.

– За поворотом КПП, – пояснил он. – Вы напрямки идите, через поле – так ближе будет, в самый раз к станции выйдете.

– Какой хороший парень, – вздохнула Инна, провожая глазами пылящую по дороге машину, пока она не скрылась за деревьями.

– На таких Расея-матушка и держится, – проворчал Вологжин, то ли одобряя парня, то ли осуждая. – А вот почему все-таки держится и досе не упала, это, братцы мои, большой-пребольшой вопрос.

Поезда пришлось ждать четверо суток. Жили в полупустой гостинице, питались в буфете, да и то потому лишь, что буфетчица оказалась русской, женой командира, помощ-

ника коменданта города. Других возможностей питаться не было: все магазины в городе закрылись, и даже рынок, – то ли торговать нечем, то ли некому. Каждое утро прилетали немецкие самолеты – штук по пять, не более, – бомбили порт и станцию. Первый день постояльцы выбегали из гостиницы, бежали в парк, а с ними и Василий с Филиппом, таща за собой Инну. Но на другое утро Вологжин махнул рукой и сказал:

– А черта им в печенку – не пойду. Пусть бомбят. От такого бега загнешься раньше, чем от бомбы. У зайца уши длиннее – известное дело.

И больше не покидали своего номера. Тем более что у Инны в этот же день пошла горлом кровь. Она ослабла настолько, что едва переставляла ноги, больше лежала, вытянувшись на гостиничной койке, едва проступая сквозь одеяло, словно и тела под ним никакого уж нет – все высохло. Василий и Филипп дежурили возле нее попеременно, кормили-поили с ложечки.

– Вы меня не оставите? – спрашивала она, хватая слабыми пальцами за руки. Просила жалобно, униженно кривя синие губы: – Не оставляйте. Пожа-алуйста.

– Не выдумывай, – грубовато одергивал ее Василий. – Как это так – оставить? Что мы – не люди?

– Я знаю: ты не хотел меня брать, – шептала Инна, заглядывая ему в глаза своими широко распахнутыми, горящими в лихорадке глазами.

– Я и сейчас жалею, что мы тебя взяли, – не щадил ее Василий. – Но раз уж взяли, доставим на место, в Пулково.

– А вдруг не сможем уехать?

– Сможем. Как это так – не сможем? В лепешку расшибемся, а уедем. Кто мы здесь? – спрашивал он неизвестно кого. И сам же отвечал: – Никто. А дома мы нужны и можем быть полезны.

– Да, – шептала Инна и закрывала глаза. Но руку Василия не отпускала даже во сне, точно боялась, что он уйдет, пока она спит.

Василий осторожно высвобождал свою руку, садился в угол и открывал Чехова, захваченного с собой из санаторной библиотеки.

Уезжали русские. Кто на чем. Еще раньше сдвинулись с места евреи. Поговаривали, что немцы уже в Даугавпилсе, будто бы даже подходят к Пскову и взяли Минск, что эстонцы немцев ждут, грозятся всех русских утопить в заливе.

– До чего же вредный народ эти чухонцы, – ворчал Вологжин. – Мы их от буржуев освободили, а они... Никакой сознательности. Я их еще по Первой мировой не люблю, жлобов недоделанных.

Поезд дали ночью на пятые сутки. На удивление он был почти пустым. К утру оказались в Таллине. Через час два вагона из Пярну прицепили к поезду до Ленинграда. На этот раз народу в вагоны набилось столько, что сидели и лежали в проходах, а в купе, в котором ехал Василий со своими спутниками, втиснулись две командирские семьи: три женщины и пятеро малолетних детишек. Лежали лишь Инна да женщины с детьми. Василий с Вологжиным всю ночь просидели в ногах у Инны.

Ехали то быстро, то вдруг останавливались в чистом поле или среди леса, но чаще на полустанках, пропускали другие поезда – одни в сторону Ленинграда, другие в сторону Таллина.

В Ленинград приехали вечером следующего дня, проведя в пути почти сутки. Не заезжая домой, отвезли Инну в Пулково. Здесь девушка почувствовала себя лучше, все оглядывалась с удивлением и улыбалась робкой улыбкой: знать, не чаяла добраться до родного порога.

– У меня такое чувство, что я не была дома целых сто лет, – говорила она. И удивлялась: – А тут ничего не изменилось.

– Это только внешне ничего не изменилось, – философствовал Филипп. – Мы вот тоже вроде бы не изменились, а копни чуть поглубже – совсем другие люди.

– Да, я понимаю, – горестно шептала Инна.

Глава 11

Домик Инны, маленький, почти игрушечный, сокрытый от постороннего взора густыми кустами жасмина, белой пеной переплеснувшими штакетный забор, краснел жестяной крышей да чернел железной трубой. Василий узнал этот домик, едва они свернули в переулок: настолько подробно описала его Инна, лежа в гостиничном номере эстонского города Пярну.

Дом оказался пуст. Ключ нашелся под ковриком на крылечке. На столе в крохотной кухоньке лежала записка, в которой сообщалось, что Иннин папа, инженер-строитель, призван в армию, брат еще не вернулся из пионерского лагеря, расположенного на Псковщине, где-то в районе Чудского озера, а мама на работе – в обсерватории – и будет дома утром, что молоко в погребе, там же гречневая каша в чугушке, щи и картошка в печке, а хлеб в корзинке на стене.

Василий очень хотел уехать домой в этот же вечер: он был уверен, что Мария вернулась в Ленинград вместе с детьми, ждет его и переживает, но Инна не отпустила их.

– Мы, может быть, с вами больше никогда не увидимся, – со слезами в голосе говорила она. – Как же так – приехали и сразу назад? Миленькие, ну, пожалуйста. Давайте баню затопим, помоетесь, поужинаете, переночуете, а завтра с утра и поедете.

– А что, давай, Василий, – легко согласился Вологжин. – В Питере ты еще когда попадешь в баню-то? А тут – вот она. Домой заявишься чистым.

И они остались. Натопили баню. Дали возможность помыться Инне, потом уж сами парились до изнеможения. У Филиппа даже голова закружилась – пришлось отлить его холодной водой.

Потом был долгий и неспешный ужин. И даже с водкой. Инна, в цветастом халатике, посвежевшая, потчевала своих гостей, радостно улыбаясь, и уже не казалась такой до невозможности худой и нескладной.

Василий, изрядно захмелевший с отвычки, не заметил, как исчез Вологжин.

– Дядя Филя спать ушел, – сообщила Инна и вспыхнула лицом, шеей и даже руками. – Я тебе постелила в своей комнате. – Помолчала немного и шепотом: – А сама у мамы лягу.

– Тогда я пошел, – поднялся Василий. – А то усну, чего доброго, за столом. Да и утром вставать рано...

Инна проводила его в комнату и, теребя руками край халатика, пожелала спокойной ночи. Похоже, она хотела еще что-то сказать, да не решилась, а Василий не помог ей преодолеть ее робость.

Дверь за Инной закрылась, Василий разделся и лег – пуховая перина приняла его в свои жаркие объятия. В голове стал нарастать ритмичный стук вагонных колес, прерываемый тревожными гудками паровоза. На все это наплывало что-то несуразное. Так и вертелось: то дорога от санатория, то машина, то бомбежки.

Он проснулся среди ночи. Ему показалось, что рядом кто-то плачет. Или стонет. Возможно, что это продолжался сон. Тюлевая занавеска на окне надувалась от легкого ночного ветерка, голубоватый свет озарял крошечную комнатку: еще царили здесь белые ночи. Время от времени где-то близко начинали ссориться галки, одуряющим запахом жасмина был густо пропитан прохладный воздух – и странным и невероятным казалось все, что было с ним в последние дни, что где-то идет война, стреляют, умирают люди. Слава богу, все это кончилось, снова он окунется в привычную жизнь, размеренную, расписанную почти по минутам.

Скрипнула дверь, на пороге застыла тонкая белая фигура. Долго стояла, не шевелясь, затем приблизилась к его постели, остановилась рядом. Он следил за ней сквозь ресницы, стараясь дышать ровно, хотя непонятное волнение охватывало его тело, сбивая дыхание. Он

вспомнил, как на берегу Рижского залива обнял и поцеловал эту нескладную девчонку, какой ужас вспыхнул в ее глазах. Так зачем она здесь? Чего ждет от него?

Тонкая рука протянулась к его голове и замерла в нескольких сантиметрах. Василий даже почувствовал жар, исходящий от этой руки. Затем заостренное лицо, слегка голубоватое, с темными провалами глаз, надвинулось на него, но тоже замерло в нерешительности совсем близко от его лица.

Он открыл глаза, поднял руку и провел пальцами по впалым щекам, по легким, как пух, волосам. Большие глаза Инны вспыхнули непролитой слезой, раздался не то всхлип, не то вздох, и девчонка упала ему на грудь и забилась в беззвучных рыданиях.

«Этого еще не хватало», – думал Василий, машинально глядя ее волосы. Волнение его, минуту назад сбивавшее дыхание, улетучилось, он чувствовал лишь досаду и желание поскорее оказаться подальше отсюда, от этого дома, от всего, что было связано с санаторием и долгой дорогой, которая еще не завершилась. Потом ему стало жаль Инну, он подумал, что она, скорее всего, умрет еще в этом году: война – будет не до лечения, что у него у самого все впереди смутно, и неизвестно, чем все кончится. Вспомнилась Вика, их неудавшаяся любовь, его несбывшиеся желания стать инженером, жалость к самому себе захлестнула его удушливой волной. Затем эта жалость каким-то образом впустила в себя Инну, сплелась с жалостью к ней, руки сами сделали остальное. Он, правда, попытался ее поцеловать, – как же без этого? – но она отворачивалась весьма упорно, и он не настаивал.

Ему пришлось с ней повозиться. Хотя она пришла к нему сама и не только не сопротивлялась, но даже старалась ему помочь, но, видно, болезнь что-то сделала с ее телом, изломав ее женскую сущность, – так тяжело принимала она его в себя, с такими муками, но и с упорством неистовым требуя, чтобы он завершил свое дело. А когда все кончилось, стала гнать его с постели, по-кошачьи подгребая под себя простыню руками и ногами, натягивая одеяло.

– Уходи! Уходи, пожалуйста, – просила она дрожащим в лихорадке голосом, в то время как он, еще не отдышавшись и не придя в себя, пытался по-мужски грубовато завершить для нее первую любовную близость с женщиной необязательными ласками.

Несколько обиженный, Василий поднялся, успев, однако, заметить обильно испачканную кровью простыню, и как Инна поспешно старается скрыть от него следы своего трудного превращения в женщину.

Набросив на плечи халат ушедшего на войну отца Инны, он покинул спальню. Через полчаса она нашла его стоящим возле окна в маленьких сенях, молча взяла за руку и снова привела в свою комнату.

– Ты не сердись на меня? – спросила, робко прижимаясь к нему, когда они легли снова на прибранную постель.

– Нет, не сержусь. За что мне на тебя сердиться?

– Так... Я подумала... – она судорожно вздохнула и продолжила: – Мы больше не увидимся с тобой – я знаю. Вот я и решила... Ты не думай – я не стану тебя преследовать. Но я никогда не забуду, что с нами было... И вообще... я, наверно, скоро умру.

– Вот глупости. Не выдумывай. Надо верить, что будешь жить долго. Без этого даже от насморка не вылечиться.

– Я знаю. Но дело не в этом. – Она долго молчала, осторожно вздыхая и робко глядя его плечо твердыми пальцами, потом вдруг произнесла горячо и с каким-то даже исступлением: – Ах, как бы я хотела, чтобы у меня родился ребеночек! Как бы я хотела! Тогда бы я жила долго.

Василий повернулся к ней всем телом, взгляделся в ее блестящие глаза и, веря, что только от него зависит жизнь этой девчонки, зашарил по ее телу рукой, коленом раздвинул ноги и, заглушая губами ее стоны, принялся вновь терзать ее тело...

Глава 12

Камуфлированная «эмка» катит по песчаной проселочной дороге. Два световых щупальца шарят по бронзовым стволам сосен, натыкаются на темные кусты можжевельника. Иногда блеснет белой корой тонкая березка, спугнутая птица шарахнется сослепу в заросли вереска, заяц кинется за своей тенью и пропадет на повороте, ночные бабочки, жуки выстреливают из темноты и бьют в лобовое стекло.

Подполковник Артемий Дудник, бывший начальник оперативного отдела штаба Северо-Западной погранзоны, а с понедельника, то есть с 23 июня 1941 года, согласно приказу начальника погранвойск СССР, начальник сто первого погранотряда, дремлет на заднем сидении.

Вот и еще кусок жизни остался позади. В Каунас ему, скорее всего, уже не вернуться. Сегодня утром Артемий собрал свои вещички в чемодан и вещмешок, Цветана собрала свои, он посадил ее вместе с дочерью в вагон поезда: в четыре часа пополудни она будет в Пскове, там ее встретит дед, отец подполковника Кукушкина, и отвезет к себе в деревню. Лето они проведут там, а дальше... дальше один бог знает, что может случиться: война, судя по всему, не за горами, так что будет лучше, если Цветана окажется подальше от границы и они проживут какое-то время врозь. Может быть, потом начнут семейную жизнь сначала и по-другому. Говорят, разлука помогает что-то важное разглядеть издалека, что-то неважное забыть и простить.

Размолвка у Артемия с женой вышла из-за пустяка. Как и все предыдущие размолвки. Он даже не помнит, из-за чего. Да это не так уж и важно. Зато он видел, что Цветана все дальше и дальше уходит от него, а он ничего не может с этим поделать: и не знал, что и как, и мужская гордость не позволяла.

Теперь, по прошествии времени, первые месяцы после женитьбы казались Артемию непостижимым счастьем, которое уже не повторится, хотя и в этом счастье он всегда чувствовал как бы натянутую струну, готовую лопнуть при первом же неосторожном движении. И Артемий был очень осторожен, но что толку, если женщина тебя не столько любит, сколько снисходит до твоей к ней любви! Рано или поздно ее отношение к тебе должно вылиться либо в одну лишь привычку и «несение креста», либо переплавиться в неприязнь и растущую неудовлетворенность.

Умом Артемий все это понимал, но он слишком любил Цветану, чтобы по уму и действовать, выверяя каждое свое слово и каждый свой шаг. Да и нервы... нервы у него были ни к черту: работа следователем опустошила его, замкнула на самого себя, разуверила его во всем, во что коммунист Дудник верил еще совсем недавно. Не помогли ни длительный отпуск, ни лечение, ни женитьба.

Зато никак не мог представить себе Артемий, чтобы Цветана когда-нибудь могла принадлежать другому. А к этому, как ему казалось, все шло: не может такая красивая женщина оставаться без чьего-либо внимания, как не может она сама не искать себе кого-то, кто был бы ей по нраву. Пока этот человек, судя по всему, еще не появился: появившись он, Цветана, с её-то прямым и твердым характером, сама бы об этом поведала Дуднику. Хотя не исключено, что это не тот случай, когда в полной мере проявляются прямота и твердость характера, или дело еще не подошло к той границе, когда женщине самой становится все ясно и требуется лишь некая определенность, заставляющая обрубить все концы.

Иногда Артемий ловил себя на мысли, что самый лучший для него исход – застрелить жену и дочь и самому тоже застрелиться. Но стоило представить себе, как все это произойдет на самом деле, как тошнота подступала к горлу и в голове начинали стучать молоточки, и казалось, что он вот-вот сойдет с ума. Наиболее простым способом вернуть себе равновесие

стала водка: выпьешь полстакана – и сразу же становится легче. Или только кажется, но это практически одно и то же.

Теперь, с его новым назначением и отъездом Цветаны, все разрешилось само собой, отодвинувшись на неопределенный срок. Послезавтра, по предписанию, он должен прибыть в свой погранотряд, принять дела, дела затянут, отвлекут от всего постороннего. Вот только ночи... Впрочем, ему не привыкать к одиночеству. И потом... потом он будет писать Цветане письма – длинные и подробные. Обо всем. Она говорит, что у него хороший слог и что ей нравится читать его письма. Может быть, письма соединят их снова и еще крепче.

Выехав из Каунаса после полудня, Артемий направился не в отряд, а несколько в сторону, решив воскресенье провести на хуторе у знакомого литовца, Арвидаса Мужайтиса, у которого останавливался уже несколько раз во время инспекционных поездок на границу. Здесь хорошая рыбалка и охота на кабанов. К тому же хозяин хутора, лесник и егерь одновременно, был своим человеком, проверенным по всем статьям. В гражданскую служил в Красной армии, на родину вернулся в начале двадцатых и время от времени оказывал кое-какие услуги госбезопасности и пограничникам – когда Литва снова вошла в состав СССР.

Время приближалось к полуночи. Вот-вот должен показаться поворот на хутор Арвидаса. На прозрачно-сиреновом небе лишь кое-где мерцали крупные звезды. Сезон белых ночей был в самом разгаре, хотя здесь, на юге Литвы, они не полные и не такие светлые, как в Ленинграде или, скажем, на финской границе. Более-менее светло лишь в небе да на открытых пространствах, а среди деревьев, угрюмой стеной теснящихся по обеим сторонам дороги, мрачно и тревожно. После двенадцати темнота станет почти полной, но всего на пару часов.

Монотонное скуление мотора убаюкивает. Но дорога не столько укачивает, сколько трясет, позволяя забыться лишь на несколько минут.

В такую минуту сквозь дрему и скуление мотора, откуда-то слева, – может быть, в километре всего, – в салон машины вдруг прорвались приглушенные расстоянием винтовочные выстрелы.

Дудник открыл глаза, прислушался – тишина.

– Ты ничего не слышал? – спросил он у своего шофера, старшины Савина.

– Вроде бы стреляли, – ответил тот не слишком уверенно. – Вроде бы вон в той стороне, – кивком головы показал Савин чуть влево и вперед.

– Двоим показаться одно и то же не может, – пробормотал Дудник.

– Что вы сказали, товарищ подполковник?

В это время в той же стороне пророкотал ручной пулемет Дегтярева. Затем прочекал немецкий автомат «шмайссер», бухнула граната – и все стихло.

– Стой! – приказал Дудник, открывая дверцу машины. – Заглуши мотор и выключи фары.

Оба вышли из машины, прислушиваясь и оглядываясь по сторонам, но ни выстрела, ни даже шороха не долетало до их слуха, лишь зудели комары да летучие мыши мелькали на фоне светлого неба.

Покидая штаб округа, Артемий просмотрел последние сводки с границы и обратил внимание на то, что в ближайшем приграничье минувшей ночью и утром зафиксированы группы вооруженных людей, одетых в красноармейскую форму. Группы ведут себя скрытно, но при обнаружении предъявляют подлинные документы как выполняющие особое задание армейского командования. Были случаи нарушения связи между заставами и штабами отрядов. На месте разрывов проводов обнаружены следы сапог и ботинок армейского образца.

Прочитав донесения, Дудник глянул на майора Окунева, который заменил его на должности начальника оперативного отдела штаба погранокруга.

– Как расцениваешь?

– Как провокацию, – пожал плечами Окунев, как бы говоря: «А ты, что, не знаешь, как положено расценивать?»

Расценивать, действительно, можно было как провокацию. Но кто и ради чего мог эти провокации устраивать? Если литовские националисты – одно дело, если немцы – совсем другое.

– Надо бы задержать хотя бы одну такую группу и выяснить, какое такое задание командования они выполняют.

– Приказ на заставы уже отдан, – и Окунев показал Дуднику бумагу с грифом «секретно». – А только армейское командование утверждает, что никаких спецгрупп в районы границы оно не посылало... Может, тут вредительство со стороны армейских? Лично я не исключаю, – добавил Окунев для верности и выжидательно посмотрел на Дудника, своего бывшего начальника.

– На месте выясню, – пообещал Дудник, уверенный, что никакого вредительства со стороны армейских нет, зато у Окунева есть большое желание все свалить на вредительство: привычно и бдительность на высоте, хотя такого увлечения вредительством за своим заместителем Дудник до этого не замечал. Подумал: «Должность накладывает на человека не только новую ответственность, но и новый комплекс защитных реакций».

С минуту Дудник вместе со старшиной Савиным слушали тишину, ожидая новых выстрелов. Судя по всему, приказ на задержание подозрительных групп дошел до пограничников, и эти выстрелы – результат их работы. Если исходить из характера стрельбы, дружной и частой, велась она из засады, на поражение. Трудно сказать, чем закончился этот скоротечный бой. Во всяком случае, побережь и самим не помешает.

И Дудник, взяв с заднего сидения автомат, повесил его на шею, сказал старшине:

– Я пойду вперед, ты за мной следом. Фары не включай. В случай чего – из машины вон и действовать по обстановке.

Глава 13

Лес не пугал подполковника Дудника. С детства он знал и понимал это внешне молчаливое и недвижимое торжество растительного мира, внутри которого идет своя, скрытая от посторонних глаз, ни на минуту не прекращающаяся жизнь. Себя Артемий посторонним в лесу не считал и, шагая по песчаному проселку, усыпанному сосновой хвоей, вслушивался в настороженную тишину, стараясь по еле заметным признакам: характеру полета летучих мышей, пisku кем-то разбуженной птицы – понять, что скрывает чаща в своих непроницаемых недрах.

Сзади тихо скулит двигатель машины, ехавшей за Артемием шагах в тридцати. Вот и старый дуб посреди поляны и малоприметное ответвление на хутор Арвидаса. В прошлом году недалеко отсюда Дудник метким выстрелом из карабина застрелил огромного секача, и тот, уже с пулей в сердце, пропахал глубокую борозду метров в пятнадцать, прежде чем свалиться замертво. Матерый был кабанище, настоящий вепрь, и жизненных сил в нем природа запасла с избытком.

Не доходя до хутора с километр, Дудник оставил машину дожидаться, велел своему водителю быть настороже, а сам пошел дальше один. Скорее всего, ни поохотиться, ни порыбачить ему не суждено, но с Арвидасом все равно надо встретиться и узнать у него обстановку в окрестных лесах – действительную обстановку, а не ту, которую докладывают в вышестоящие штабы начальники застав, отрядов и политработники. Да и остаток ночи хорошо бы провести под крышей. Однако застарелая привычка, сопутствующая Артемию еще с антоновского мятежа, не доверять никому на все сто процентов, особенно всяким завербованным осведомителям, к которым относился и Арвидас, заставляла Артемия проявлять крайнюю осторожность, тем более в такой тревожной и неустойчивой обстановке.

К хутору Дудник подошел не дорогой, по которой Арвидас ездит за сеном и дровами, а по едва приметной тропе, и затаился среди густых зарослей можжевельника. Едва различимое движение воздуха нагоняло в его сторону запахи жилья, навоза и печного дыма. В одном из окошек избы горел свет. Артемий вспомнил расположение комнат – получалось, что на кухне. Лампа там обычно висит на крюке, вбитом в потолок, с правой стороны от окна, над столом, теперь же она стояла на столе и видна была сквозь занавеску ярким пятном. Мужайтисы ложатся спать с петухами и встают с ними же: керосин экономят. А тут время уже за полночь – свет горит. Словно это сигнал кому-то, о чем-то предупреждающий.

Смущала тишина. У Арвидаса три собаки: кавказская овчарка – та всегда на цепи, и еще две сибирские лайки, так что подойти к хутору незамеченным, даже и под ветер, практически невозможно. Из этого можно сделать лишь один вывод: собак на хуторе нет. Не слышно в конюшне и лошадей. Следовательно, Арвидаса нет дома. Наверняка и жена отсутствует тоже: в поездки Арвидас всегда берет ее с собой. Но кто-то там все-таки есть. Кто? Скорее всего, колченогая сестра Арвидаса. Эта старая ведьма всегда чем-то недовольна и, ковыляя по хутору, смотрит исподлобья, что-то ворча на своем языке. Артемий в прошлые приезды чувствовал себя не в своей тарелке в присутствии этой карги.

Дудник недолго раздумывал, как ему поступить дальше. Идти на хутор явно не имело смысла. Но, с другой стороны, не плохо бы выяснить, куда подевался хозяин. Уехал в город? Однако на воскресенье он обычно никуда не ездит, потому что на выходной к нему часто приезжает какое-нибудь местное начальство поохотиться. На то он и егерь. Может, его отсутствие как-то связано с проникновением на нашу территорию неуставленных вооруженных групп? Арвидас всегда знает больше того, что говорит, а Дуднику хорошо известно, что он связан с контрабандистами. И не только Дуднику. Считается, что эта связь находится под контролем. Хотя вряд ли можно проконтролировать все связи Арвидаса.

Так что же делать? А делать надо вот что: вернуться к машине, увести ее с дороги, в ней дожидаться утра, а утром ехать в отряд. И Артемий осторожно выбрался из зарослей можжевельника и зашагал по тропинке назад. Но не прошел он и половины пути, как до его слуха донесся приглушенный звук пистолетного выстрела. У старшины пистолета не было – во всяком случае, по штату ему не положено иметь пистолет. Карабин – другое дело. Но даже если старшина имел пистолет, то в кого он мог стрелять?

Артемий прибавил шаг, по привычке продолжая искать ответ на заданный самому себе вопрос с помощью логических умозаключений. Ответа не находилось, если не считать ответом предположение, что выстрел был направлен в самого старшину Савина.

И тут с той же стороны послышалось несколько глухих ударов, наносимых чем-то тяжелым по машине. Затем послышался металлический скрежет, что-то лязгнуло, и все стихло.

Дудник снял автомат с шеи, передернул затвор, свернул с тропинки и пошел напрямик, осторожно ставя ногу и замирая всякий раз, когда под ним вдруг хрустнет сухая веточка или сосновая шишка.

Еще через минуту он услышал невнятные голоса. Глянул на светящийся циферблат часов: стрелки показывали два часа четырнадцать минут.

Перемещаясь от дерева к дереву, он вскоре увидел черный силуэт машины и копошащиеся около нее тени. Дальше двигался только тогда, когда шум возле машины усиливался. Примерно за пятьдесят метров лег и пополз, держа на раскидистый куст можжевельника, росшего в десяти-пятнадцати шагах от дороги. За кустом и затаился.

Возле машины копошились четверо, одетых в армейскую форму. Говорили по-русски. Старшины видно не было. Слышались короткие, отрывистые команды:

– Быстрее! Что в чемодане? Брось к чертовой матери! Документы у шофера взяли? Больше ничего нет?

Чувствовалось по всему, что люди спешат, что машина – не главное их дело, что вышли они на нее случайно. Вот они сошлись все вместе и решают, не воспользоваться ли им неожиданным подарком?

– В машине был кто-то еще, – послышался приглушенный голос.

– Может, и не один, – предположил другой.

– Не нарваться бы нам на зеленые фуражки... Пора уходить.

Сомнения оставили Дудника. Он приподнялся, повел, примериваясь, стволом автомата слева направо, опустил флажок предохранителя и нажал на спусковой крючок.

Он расстрелял, пожалуй, половину диска, откатился в сторону и несколько минут настороженно вслушивался в тишину, особенно глухую после выстрелов. Ни звука, ни шороха. Пригибаясь, от дерева к дереву, обогнул машину и приблизился к ней с противоположной стороны. В машине никого не было. Теперь было понятно, что здесь произошло, пока он разглядывал хутор Арвидаса и возвращался назад.

Старшина Савин, судя по всему, закрылся в машине, чтобы не донимали комары, и задремал. Четверо подошли к машине, один из них выстрелил из пистолета в голову старшины через стекло. Убив старшину, они выбили стекло прикладом автомата или винтовки – эти-то удары и слышал Дудник, когда шел по тропинке.

Дудник осторожно выглянул из-за капота: перед ним в самых разных позах лежало пять тел. Не сразу в одном из них он узнал старшину Савина. Рядом с машиной валялись чемодан Дудника и два вещмешка – один его, другой старшины, белело раскиданное белье. Двигаясь от тела к телу, Дудник удостоверился, что все мертвы. С этой стороны опасность ему не грозила. Но все равно надо было спешить и поскорее уйти отсюда подальше. Он заглянул под заднее сидение – его полевая сумка была там, а в ней все документы, письма жены, фотографии.

Артемий быстро покидал в чемодан разбросанные вещи, но, чертыхнувшись, вывалил все обратно, отобрал лишь самое необходимое и сложил в один из вещмешков. Затем, забрав документы убитых, немецкий автомат с запасными рожками, он затолкал всех в машину, взял из багажника канистру с бензином, облил трупы и машину, протянул в сторону метров на пять тонкую струйку, чиркнул зажигалкой – пламя нехотя поползло к машине, потрескивая сухой хвоей и веточками. Дудник забросил за спину вещмешок, повесил на шею свой автомат, трофейный закинул за спину и, не оглядываясь, пошел в глубину леса. Через минуту отблески яркого пламени заметались среди деревьев, послышалась трескотня взрывающихся патронов, а когда Дудник отошел уже на порядочное расстояние, сзади ухнуло, и яркая вспышка света пронеслась по лесу, разбрасывая по сторонам черные тени.

Артемий шагал ходко, все дальше уходя от огня, и вскоре ничто не нарушало ни темноту леса, ни его предрассветную тишину. Он остановился лишь тогда, когда среди сосен блеснула черная гладь воды лесного озера. Выйдя к топкому берегу, свернул направо и оказался возле ручья, окруженного одетыми в мох «бараньими лбами». Встав на колени, долго пил студеную родниковую воду с привкусом каких-то солей; Арвидас говорил – целебных.

Метрах в сорока, на возвышении, темнела приземистая избушка. Обычно сюда приходили после охоты или рыбалки, варили свежатину или уху, пили водку, рассказывали охотничьи байки. Там мог быть Арвидас со своей женой. Но коли не слышно собак, не видно лошадей и телеги, значит... И Дудник, сняв с шеи автомат и приготовившись ко всяким неожиданностям, стал осторожно приближаться к избушке...

Глава 14

Дудник проснулся от тяжелого придавливающего гула. Сел, потер руками виски – гул не исчез, как бывало, когда у него вдруг поднималось кровяное давление. Взяв автомат, вышел из избушки. Над озером, ярко освещенные всходящим солнцем, на высоте примерно в три тысячи метров, летели самолеты. Летели на восток. Летели девятками, точно волнами, одна за одной, одна за одной. И это были немецкие самолеты – бомбардировщики Ю-88. Их силуэты не спутаешь ни с какими другими. И звук – подвывающий, прерывистый. Где-то в стороне границы часто и глухо ухало, иногда раскатами, словно в грозу.

– Вот тебе и война, – произнес Дудник вслух. – Вот мы и дождались. Вот вам, Артемий Евлампиевич, и объяснение всех последних загадочных и не слишком событий как на границе, так и по ту сторону от нее... Так что будем делать? – спросил он у себя и с тоской огляделся по сторонам.

Над озером плавал туман. Стая чирков вынырнула из тумана и с характерным свистом коротких крыльев стала описывать круги над озером. Значит, кто-то их спугнул. Не обязательно человек. Мог волк или сохатый, пришедшие на водопой, могла и лиса. А может быть, самолеты? Все может быть. Но лучше все-таки поостеречься.

И Дудник вернулся в избушку. Взялся было за вещмешок, но раздумал и сел на топчан: если придет враг, у него есть чем встретить. Если друг... Впрочем, какое это имеет значение? Никакого. Ему никого не хочется видеть, он никому ничем не обязан. Даже самому себе.

До границы отсюда километров двадцать. До штаба отряда чуть больше. Если это действительно война, то пограничники уже воюют, и подполковник Старостин, на смену которому он должен явиться в штаб отряда в понедельник, сейчас командует этим отрядом...

Булькающий смех вырвался из горла Артемия. Он и сам не знал, чем вызван этот смех, потому что положение его было не столько смешным, сколько глупым. Зря он сжег машину: на ней до границы добрался бы за час-полтора, а теперь топай на своих двоих.

Он представил себе, что из штаба в Каунасе звонят в отряд: «К вам прибыл подполковник Дудник?» – «Никак нет». – «Черти его где-то носят...»

Но, скорее всего, им не до Дудника. Ни им, ни кому-то еще. Даже Цветане.

И Артемий вспомнил жену, их последнюю размолвку.

Цветана сидела на постели в длинной холщовой рубаше, все такая же стройная и красивая, такая же желанная, как и в первую их ночь, но совершенно недоступная для него. Комкая платочек, она говорила громким шепотом, чтобы не разбудить спящую дочь:

– Ты убил во мне веру в людей, Тёма, – говорила она, и в голосе ее слышались горечь и удивление, будто она только сейчас догадалась, почему жизнь ее пошла не так, как ей мечталось. – Ты убил во мне всякие идеалы, уверенность в себе. Я только и делаю, что сомневаюсь, сомневаюсь и сомневаюсь. Раньше я не боялась говорить то, что думаю. Сегодня я не знаю, что мне думать, и я боюсь говорить об этом даже с подругами. Впрочем, и подруг у меня нет. Я стала подозрительной, в каждом человеке мне чудится доносчик. Раньше я не делила людей на евреев, литовцев, немцев и всех остальных, теперь я не могу без брезгливости смотреть на человека, зная, что он еврей, эстонец или немец – неважно кто, – хотя этот человек, может быть, ни в чем не виноват ни передо мною, ни перед остальными людьми... Но ведь так жить нельзя, Тёма! Это ужасно! Я перестала смеяться, – горестно шептала Цветана. – Люди вокруг смеются, они во что-то верят. А я не могу... Что ты со мной сделал, Тёма? Что ты сделал? – воскликнула она, заламывая руки.

Артемий сидел за столом, пил чай с бутербродами. Он механически откусывал от черного хлеба и лежащей на нем дольки ветчины, механически жевал, потом отпивал глоток

из стакана. Молча смотрел перед собой, но краем глаза видел Цветану и чувствовал, как в душе его разрастается что-то черное и удушливое.

Зачем он рассказал ей о себе, о своей работе, рассказал со всеми подробностями, ужас которых открывался перед ним в его же рассказе, ужас, который не посещал его в действительности? Он знал, зачем: ему хотелось очиститься, ему хотелось сочувствия и участия. А еще – он не соображал, что делал. Он говорил и говорил, говорил до тех пор, пока его не начал бить припадок.

По-видимому, тогда Цветана ничего не поняла из его рассказа. Может быть, не поверила, не осознала, о чем он ей исповедался. Осознание пришло значительно позже, хотя Артемий больше не повторял своей исповеди, вел себя так, словно ничего ей такого и не говорил. Но сомнения в душу он ей заронил, и оно разрослось чертополохом, заслонив перед нею все остальное, разъедаая душу и отравляя сознание. Теперь Артемий жалел, что ничего не сделал, чтобы сгладить первое впечатление от своей исповеди, даже не подумал об этом, хотя подумать было нужно.

«Правда – страшная штука, – думал Артемий, слыша и не слыша жалобы Цветаны, – а люди – ничтожные трусы и эгоисты. Им легче жить, когда они не знают всей правды, они довольны, что кто-то делает необходимое для жизни общества грязное дело, не посвящая их в свою работу. А когда узнают о ней, проклиная таких людей, презирают их и сторонятся. Вот и Цветана – она не выдержала столкновения с действительностью, которая не приоткрылась ей после ареста отца и даже ее самое. Она посчитала это случайностью, недоразумением, и только вдумываясь в открывшуюся ей правду, уяснила себе не только внешние черты этой действительности, но и тщательно от нее скрываемое содержание. И надломилась. А с нею надломилось и ее отношение ко мне» – подвел итог своим рассуждениям Дудник.

Ему пора было на службу, а он думал о том, как ему переломить настроение Цветаны, чтобы сегодняшнюю ночь не пришлось опять спать на раскладушке. Он любил ее, любил до спазмов в желудке, до удушья. А она уходила, уходила, уходила... И вместе с нею из его жизни уходило что-то важное, что еще держало его на поверхности.

Он давно потерял всякие ориентиры. Жил по инерции. Не верил ни в бога, ни в черта, ни в Ленина, ни в Сталина. Когда Артемий обнаружил в себе это неверие, он тоже испугался, но испуг прошел довольно быстро, зато в душе не осталось ничего: ни страха, ни надежд. Одна только безумная любовь к этой женщине, красивой и даже весьма неглупой, но тоже с каким-то изъязном, или, лучше сказать, с чисто женским восприятием мира. Даже рождение дочери ничего не изменило в их отношениях. Наоборот, Цветана уходила не просто от него, она уходила к дочери, загораживаясь ею и, по-видимому, оправдываясь. Иначе откуда бы в ней такое упорство и такая непонятная целеустремленность, точно где-то вдали, где не было Дудника, ее ждали одни только радости?

Дудник вздохнул и лег на спину, подложив руки под голову. Пахло старым сеном, мышами, плесенью. В углу, за каменкой, турлыкал сверчок. Низко, над самой избушкой, прошли самолеты, от их рева с потолка посыпалась какая-то труха.

Дудник вспомнил, что давно ничего не ел, и удивился, что не чувствует голода. Да и лень было вставать и возиться с едой. Что-то недодуманное, недочувствованное бродило в нем, пытаясь облечься в словесную форму. Думать мешал гул самолетов, а еще это странное ощущение, что он, подполковник Дудник, никому ничего не должен, никому ничем не обязан. Тем более что свою войну он уже выиграл: четверых уложил, одного потерял – весьма неплохое соотношение. Если бы и все так, война закончилась бы через пару месяцев. Но так, увы, не бывает. А если судить по непрекращающемуся гулу самолетов, все как раз наоборот.

Вспомнилось, как встречался с немцами на границе всего лишь год назад. Ничего, люди как люди. Несколько высокомерны и чопорны, а в остальном вполне нормальные. Хотя, конечно, фашисты. Но что такое фашизм? Идеология или человеческая сущность? Или в той

или иной идеологии выражаются те или иные национальные особенности? Как, например, в еврейском сионизме. И не потому ли евреи так тщательно оберегают свою идеологию от постороннего глаза, наряжая ее в цветные лоскутки и обволакивая цветистыми речениями? Не оберегали бы, давно растворились бы среди других народов, а нет – стоят наособицу и при каждом удобном случае показывают свои сионистские зубы.

А впрочем, черт с ними со всеми! Ему-то, бывшему подпаску, что до них! Вот если бы всей этой сволочи еще и до него, Дудника, не было никакого дела, тогда бы в мире наступил мир и согласие. А то ведь приходится драться, часто не видя, с кем именно. Цветана этого не понимает. А он, хотя и понимает, но тоже не железный. Все изнашивается, всему приходит конец.

А может, эта война не против него, Дудника, а против тех сил, которые вызрели на его земле, с которыми он не мог справиться сам, потому что его заставляли справляться не с теми, с кем надо было? Кому он служил? Народу? Родине? Начальству? Себе? Кому, кому, кому? А может быть, Левке Пакусу с его еврейской нетерпимостью и еврейским фанатизмом? Или грузину Сталину? Но какие тут связи и существуют ли они на самом деле? Огромная страна, безбрежные пространства. Раньше, в стародавние времена, о которых он знает только из книг, если человеку становилось неумогу от притеснения властей, он уходил в тайгу, в степи, в тундру, иные шли искать новых земель. За морем, за океаном. Оставались на месте лишь самые терпеливые, покладистые. Непокорные уходили, равнодушные. А нынче никуда не уйдешь. Все описано и занесено в амбарные книги. Каждая речка и каждый горный распад. Непокорных загнали за Можай, покорные верны своей покорности. А дальше что?

А как хорошо пахнет по утрам деревня парным молоком и печеным хлебом! Коровы пылят по улице, хрипло ревет общинный бугай с кольцом в розовых ноздрях. Туман стелется над лугом, ласточки носятся в солнечном свете, а само солнце величаво выплывает из-за зубчатой стены угрюмого леса, и приглушенный расстоянием колокольный звон скользит по его лучам...

Никогда этого уже не будет. Ни-ко-гда.

По шоссе в сторону Вильнюса нескончаемой чередой грохочут танки с белыми крестами на пятнистой броне, гудят машины с пехотой, трещат мотоциклы. Слышится губная гармошка, веселый, беспечный смех здоровых солдатских глоток.

А по обочине, навстречу танкам и машинам, в пыли и бензиновой гари, ползет серая лента пленных красноармейцев. Рев и гул моторов слились с монотонным шарканьем множества пар ног, точно это старики, а не молодые и здоровые люди, еще вчера бойко маршировавшие по улицам и площадям городов, по плацам военных лагерей. У большинства в глазах смертная тоска. Здоровые поддерживают раненых, многие босиком.

Но есть среди пленных и такие, которые весело оглядывают немецкие танки, подмигивают сидящим в кузовах солдатам. И шагают они бодро, и шинели при них, и сидоры горбом топорщатся за спиной. Так и кажется, что эти красноармейцы то ли не понимают, кто они теперь такие и куда их ведут, то ли такой исход для них не явился неожиданным. Остальные посматривают на них неодобрительно, но молчат, растерянные и подавленные случившимся.

Немцев-конвоиров не так уж и много, они разомлели от жары, рукава засучены, воротники расстегнуты, каски болтаются на пояском ремне, но винтовки и автоматы на взводе и пальцы на спусковых крючках.

Вечереет. С запада наплывает лиловая туча, верхушка ее переливается золотом, низ черен и время от времени мерцает сполохами молний.

Артемий Дудник затаился в густой тени молодых елок. На нем кирзовые сапоги, солдатская форма, через плечо шинельная скатка, за спиной тощий сидор, в опущенной руке немецкий автомат, за поясом немецкие гранаты с длинными деревянными ручками. Лес, набухающий душными сумерками, молча взирает на ползущую по дороге, ревушую моторами и лязгающую железными траками бесконечную колонну какой-то механизированной немецкой части, на пленных, бредущих в обратную сторону. Туча все ближе, она растет, покрывая голубое небо, наползая на солнце.

Чуть качнулась еловая ветка – и лес поглотил Дудника, растворил среди сосен и елей, берез и осин.

Глава 15

20 июня у командира отряда малых сторожевых кораблей капитана второго ранга Ерофея Тихоновича Пивоварова выдался свободный от службы вечер. Он пришел домой, переоделся, умылся и сидел теперь за столом в ожидании ужина. Две дочери Пивоварова, пяти и шести лет, щебетали, устроившись у него на коленях. Жена смотрела на эту сцену и счастливо улыбалась, раскладывая по тарелкам жареную картошку и котлеты. И Пивоваров поглядывал на жену с улыбкой и думал, что ему повезло с женитьбой, что у них впереди целая ночь и целая жизнь.

Они услышали знакомый треск мотоцикла одновременно, и девочки тоже, и посмотрели друг на друга: Пивоваров с нескрываемой досадой, жена с тревогой, а дочери чуть ли ни со слезами. Все знали, что означает этот треск, и хотя прошел уже год с тех пор, как они обосновались в Лиепае на берегу Балтийского моря, но привыкнуть к этому вестнику разлуки так и не смогли. Особенно девочки.

Пивоваров ссадил дочерей с колен, пошел одеваться.

– Может, не к тебе? – робко спросила жена, но он в ответ лишь улыбнулся ей виноватой улыбкой.

Через несколько секунд посыльный уже стоял перед Пивоваровым. Пивоваров вскрыл конверт и прочитал записку начальника штаба флотилии с просьбой срочно прибыть в штаб. В конце записки стояли три жирных восклицательных знака, означающих, что дело очень серьезное и потребует выхода в море на несколько дней.

Сунув записку в карман, Пивоваров попросил жену:

– Приготовь мне, пожалуйста, чемоданчик.

– Надолго?

– Думаю, на пару дней, не больше.

– Ты бы хоть поел...

– На корабле поем, – сказал Пивоваров, всеми мыслями своими удаляясь и от нее, и от детей.

Затем торопливые поцелуи, напутствия, дверь за ним закрылась, щелкнул английский замок, Пивоваров сбежал по ступенькам и уселся на заднее сиденье мотоцикла. Еще через пять минут он был в штабе, через десять – на сторожевике, через пять минут сторожевик вышел в открытое море и взял курс на юг, в сторону Куршской косы, а точнее – в сторону советско-германской границы, чтобы проверить боеготовность кораблей своего отряда, разбросанных вдоль побережья и несущих боевое дежурство.

В штабе флотилии, предупрежденные штабом Балтфлота, ожидали если не начала войны со дня на день, то крупной провокации со стороны немцев или какого-то конфликта с далеко идущими целями. В задачу Пивоварова входило подготовить экипажи ко всяким неожиданностям, то есть объявить на них готовность номер один. Можно было бы, конечно, то же самое сделать по радио шифровкой, но боялись, что немцы радио перехватят, радиограмму расшифруют, а это лишь усугубит положение.

С некоторых пор, как заметил Пивоваров, в штабе боялись не столько провокации, как самим оказаться причиной этой провокации со всеми вытекающими последствиями. Это настроение командования передалось и ему, и многим офицерам флота, кто избежал недавних репрессий. В памяти были слишком свежи гнетущие впечатления от арестов и расправ с командным и политическим составом Балтфлота, от партийных собраний, на которых клеймили предателей и отщепенцев и исключали их из партии. Потом разоблаченные пропадали, за ними исчезали их семьи, оставшиеся поднимались вверх иногда сразу на две-три ступени, но мало кого это радовало.

Вот и сам Пивоваров за три года с небольшим шагнул с должности старшего помощника командира охотника за подводными лодками в командиры отряда малых сторожевых кораблей, прыгая вверх через ступеньку, и от старшего лейтенанта в капитаны второго ранга. За три года он послужил и в штабе флота, и покомандовал эсминцем, пообтесался, привык к высокому темпу жизни и службы, поэтому должность командира отряда уже не казалась ему слишком высокой, и страха перед ней он не испытал. И вот уже четвертый месяц он командует сторожевиками, является членом партбюро отряда, а впереди еще столько всего – до самого горизонта и дальше, дальше...

Шли средним ходом, не упуская из виду береговые ориентиры, сходились со своими кораблями борт о борт, Пивоваров переходил на очередной сторожевик, выслушивал рапорт командира, опытным глазом подмечал всякую мелочь на корабле, затем запирался с командиром корабля в каюте, инструктировал: быть готовыми к любым неожиданностям, ни на какие провокации не поддаваться, однако на огонь отвечать огнем.

Весь день 21 июня и ночь на 22 повторялось одно и то же, так что Пивоваров заметил, что повторяет самого себя слово в слово, почти автоматически и почти не задумываясь, а сама возможность провокации или, тем более, войны отодвигается все дальше и дальше, заменяясь в его сознании будничными делами и заботами, среди которых провокация или война лишь более высокая ступень будничных дел и забот.

На рассвете 22 июня Пивоварова разбудил вахтенный и доложил, что со стороны берега доносятся взрывы и стрельба. Корабль в это время находился на траверсе курортного городка Нида, что на Куршской косе.

Пивоваров вышел на мостик, поднес к глазам бинокль. Но сильная оптика лишь приблизила видные и невооруженным глазом далекие дымы, поднимающиеся к небу где-то на берегу.

Что значил этот пожар, понять отсюда было трудно, как и то, что могли означать глухие взрывы. Не исключался пожар на складе боепитания. Потом он заметил вспыхнувшую в лучах восходящего солнца точку над этими дымами и, отказываясь верить, понял, что это самолет. И, похоже, не один.

Пивоваров приказал сыграть боевую тревогу, увеличить ход и дать шифрованную радиогамму в штаб флота. И вовремя. Не прошло и минуты, как в небе появились два самолета, летящие прямо на корабль со стороны солнца на небольшой высоте.

Молоденький лейтенант, командовавший сторожевиком, в растерянности смотрел на Пивоварова.

– Ну что вы уставились на меня, лейтенант? – усмехнулся Пивоваров, не показывая вида, как он встревожен. – Видите, нас атакуют вражеские самолеты? Командуйте маневр.

Самолеты с крестами пронесли над самыми мачтами корабля, два белых столба взметнулись по курсу – и только тогда Пивоваров приказал открыть огонь.

Вторая серия бомб легла за кормой, да так близко, что заклинило рули, а деревянный корпус сторожевика дал течь во многих местах. Теперь корабль описывал циркуляцию, а самолеты кружили над ним, тренируясь в точности бомбометания, пока один из них не напорлся на очередь крупнокалиберного пулемета.

Пивоваров провожал глазами падающий в море самолет со смешанным чувством удовлетворения и страха за возможные последствия. А вдруг он превысил меру самообороны? Что если немцы решили просто поугадать советский сторожевик, а он, приказав маневрировать, сам подставил корабль под бомбы? Если бы шел прямо, ничего бы и не случилось.

Пивоваров понимал всю нелепость своих опасений, но именно так могло расценить его приказ начальство, если дело дойдет до дипломатического или еще какого-то там скандала. Разве немецкие самолеты впервые атакуют советские корабли? Правда, до бомбежек не доходило, но стрелять по кораблям стреляли, и один из командиров сейчас сидит в ожи-

дании суда военного трибунала как раз за то, что ответил на огонь огнем и повредил немецкий «юнкерс».

Второй самолет, истратив боезапас, улетел.

Сторожевик медленно наполнялся водой: насосы не справлялись, пластыри не помогали, исправить рули можно только в доке. В довершение всего вышла из строя радиостанция, так что помощи ожидать было неоткуда.

Надо было спасать команду. Спустили на воду шлюпки. На корабле уничтожили все, что можно было уничтожить: сняли замки с орудий, затворы с пулеметов, разбили радиостанцию, которая все равно не работала.

Пивоваров сошел с корабля последним.

И тут снова налетели самолеты, на этот раз целых шесть штук. Они быстро добили погибающий корабль и принялись за спасающихся на шлюпках моряков. Большого унижения и беспомощности ни Пивоваров, ни его товарищи в своей жизни еще не испытывали: самолеты кружили над ними, стреляли из пушек и пулеметов, а они могли ответить лишь из винтовок да одного ручного пулемета. Но это был слишком неравный бой – и через минуту все, кто остался жив, оказались в воде. А до берега около двух миль.

Самолеты улетели, решив, по-видимому, что не стоит тратить патроны на плавающих вдали от берега русских моряков: и так потонут.

Держась за обломки шлюпок и корабля, за немногие спасательные круги, помогая раненым, несколько часов добирались до берега. Из раненых, даже из тех, кто ранен был легко, до берега доплыл лишь один, остальные погибли от потери крови.

Наверное, ему, командиру, надо было действовать не так. Лучший выход – направить корабль к берегу сразу же, как только их атаковали самолеты. Отбились бы – хорошо, нет – сели бы на мель, сохранили людей, оружие, да и корабль потом можно было бы снять с мели и отремонтировать. Но разве он мог тогда подумать, что все кончится так, как оно кончилось?

Когда оставшиеся в живых обессиленные моряки добрались до берега, – а осталось их всего шесть человек, – то первых, кого они увидели, были немцы. Они стояли на песчаном берегу, рукава засучены по локоть, каски у пояса, воротники расстегнуты, – какая-то странная, почти опереточная и, в то же время, вполне органичная неряшливость делала немцев мало похожими на настоящих солдат. И все-таки это были солдаты, и стояли они на советской территории, показывая пальцами на плывущих моряков и покатываясь со смеху. Здоровые, сильные, вооруженные.

Почему он, Пивоваров, не пошел ко дну? Что удержало его на поверхности, заставляя плыть и плыть из последних сил последние метры? Под этот унижительный смех, под автоматные выстрелы, когда фонтанчики от пуль взлетали у самого лица... А однажды пуля, потеряв свою силу в воде, упала ему на руку и застряла между пальцами, он брезгливо отряхнул ее с руки и видел, как она, виляя, уходила в глубину, точно растворяясь в зеленой воде.

Пивоваров хотел, чтобы его убили, однако немцы, судя по всему, не стремились их убивать, им хватало развлечения и без этого. Но сильнее желания смерти было чувство уязвленного самолюбия, которое не позволяло ему умирать по собственной воле на глазах у своих врагов, а еще – чувство ответственности за жизнь своих подчиненных, и надежда, что сможет как-то защитить их от этих опереточных вояк. Не то чтобы Пивоваров рассуждал таким образом на виду у немцев, продолжая грести одной рукой, другой держась за спасательный круг, – нет, никаких мыслей в голове его не было, кроме отчаяния и тоски, но эти чувства уязвленного самолюбия и ответственности жили в нем, не рассуждая, они были прочно утверждены в нем всей его жизнью и традициями русского флота.

Впрочем, теплилась еще слабая надежда, что они все-таки стали жертвой провокации, и как только все разъяснится, их отпустят, и он снова увидит свою семью. А мысль – именно мысль и сожаление, что мысль эта не пришла раньше, – появилась тогда, когда их обыски-

вали на берегу. А чего обыскивать, если на нем кроме тельняшки и брюк ничего не осталось? Как и на его товарищах. Даже личные документы и корабельный журнал – и те он утопил, как только увидел немцев. А поначалу-то, когда садились в шлюпки, все были одеты по форме и при оружии, но попав в воду, всё бросили: не до того было, самим бы доплыть.

– Юден, комиссарен, коммунистен, официир? – спрашивал немец с нашивками и какой-то бляхой на груди, обыскивая моряков.

– Нихт юден, нихт комиссарен, нихт коммунистен унд официрен, – ответил за всех боцман Курылев раньше, чем Пивоваров раскрыл рот.

Их привели в какой-то поселок и заперли в кирпичном сарае. Ни есть, ни пить не дали. Когда боцман Курылев, немного знавший по-немецки, стал стучать в дверь и просить пить, в ответ грянул выстрел, и пуля обожгла ему бок. После этого уже никто ничего не просил, страдали молча, разговаривали шепотом. Тут же решили, что Пивоварова выдадут за старшину-резервиста, призванного на флот в конце прошлого года, что все друг к другу станут обращаться по именам, а боцман, у которого сохранилась матросская книжка, будет вести все переговоры с немцами, если таковые возникнут.

Никаких переговоров не возникло, но воду в ведре им принесли. От ведра пахло помоями. Видать, из него давали свиньям. Поначалу все воротили от ведра нос, но жажда – не тетка, отпил один, за ним другой, только приложился третий, как дверь отворилась, и немец ногой опрокинул ведро, что-то сказал и засмеялся.

Курылев перевел:

– Пить надо вовремя.

После полудня их вывели из сарая и повели по улице, привели к дому, возле которого стояли две грузовые машины и броневик. Велели лезть в кузов одной из машин, посадили на пол, повезли. По понтонному мосту переехали с Куршской косы на материк, потом пересекли шоссе, по которому двигались танки с белыми крестами и машины с солдатами, долгая езда по лесным проселкам, наконец – чистенький городок на берегу Нямунаса, а на окраине городка лагерь для пленных красноармейцев: человек триста загнано на небольшую площадь, с трех сторон окруженную невысокими двумя домами и хозяйственными постройками. Все сидят или лежат прямо на земле.

Новеньких тоже посадили. Объяснили:

– Зитцен! Нихт штеен! Шиссен! Пух-пух!

Никуда не вызывали, ни о чем не спрашивали. Воду давали раз в день, наливая в деревянные корыта, из которых поят скотину. Раз в день бросали несколько буханок хлеба. Оправляться разрешали тоже раз в день – в одном из сараев. Оттуда тянуло удушливой вонью. Немцы ходили, ругались, зажимали носы. Похоже, чего-то ждали.

Курылев, прислушавшись к разговорам часовых, объяснил:

– Должны нас куда-то перегнать, но нет приказа.

Лагерь постоянно пополнялся: пригоняли небольшие группы красноармейцев, захваченных в лесу или на хуторах. Все растерянные и озлобленные. Некоторые говорят об измене командования. Постепенно стали разделяться по национальностям: татары в одном углу, кавказцы в другом, азиаты в третьем. Русские, украинцы, белорусы – посередке. Остаток экипажа сторожевика держится вместе, хотя в нем, помимо славян, есть и мордвин, и осетин – никто из них в землячества не ушел.

Так продолжалось два дня. На третий день стали обносить площадь колючей проволокой. Пленные рыли лунки под столбы, пленные же и натягивали проволоку. За это им отдельно выдали какое-то варево.

– Бежать надо, – шепнул Пивоварову боцман Курылев. – А то отощаем – не победишь. – И добавил: – К ночи гроза будет.

Пивоваров согласно кивнул головой.

К вечеру, действительно, стала собираться гроза. Быстро темнело. Конвоиры рассредоточились под навесами. Подогнали два грузовика, поставили их по углам площади за колючей проволокой, включили фары, из кабин торчат стволы пулеметов.

– Сволочи! – ругался боцман.

Гроза бушевала всю ночь, всю ночь горели фары и топали под навесами конвоиры, светили фонариками. Иногда постреливали над головами.

К утру гроза стихла, но дождь все еще продолжался, хотя и не сильный, а так – моросит себе в свое удовольствие, шуршит по траве, журчит в водосточных трубах, по головам, по плечам. Пленные, промокшие до нитки, сбились в кучу, как пчелы в улье, клацают от холода зубами.

Едва стало развидняться, стихли моторы грузовиков, потухли фары, обитатели кабин скрылись в одном из домов вместе со своими пулеметами, перестали топать по деревянным мосткам конвоиры, да и, похоже, их стало меньше.

– Может рискнем? – спросил Курылев без особой уверенности в голосе.

– Бесполезно, – не согласился Пивоваров. – Перестреляют как зайцев. Попробуем во время движения: погонят куда-нибудь, не век же нам тут сидеть.

Задремали.

И вдруг – взрыв.

В окне дома, где разместилась охрана, взметнулось пламя. И еще один взрыв, и еще.

Кто-то появился на крыше сарая, дал длинную очередь из автомата под один навес, затем под другой.

Вскочили пленные.

– Столбы! – крикнул Пивоваров, – Выдергивайте столбы! И первым бросился к ближайшему столбу, схватил его у самой земли, присел, рванул вверх. Рядом крякнул боцман – и столб вылез из лунки, слабо удерживаемый еще рыхлой землей. Слева и справа от них вырвали еще несколько столбов.

– К машинам!

Из окон ударили выстрелы. Им ответила трескотня автомата.

Машины завели, пленные, перемешавшись, повалили в кузова, заскакивали уже на ходу. Остальные, кому явно не хватало места, разбегались в разные стороны, но все больше к лесу.

Переднюю машину вел Пивоваров, рядом сидел боцман. На коленях держал винтовку.

– Еще поживем! – кричал он. – Еще повоюем!

Глава 16

Машины бросили через десяток километров, когда просека уткнулась в болото. Хотели машины поджечь: все какой-то урон врагу, но Пивоваров воспротивился: по дыму быстрее обнаружат. Загнали машины в болото, проткнули колеса, бензобак, разбили в моторах все, что можно, и пошли. Повел старший лейтенант-пограничник: он единственный был в полной форме и со знаками отличия.

Остановились через пару километров. Сбились в кучу.

– Толпой идти глупо: мы все-таки армия, – заговорил старший лейтенант, оглядывая людей. – К тому же надо продумать, как и куда идти. – Спросил: – Есть командиры?

Выступили трое. Назвались: интендант третьего ранга Приходько, лейтенант-артиллерист Головня, капитан второго ранга Пивоваров. Ну и сам – старший лейтенант-пограничник Всеношный.

– Вы – старший по званию, вам и вести, – сказал Всеношный, обращаясь к Пивоварову.

– Нет, – качнул головой Пивоваров. – Я – моряк, в море – куда ни шло, а в пехоте... Товарищ интендант тоже, я думаю, не в счет. Так что вам и карты в руки, товарищ старший лейтенант. А возникнет нужда в совете... – и повел рукой: что, мол, тут говорить, и так все ясно.

– Ну что ж, – не стал спорить Всеношный. – Тогда слушай мою команду: В две шеренги становись! – Подождал, пока построятся, новая команда: – По порядку номеров рассчитайсь!

Рассчитались. Оказалось шестьдесят три человека, две винтовки, пять лопат, две кирки, два топора, нож-тесак и кое-какие железки, раздобытые в брошенных машинах. Разбились на три взвода. Первым командовать Всеношный назначил Пивоварова, вторым – лейтенанта Головню, третьим пехотного старшину Ямщикова. Интендант, невысокий и полный человек лет сорока, от командирской должности отказался.

Взводные разбили свои взводы на отделения – тоже на три. Назначили командиров. После этого Всеношный выслал вперед дозор с одной винтовкой, вернул назад другой дозор – что-то вроде арьергарда, чтобы преследователи не сели неожиданно на хвост. Во главе второго дозора пошел боцман Курылев.

Стучали топоры – рубили колья, тесаком острили. Какое-никакое, а все-таки оружие. Некоторые бродили в поисках дубинок. И вообще чего придется. Моряки резали брезент, захваченный из немецкой машины, оборачивали ноги, как оборачивают портянки, закрепляли веревочками.

Всеношный, собрав вокруг себя командиров взводов и отделений, чертил на песке палочкой, объяснял:

– Мы находимся вот здесь: на севере река Митува, на юге Неман, по-местному Нямунас, вдоль Немана по правому берегу идет дорога на Каунас... и дальше на Вильнюс. Эти города, надо думать, наши без боя не сдадут. Следовательно, идем вдоль дороги на расстоянии двух-трех километров. Далее. Если нарвемся на немцев, разделимся и расходимся влево и вправо: какая-нибудь половина да прорвется. Ночью попробуем раздобыть оружие. Немцы движутся длинными колоннами, ночуют на дорогах. Надо этим воспользоваться. И кое-кому не мешало бы раздобыть одежду и обувь, – заметил Всеношный, глядя на босого и резко выделяющегося среди остальных своей полосатой тельняшкой Пивоварова. Затем, рубя воздух кулаком, заключил: – Наша обязанность – воевать в любых условиях и всем, что попадется под руку.

Возражений не было, и как только вернулись дозоры, тронулись в путь. Теперь это была рота, а не толпа.

Шли просеками, иногда напрямик. На ходу срывали незрелую землянику, заячью капусту. Жевали сосновую смолу.

Немецкий самолет по прозвищу «рама» появился неожиданно. Он кружил на высоте в тысячу метров, кружил почти беззвучно, лишь слабый стон его моторов вплетался в шорох шагов и гул сосновой хвои, тревожимой ветром.

– Все, засекли, – зло бросил Всеношный и приказал свернуть в чащу леса.

Дальше пошли двумя цепочками шагах в двадцати одна от другой. Моряки снимали тельняшки, чтобы не светиться. Особенно в чистых сосняках, в которых далеко видно. Кое-кто на ходу разжился гимнастеркой у запасливой пехоты. Остальные голяком. Парило. Дони-мали комары, слепни и оводы.

Остановку сделали возле ручья. Жадно пили холодную воду, обмывали разгоряченные тела.

Всеношный, вооруженный саперной лопаткой, подпоясанный немецким ремнем, поку-сывал травинку, поглядывал на солнце. Рядом Пивоваров перематывал брезентовые пор-тянки.

– Потопили? – спросил Всеношный, щуря черные глаза.

– Кого? – не понял Пивоваров. – А-а, нас-то? Да, потопили. Самолеты. – И добавил с горечью: – Только одного и удалось сбить. – Спросил: – А вы с границы?

– Нет. С поезда. Служил на севере, получил назначение на запад, поехал... – зло усмех-нулся, отбросил носком хромового сапога сосновую шишку, закончил: – и приехал. – Помол-чал немного, решил пояснить: – Поезд разбомбили, меня контузило, на время почти ослеп – взяли голыми руками.

– У вас, наверное, в роду все военные, – высказал предположение Пивоваров.

– Что вы, товарищ капитан второго ранга! Как раз наоборот. Отец – инженер, дед по отцу – священник. И прадед тоже. Мать – из деревни. Нет, военных не было. Я сам начинал в Харьковском университете, на втором курсе вызвали в райком комсомола, сказали, что нужны грамотные пограничники, закончил училище...

– У меня дед дьячком был, – улыбнулся странному совпадению Пивоваров.

– Все мы из прошлого, – философски заключил Всеношный и, обернувшись, подал команду: – Приготовиться к движению!

Через час вышли к болоту. Толкнулись – топко, не пройдешь. Решили разделиться. Взвод Пивоварова идет налево, остальные направо. Если болото небольшое, встретиться на той стороне. В любом случае идти к дороге.

Боцман со своей винтовкой остался при Пивоварове.

К вечеру от усталости и голода еле волочили ноги. У моряков, не привыкших к дли-тельной ходьбе, ступни сбиты в кровь, не помогли и обмотки из брезента, полуголые тела искусаны комарами и слепнями. Сидели у ручья, опустив ступни в холодную воду, слушали монотонный шум леса.

Один из красноармейцев, в годах уже, вынул из своего сидора гимнастерку, развернул, посмотрел на Пивоварова, протянул:

– Возьмите, товарищ капитан второго ранга. Вот только не знаю, налезет ли.

– Да ничего, спасибо, я так как-нибудь, – стал отнекиваться Пивоваров, но красноар-меец не согласился:

– Это я как-нибудь, а вам не положено. – И, оглядев остальных, произнес требова-тельно: – Потрясите-ка свои сидоры, братцы, у кого есть. Надо товарищей моряков одеть. А то нехорошо ведь, не по-товарищески.

Через несколько минут все моряки были в гимнастерках, и люди, глядя на них, радо-вались, точно самое страшное осталось позади. Обуви, правда, не нашлось.

Вернулся один из дозорных, доложил, что впереди обнаружили то ли лесничество, то ли хутор, то ли еще что. От хутора идет дорога на северо-восток, а болото заворачивает на юго-восток.

– Хутор этот – что твоя крепость, товарищ командир, – докладывал веснушчатый паренек с большими телячьими глазами. – Вся обнесена тыном, видны строения, а что там внутри, какие люди, неизвестно. Товарищ боцман велели сказать, что ждут ваших, товарищ капитан второго ранга, указаний.

Пивоваров решил сам посмотреть, что там за лесничество такое. Может, продуктами удастся разжиться.

Головной дозор затаился на берегу ручья метрах в двухстах от лесничества. Густой ольшаник, заросший крапивой, малиной и хмелем, хорошо укрывал людей. Боцман Курылев, тоже «обутый» в обрезки брезентовой ткани, перетянутой лыком, доложил:

– Вот видите, товарищ капитан второго ранга? Вот то-то и оно. На острог похоже.

Действительно, лесничество, что твоя средневековая крепость: над заостренными кольями сплошного, высотой в три метра, тына виднелись лишь крыши, крытые драньем. Над самой высокой крышей что-то вроде сторожевой башенки с окнами во все стороны, над башенкой резной петух на шесте, а чуть пониже – скворечник.

– Может, тут староверы живут? – высказал предположение боцман Курылев. – Или это монашеский скит... Минут пять назад оттуда телега выехала, на телеге мужик в картузе навроде финского. С кокардой. Вооружен карабином.

Пивоваров глянул на веснушчатого паренька, спросил:

– Тебя как зовут-то?

– Красноармеец Одноухов, товарищ капитан второго ранга. Из шестого минометного дивизиона. Тишкой кличут.

– Почти что тезка. Ну так вот что, Тихон. Подойди к калитке, постучи, выйдут хозяева, спроси... ну хоть бы о том, как пройти к дороге на Каунас. Пригласят – войди. Ну а мы за тобой следом.

Одноухов снял скатку, положил на траву, на скатку – заостренную железную полосу, поправил лямки тощего вещмешка, весело улыбнулся и легко, пританцовывая даже, пошагал к калитке.

– Опростоволосится, – засомневался боцман. – Уж больно жидковат. Мальчишка.

– Зато вызывает доверие, а не опасение, – пояснил свой выбор Пивоваров, следя за Одноуховым. – И потом: это же вы его в дозор взяли. Наверное, не зря?

– Земляк он мне, товарищ капитан второго ранга. Архангельский.

– Ничего, справится.

Вот парень нагнулся, поднял палку, повертел в руках, отбросил в сторону. Через несколько шагов поднял еще одну – на этот раз не бросил и, опираясь на нее, как на посох, пошагал дальше. Вот остановился возле калитки, постучал в нее палкой – из-за тына раздался хриплый собачий лай. Однако калитка заперта не была: Одноухов толкнул ее и заглянул внутрь.

– Пошли, – негромко приказал Пивоваров и первым выбрался на чистое. За ним боцман и еще один красноармеец, кряжистый и молчаливый, с кайлом за поясом.

Быстро пересекли неширокий луг под непрекращающийся лай собак из-за тына. Когда Пивоваров вошел в калитку, он увидел Одноухова, стоящего посреди широкого двора, двух собак, беснующихся в нескольких шагах от него, и женщину лет сорока, в белой косынке, в длинной черной юбке и расшитом переднике, стоящую на крыльце с опущенными руками.

Собаки оставили Одноухова, кинулись к вошедшим.

– Уберите собак, хозяйюшка! – крикнул Пивоваров. – Мы не разбойники. – И для верности показал рукой на собак, не зная, понимает ли его эта женщина.

Женщина обернулась и что-то сказала в полураскрытую дверь. Оттуда вышел мальчишка лет четырнадцати, крикнул на собак – и те сразу же замолкли, но остались на месте, рыча и скаля желтые клыки. Мальчишка спустился вниз, подошел к собакам, взял их за ошейники, отвел к крыльцу, посадил на цепь.

Пивоваров приблизился к крыльцу, спросил:

– Кроме вас есть кто-нибудь еще?

– Никто нема, – ответил мальчишка, исподлобья поглядывая на Пивоварова.

– Можно будет у вас переночевать? Мы не сделаем вам ничего плохого.

Женщина переступила с ноги на ногу.

Мальчишка ответил за нее:

– Немець близько.

– Как близко?

– Там, – махнул рукой мальчишка. – Зовсем близько. Арегада.

– Арегада – это что?

– Мисто. Градо.

– Сколько километров?

Мальчишка показал растопыренную пятерню, потом, помедлив, добавил к ней другую.

– Десять километров?

– Так, десьять.

– А где отец? – продолжал расспрашивать Пивоваров.

– Поихав до миста.

– Может, вы дадите нам какой-нибудь еды? Хлеба, например. Мы бы ушли.

– Нэма хляба, – резко и недружелюбно ответил мальчишка. – Зовсим нэма.

– Ты хочешь, чтобы мы сами поискали?

– Есть хляб, – вмешалась женщина, отстраняя мальчишку рукой и отводя его себе за спину. – Сколько?

– Тридцать буханок, – ответил Пивоваров, руками показывая нечто круглое. И пояснил. – Остальные ждут в лесу.

Женщина кивнула головой и скрылась в доме.

– Вот что, Тихон, – обратился Пивоваров к Одноухову. – Беги к ручью и приведи сюда остальных.

Хозяйка наварила ведерный чугунок картошки в мундирах, напекла лепешек, поставила тесто для хлеба. На длинном столе разложила пучки зеленого лука, огурцы, редиску, в деревянных мисках дымящуюся паром картошку. Отдельно положила кусок толстого розоватого сала. Делала она все это молча, ни на кого не глядя, а управившись со столом, скрылась за печкой. Никто не донимал ее вопросами, да и в самой горнице народу было мало, все устроились ждать во дворе, пили воду из колодца да оглядывались по сторонам, вполголоса обмениваясь впечатлениями по поводу диковинных построек и крепостной ограды.

Вроде и много было всего на столе, так ведь и едоков более двух десятков, считая и караульных, выставленных в сторону дороги и леса, так что досталось всем по паре картофеля, по пол-лепешки, по кусочку сала и понемногу всего остального.

Хотя люди были голодны, ели, однако, степенно, подбирая со стола каждую крошку. Вот только картошку чистили кое-как, без той тщательности, с какой это делалось когда-то, в невероятно далекие времена.

Наесться не наелись, но большего пока не было. Теперь в том же чугушке допревала в печи каша из полумолотой пшеницы.

– А ведь на охрану напал всего один человек, – сказал боцман Курылев, макая картофелину в крупную соль. – Я видел его на крыше сарая. Ловок, однако.

– Жаль, что мы оружие никакое не взяли, – произнес старший матрос Гвоздихин. – А там оно было.

– Кто взял, а кто ушами прохлопал, – усмехнулся боцман. – После драки-то кулаками махать – ума не надо. – И добавил уверенно: – Ничего, раздобудем.

Большая часть взвода спать устроилась в сенном сарае. Несколько человек легли в горнице на лавках. Среди них и Пивоваров. Возле печки тихо возилась хозяйка, успокоительно поскрипывали под ее ногами половицы. Под этот скрип он уснул, и ему приснилась жена на берегу моря, под соснами, вся в золотых пятнах солнечного света, и девочки его в розовых трусиках, с прилипшим к телу песком...

Его сон прервал боцман:

– Товарищ капитан второго ранга! Проснитесь!

Пивоваров открыл глаза, сел.

– Что случилось?

– Баба с мальчишкой пропали.

– Как пропали?

– А вот так: нет нигде. Сбежали.

– А караульные?

– Говорят, не спали. Врут, поди.

– Поднимай людей.

На столе лежали буханки хлеба, стоял чугунок с еще теплой кашей.

Каждому выдали по буханке, по большой деревянной ложке каши, по кусочку сала, найденного в погребе. Кто принимал кашу прямо в горсть, кто разжился хозяйской миской, кто в капустный лист. Побег хозяйки с мальчишкой снял запрет на чужое, и каждый брал то, что считал нужным: топоры, вилы, ножи, с грядки всякую зелень. Боцман раздобыл пару сапог и ботинок. Ни то, ни другое на Пивоварова не нашлось. Зато нашлось на боцмана и еще на одного из матросов. Искали оружие – не нашли. Зато нашли трехверстную карту района – до самого Каунаса.

Километра два почти бегом прошли по дороге в сторону Арегады, затем свернули в лес на узкую тропу, ведущую к реке Дубисе. Через полчаса Пивоварова, идущего во главе цепочки, догнал Одноухов.

– Товарищ капитан, товарищ боцман велели сказать, что как только мы свернули в лес, так со стороны города прошла колонна из двух грузовиков с немецкими солдатами и броневика. Вот. – И уставился на Пивоварова своими большими телячьими глазами.

– Передай боцману, чтобы догонял нас, – велел Пивоваров. – Пока не догоните, мы будем идти по этой тропе. А там видно будет. И еще скажи, чтобы не стрелял. Ступай, Тишка, ступай.

– Есть, товарищ капитан второго ранга, – вытянулся красноармеец Одноухов, и Пивоваров подумал, что ему, Одноухову, все это кажется игрой, приключением, и его, Пивоварова, задача теперь состоит в том, чтобы спасти этого парня и всех остальных. Ну и себя самого. По возможности. И вывести к своим.

«Значит, так, – рассуждал на ходу Пивоваров. – Полчаса немцам, чтобы добраться до лесничества и установить, что там никого нет. Еще примерно столько же, чтобы встать на наш след. Если учесть, что их поведет знаток этих мест, то не исключено, что они не погонятся за нами след в след, а постараются перехватить где-нибудь на полпути. Что делать? Остается уповать на Всевышнего. Если ему есть до нас дело».

Глава 17

К полудню сзади слышался далекий лай собак. Пивоваров, и сам уставший до крайности, ускорил шаг, поторопил беглецов:

– Наддай, ребята! Наддай!

А сам думал: «Надо рассеиваться. По одному, по два. Хоть кто-то да вырвется».

Сзади с хрипом дышали люди. Догнал боцман. Заговорил, захлебываясь словами:

– Разрешите остаться, товарищ ка... капитан второго ра... ранга? Хоть малость, да задержу.

Пивоваров остановился. Остановились и все остальные. Сбились в кучу, смотрели на командира с надеждой. А он привлек к себе на мгновение боцмана, хрипло выдохнул:

– Оставайтесь, Иван Емельянович. Постарайтесь остаться живым.

– Прощайте, товарищ капитан второго ранга, – произнес боцман Курылев, затем подошел к каждому из своих бывших матросов, каждого обнял, обнял Одноухова, отступил на несколько шагов, поклонился в пояс остальным: – Прощайте, братцы! – и, повернувшись, быстро зашагал навстречу собачьему лаю.

Едва он отошел шагов на тридцать, сорвался с места Одноухов и, ни слова не говоря, кинулся догонять боцмана. Пивоваров хотел было остановить парня, но передумал: никто не знает, где ждет смерть или плен, а где спасение от того и другого.

– Вот что, товарищи, – заговорил Пивоваров, когда боцман и Одноухов скрылись из виду. – Всем уйти не удастся. Боюсь, что одна часть немцев идет по следу, другая объехала нас стороной и поджидает впереди. Давайте расходиться. Часть налево, часть направо. Затем через сто-двести метров расходимся веером. Кто-то вперед, кто-то в сторону, кто-то назад. Авось, кому-то повезет...

Но люди стояли и не уходили.

– Чего вы ждете? Чтобы немцы взяли нас всех разом? От них ни топором, ни вилами не отобьешься.

– Мы понимаем, товарищ командир, – начал пожилой красноармеец, тот, что дал Пивоварову свою гимнастерку. – Но как же так? Шли вместе, а теперь порознь? На людях и смерть красна, а в одиночку-то худо.

– Идите по двое, идите по трое. Но не больше. Нет у нас другого выхода, товарищи дорогие. Нету! – повысил голос Пивоваров. – Приказываю разойтись.

Отошел в левую сторону один, за ним другой, третий. Четвертый свернул направо, туда же сразу несколько человек. Еще минуту некоторые не решались, в какую сторону податься, но затем, махнув рукой, и остальные растворились в чаще леса. Остались одни моряки да интендант третьего ранга Приходько.

Сзади громко ударил выстрел.

– Ну что ж, раз такое дело, нам остается идти только прямо, – сказал Пивоваров: он уже не чувствовал себя вправе командовать этими людьми. Если они решили остаться с ним, это их выбор.

Тропа стала заворачивать влево, то есть уходить на север. Пивоваров остановился, раскрыл карту: по карте выходило, что никакого поворота быть не должно. Видимо, тропа обходит какое-нибудь болотце, а дальше снова повернет на восток. А может быть, он зря распустил людей? Может, немцев впереди нет и не предвидится?

Сзади продолжали стрелять. В основном из винтовок, но иногда протрещит автоматная очередь. На минуту станет тихо, затем снова выстрел и снова стрельба. И с каждой минутой все глуше и глуше, отодвигаясь все дальше и дальше. А потом выстрел – и тишина.

Все стали. Вернее, стал Пивоваров, а за ним остальные. Слушали, но ничто не нарушало живую тишину леса.

Пивоваров тронул рукой спутанные волосы и опустил голову. Интендант третьего ранга снял солдатскую пилотку, двое матросов – раздобытые в лесничестве картузы. Так постояли несколько мгновений, затем пошли дальше.

И вдруг сзади снова выстрел.

– Вот! – обрадовался корабельный сигнальщик Тимохин. – А мы уж и того... – И засмеялся дребезжащим смешком.

Ему никто не ответил, но пошли быстрее. Даже интендант, все время отстающий и догоняющий группу с большим усилием.

Выстрелы не повторились. И каждый подумал, что вот это и был конец боцмана Курылева. И Одноухова, скорее всего, тоже.

Однако собачьего лая не слышно: то ли немцы прекратили преследование, то ли им еще догонять и догонять.

Вскоре стало понятно, почему тропа повернула на север: она обходила небольшое лесное озеро с топкими берегами. Лес начал редеть, пошли тонкие березки да осинки, болотные кочки, осока, камыш, а потом вдруг открылось широкое поле, а на нем два грузовика, броневичок и немцы.

Пивоваров, идущий первым, даже еще и не увидел их, а только услышал что-то враждебное живому говору леса, продолжая двигаться по инерции, а уж потом увидел – и присел от неожиданности. И все присели тоже.

Но их все-таки заметили.

Послышался галдеж, резкие команды, прозвучали первые выстрелы, затем забубнил крупнокалиберный пулемет, и пули стали швырять над головами, срезая ветки и верхушки березок и осин.

Первое побуждение – бежать назад. И они побежали. Только шагов через двести-триста поняли, что назад – это к тем немцам, которые идут сзади. Передние без всякой команды свернули резко на северо-запад. Всё сосны, сосны да застывшие песчаные дюны, покрытые травой, брусникой, черникой, толокнянкой, в иных местах папоротником и густыми зарослями можжевельника.

Лай собак все ближе и ближе. А дышать уже нечем. И ноги поднимать все труднее, и пот заливает глаза. Пивоваров некоторое время бежит сзади, но затем криком останавливает людей и выходит вперед. Не потому, что самый выносливый, а потому, что его место впереди, и никто из матросов больше не решается обогнать капитана второго ранга.

Но уже кто-то начинает отставать. Пропал из виду интендант.

– Рассыпайтесь! – прохрипел на ходу Пивоваров.

Через минуту оглянулся – сзади лишь сигнальщик Тимохин. В руках у него заостренный кол. У самого Пивоварова – железная полоса. Кажется, кто-то в последний момент сунул ее ему в руку.

Еще через какое-то время выскочили на просеку, а там люди в гражданском. С вилами, палками. Увидели Пивоварова с Тимохиным, засвистели, заулюлюкали, побежали навстречу и наперерез, все здоровые, прут по лесу словно лоси – не убежишь.

Пивоваров остановился и повернулся к ним лицом, сжимая в руке почти бесполезную железку. И Тимохин остановился и встал рядом, выставив вперед кол.

Подбежало человек восемь, окружили, но близко не подходят, переговариваются, хохочут. Иногда кто-нибудь сунет вперед вилы, сделает выпад, но не серьезно, а поугагать и поиздеваться.

– Что, коммунисты, набегались? Литовской земли захотели? Царствовать? – заговорил один из них, мордастый, здоровый, с толстой шеей и огромными ручищами, кривя от ненависти и презрения толстые губы. – Вот так мы и вашего Сталина – и на веревку, на веревку...

– Ах ты, сука немецкая! – вскрикнул Тимохин. – Сталина на веревку? – и кинулся с колом наперевес на мордастого, но его ударили по ногам, сбили на землю и стали топтать, бить кольями, а Тимохин все катался по земле, не выпуская из рук своего кола, и все норовил задеть им кого-то, наверное, уж и не видя никого залитыми кровью глазами. Кол выбили у него из рук, потом подошел один в шляпе с черным пером, поднял вилы-тройчатку и, хекнув, всадил их в грудь Тимохину, и колол, колол, пока матрос не затих окончательно.

Только после этого они повернулись к Пивоварову, сидящему спиной к тонкой сосне с искаженным от муки и ненависти лицом: он кинулся на помощь Тимохину, когда того сбили с ног, но его ударили под колена, а потом по голове.

– Комиссар? – спросил все тот же мордастый. – Коммунист?

– Коммунист! Комиссар! – выдохнул Пивоваров, вдруг почувствовав, какого огромного значения тяжестью наполнились в его сознании эти два слова, и еще раз повторил: – И коммунист и комиссар! А вы... вы – фашисты.

– Мы не фашисты, мы – литовцы! – крикнул все тот же мордастый. – Сейчас ты будешь жрать нашу землю. Пока не лопнешь, пока...

Пивоваров оттолкнулся спиной от сосны, пытаясь встать, но его опять ударили по голове – вспышка молнии и чернота.

Очнулся Пивоваров оттого, что на него льют воду. Прямо перед ним, в шаге от его раскинутых ног, стоит немецкий офицер в фуражке с высокой тульей. Увидев, что Пивоваров очнулся, он сделал знак рукой, подошли двое, взяли за руки – за ноги, положили на носилки, понесли.

«Зачем?» – подумал Пивоваров с недоумением и потерял сознание.

Ответ на свой вопрос он получил лишь через несколько часов: немцам нужны были свидетели для выяснения обстоятельств побега пленных, потому что охрана путалась, уверяя, что на них напало не меньше взвода вооруженных русских. Пивоваров оказался одним из немногих оставшихся в живых, кого немцам удалось захватить и вырвать из рук озверевших добровольцев из местных литовцев, участвовавших в облаве. Однако он и сам не знал, сколько человек напало на охрану и кто были эти люди. Все произошло так быстро, а взрывы и выстрелы оказались столь неожиданными для пленных, что первым и единственным их побуждением было бежать, бежать как можно скорее и без оглядки. А кто нападал и сколько их было, это пришло потом, однако никого из нападавших среди тех, кто уехал на машинах, не оказалось.

Ясно одно: нападавших было немного, и они не захотели почему-то смешиваться с пленными.

Секрета в этих своих сведениях Пивоваров не видел, поэтому на вопросы немецкого офицера, молодого и весьма симпатичного, допрашивавшего его на месте происшествия, отвечал так, как оно, это происшествие, ему представлялось. И о своем пленении тоже, скрыв лишь свое настоящее имя и звание. Объяснить себе, зачем он это сделал, Пивоваров даже не пытался, а как тогда решили, за кого он себя выдаст, так он и поступал. Может, о нем будут спрашивать кого-нибудь из матросов погибшего сторожевика, не сумевшего уйти от преследователей, и получится, что кто-то из них двоих врет, а это совсем ни к чему, потому что ложь эта может ухудшить обстоятельства для того матроса, и виноват будет именно Пивоваров.

Капитан второго ранга еще не вполне осознал, что такое немецкий плен: его представление о немцах оставалось в другом плену, то есть в плену того, что немцы – культурная и революционная по существу своему нация, давшая миру Маркса и Энгельса, Гегеля и Гёте,

Вагнера и Баха, что в тайне большинство из немцев относится к Советскому Союзу с симпатией, потому что это большинство состоит из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, следовательно, и к нему, Пивоварову, тоже. Его задача – находить с ними общий язык, завоевать доверие и укрепить эту их симпатию, а там... там будет видно. И вообще все это ненадолго: вот подтянутся резервы, Красная армия нанесет ответный удар – и этот симпатичный офицер, который допрашивает сейчас Пивоварова, первым протянет ему руку и... и война закончится разложением немецкой армии, революцией и падением гитлеровского режима.

Пивоваров мог бы даже сказать этому немцу, что он в эту минуту думает о нем и о войне, о неизбежных ее последствиях, но рядом сидел за столом другой офицер, одетый в черную форму, со свастикой на рукаве и с черепами. Помнится, их, командиров флотилии сторожевых кораблей, знакомили на одном из политзанятий с организационной структурой немецкой армии и говорили, что черная форма – это форма эсэсовцев и гестаповцев, убежденных фашистов и заклятых врагов коммунизма и пролетарского интернационализма. Раскрываться перед этим гестаповцем не имело никакого смысла.

– Это есть хорошо, что ви иметь говорить правда, – говорил немец, рассматривая Пивоварова почти немигающими холодными глазами. – Ви есть понимать, что поступил глупо, имея желание бегать от плен, как... как... э-э... маленьки кролик. Еще один такой бегать из лагерь, мы будем... шиссен, рас-стрелять. Понимать?

– Да-да, – кивнул головой Пивоваров и покосился на офицера в черном, который начал что-то говорить короткими отрывистыми фразами, в которых Пивоваров разобрал несколько слов, в том числе: офицер и коммунист.

– Ви есть коммунист? – выслушав черного, спросил симпатичный офицер.

– Н-нет, – сказал Пивоваров, не отрывая глаз от лица симпатичного немца. Но тут же ему стало стыдно, что он отказывается перед лицом врага от своей принадлежности к партии, от своего офицерского звания. Однако за несколько дней плена он наслушался всяких историй о том, как немцы расправляются с комиссарами, коммунистами и евреями, а ему хотелось жить, увидеть свою семью и, если доведется, отплатить немцам за потопленный корабль и... и за все, за все.

– Ви есть врать. Это не есть хорошо. Ви не есть похожи на рядовой матрос.

– Я не говорю, что я рядовой матрос. Я – старшина первой статьи. Из резервистов. Призван в конце прошлого года...

– Ми это слышать один раз, – перебил его симпатичный офицер. – Пусть будет так. Это есть ваша совесть – говорить правда или не говорить, – усмехнулся он, как показалось Пивоварову, с презрением. – Можете идти.

Пивоваров встал, покачнулся, – скорее всего, от голода и побоев. Однако выпрямился во весь свой высокий рост, заложил руки за спину и пошел вон из комнаты.

Глава 18

Артемий Дудник заполз в густые заросли крапивы по истоптанной копытами кабаньей тропе и, положив автомат рядом, снял левый сапог, финкой вспорол штанину, пропитанную кровью, ощупал рану. Рана была сквозная, однако пуля не вышла: она прошла через икру наискосок и, то ли на излете, то ли срикошетив, потеряла скорость, застряв на выходе из мышечной массы. Артемий потрогал ее пальцем и поморщился от боли.

Собрав несколько сухих веточек, он поджег их и подержал на огне кончик финского ножа, зацепил им пулю и извлек из раны.

Хлынула кровь.

«Зря это я, – с досадой подумал Артемий. – Надо было сперва наложить жгут». Покряхтывая от боли, он перетянул ногу ниже колена ремнем, подождал, когда перестанет течь кровь, и крепко забинтовал рану бинтом из индивидуального пакета, лег на спину и закрыл глаза.

Стучало в висках. Звенело в ушах. Перед глазами мелькали белые мухи. Тело кружилось, поднималось и падало, но это не было упоительным ощущением свободного полета, а точно его подхватило горячим вихрем и мотало вместе с песком и пылью, вызывая тошноту и ужас перед неизвестностью.

Артемий с трудом разлепил тяжелые веки – постепенно кружение прекратилось, и стебли крапивы вновь замерли над его головой.

Какая досада, что его зацепили – и как раз тогда, когда он меньше всего ожидал этого. «Нельзя быть таким самонадеянным, – вяло шевелилось в мозгу. – В следующий раз...»

И тут до Артемия дошло, что следующего раза может и не быть: найдут и пристрелят, или гангрена, или от потери крови... В любом случае, он не боец. И не ходок. Так не лучше ли пулю в лоб? Чтобы не мучиться и не подвергать себя ненужному риску оказаться в плену. В конце концов, он уже много раз оправдал свое существование в качестве солдата: десятка два фашистов на его счету – это как минимум. А теперь еще и вызволение из плена своих. Сотни две-три – не меньше. Правда, неизвестно, сумеет ли кто из них соединиться с Красной армией, но пытаться они будут и второй раз в плен за здорово живешь не дадутся.

Нога занемела, попытка пошевелить пальцами ни к чему не привела. Дудник сел и отпустил ремень, стягивающий ногу. Тотчас же в ране запульсировала кровь, отдаваясь болью во всем теле, но бинт намок лишь чуть-чуть: следовательно, крупные сосуды не задеты. И то хорошо.

Он попил из фляги воды, снова откинулся на спину. Тянуло в сон. По всему телу разлилась предательская слабость. Казалось, не осталось сил даже пошевелить рукой. Но тут где-то неподалеку треснула ветка – и сна как не бывало. Дудник нашарил автомат, положил себе на грудь, лежал, вслушиваясь в птичьи голоса.

Вокруг него изнывали от жары, испуская удушливый запах, дремучие заросли крапивы, стебли и листья которой опушены ядовитыми нитями. Над этими зарослями высились неряшливые кроны ольхи, увитые диким хмелем, и лохматые копны малины с еще зелеными ягодами. Эти крапивные джунгли прорезал тоннель кабаньей тропы, и люди вряд ли смогут обнаружить его без помощи собак.

На сухой березе, не выдержавшей соревнования с агрессивной ольхой, стучал большой черный дятел желна. В просвете между листьями видно, как он мотает головой в красной шапочке, отщипывая кусочки древесины, как поворачивает голову то одним, то другим боком, прислушиваясь к жизни внутри дерева. Затем начинает стучать снова.

Бурая крапивница с оранжевой грудкой села на сухую веточку дикой смородины, запрокинула головку с крошечным клювом, завела немудреную песенку: фюррите-фюррите-фиррю! Послушала – и опять то же самое.

Зудели комары...

Хруст ветки не повторился. Значит, не человек. Мог быть зверь, – тот же кабан, например, – могла ветка упасть сама по себе. В лесу всегда что-то отмирает и падает. Иногда огромные деревья. Где-то, невидимый, надоедливо подвывал самолет. Это все, что напоминало о войне. Не считая раны. Ни артиллерийской канонады, ни одиночных выстрелов... Ему бы, Дуднику, побежать вместе со всеми, но он решил взять пулемет. И вообще надо было забрать все оружие, какое тут было, а уж потом уходить. Он даже крикнул с крыши:

– Оружие! Оружие заберите!

Но его никто не услышал. Все, как только раздались взрывы гранат, а потом автоматные очереди, кинулись к колючей проволоке и стали выдирать столбы. Только несколько человек бросились под навес, но там было всего два немца, которых Дудник свалил одной очередью. Значит, на всю эту массу людей всего две винтовки. Не густо. А еще он не ожидал, что они рискнут использовать машины. Однако, ловко это у них получилось. И завести умудрились, и набилось под брезент порядочно, но большинство кинулось в лес на своих двоих. И никто не позаботился об оружии. А в доме было по меньшей мере десятка полтора вооруженных солдат и два пулемета.

Конечно, он не мог своими тремя гранатами убить всех немцев, кто находился в помещениях. Ну, в лучшем случае, пять-шесть человек. Остальных оглушил, заставил на время затаиться: сразу ведь и не поймешь, что к чему. Но оставшиеся в живых опомнились довольно быстро, уже через минуту из окон загрели выстрелы, и с десятков замешкавшихся пленных осталось во дворе и на поле, примыкающем к лесу, неподвижными бугорками, припавшими к земле.

Ему бы, Дуднику, тихо спрыгнуть с крыши сарая и незаметно уйти, а он решил наказать стрелявших: бросил в окно свою последнюю гранату и, открыв дверь черного хода, дал очередь из автомата. Впрочем, он ничего не решал, не думал о последствиях, он просто должен был стрелять в немцев, потому что они были рядом и были на его земле.

Только расстреляв рожок своего «шмайсера», Дудник кинулся к лесу, и уже на опушке его настигла пуля. Скорее всего, она ударила в дерево, а от дерева – в ногу. Но это не столь уж и важно. Просто по старой следственной привычке он анализирует случившееся. Пища для ума – не более того.

Хорошо, что за ним не погнались. Иначе бы он не ушел. И плохо, что никого не оказалось рядом из своих. Где-то они теперь мыкаются...

А еще лучше, что Цветана с дочерью далеко отсюда, и, бог даст, война не доберется до их лесной деревушки где-то под Псковом...

Вспомнив жену, Дудник почувствовал знакомую тоску, которая охватывала его всякий раз, когда он начинал о ней думать. Он стиснул зубы и постарался переключиться на что-нибудь другое. Но среди неподвижных стеблей крапивы, куда ни глянь, из листьев, света и теней складывалось задумчивое лицо Цветаны и слышался ее укоризненный шепот.

Артемий четыре дня пролежал в нише под корнями старой сосны. Выбирался лишь по ночам к ручью да по нужде, закапывая свой кал, как делают это звери, чтобы не привлечь внимания к своему логову. На четвертый день спала температура, рана стала затягиваться. Еще через день он покинул свое убежище и двинулся на юго-восток, опираясь при ходьбе на палку, вслушиваясь и вглядываясь в чащу леса.

Под утро, воспользовавшись туманом, Артемий переплыл Неман, толкая впереди себя маленький плотик с оружием и одеждой. Место для переправы выбрал еще днем, долго

наблюдал за противоположным берегом и не заметил ничего подозрительного. Но едва ступил на берег, как на него набросились, оглушили, связали и поволокли. По голосам он догадался, что его взяли литовцы.

Голого, его пригнали на хутор, ввели в дом, положили на пол лицом вниз. Он слышал, как вокруг него ходили мужчины и женщины, даже, похоже, дети, говорили что-то веселое, смеялись. Раз два его больно пнули ногой под ребра, но кто-то прикрикнул властно, и больше не трогали.

Затем послышался шум мотора, вошел кто-то, громко стуча сапогами, сказал что-то по-немецки и вышел.

Дудника подняли, развязали руки, велели одеваться. Одеваясь, он видел, как немец-ефрейтор перебирает вещи из его сидора, как хозяин дома считает деньги, полученные, скорее всего, за него, за Дудника. Это были не советские деньги, но и не немецкие: Артемий немецкие марки видел не раз – их изымали у пойманных контрабандистов.

Потом руки ему связали снова, вывели во двор и впихнули в коляску мотоцикла. Сзади сел здоровенный немец, другой за руль. Поехали. Привезли в какой-то городишко, допросили: кто, что, откуда, где взял немецкое оружие? Дудник ничего не скрывал, кроме своего звания: много чести для них поймать советского подполковника, сержантом обойдутся. А не скрывал потому, что рассчитывал на быструю смерть. А еще на то, что документы, хотя и достались немцам, но это были документы погибших пограничников, на которых он наткнулся на берегу небольшой речушки. Планшет со своими документами он потерял, уходя от преследования после нападения на легковушку с немецкими офицерами. Немцы гнались за ним по пятам, он все время слышал их голоса. Его спас туман. Но он же чуть не погубил его. Ему пришлось перебираться через мелководную речушку, но со многими ямами. Шлепающиеся в воду автоматные пули подгоняли Дудника, не давая оглядеться. Дважды он проваливался с головой в глубокую яму, автомат, гранаты, рожки с патронами, топор и сидор с харчами тянули его вниз, мешая карабкаться по илистому откосу наверх. Задышавшись, и не с первого раза, он все-таки одолел обе ямы, всякий раз замирая, едва голова оказывалась над водой, потихоньку выпуская сквозь стиснутые зубы отработавший воздух и так же бесшумно тоненькой струйкой вдыхая свежий. Но преследователи слишком шумели, чтобы услышать его сдавленное дыхание. Лишь достигнув берега, они по команде замерли, прислушиваясь к тишине. Затем, после обстрела всего, что вызывало подозрение, несколько солдат вошли в воду и сорвались в яму. Крики, возня, шум взбурдаженной воды, мелькание фонарей. А туман все густел, а небо затягивали облака. Дудник не стал ждать, когда все уgomонится, ползком выбрался на берег и стал уходить в ту сторону, где было тихо и будто бы посветлее. Он шел, выставив руки вперед, раздвигая ветви, то пробираясь сквозь чащу, то замирая, прислушиваясь к настороженной тишине. Найдя временный приют под одной из разлапистых елей, он стал приводить себя в порядок и выяснил, что планшета с документами на нем нет. Этот же туман не позволил ему спустя несколько часов найти место, где утонул планшет, утяжеленный его наградным пистолетом, оставшимся без патронов.

Офицер, допрашивавший Дудника, хорошо владел русским языком. Он все пытался поймать пленника на лжи, не веря, что он один рискнул напасть на охрану лагеря, однако, убедившись в правдивости слов пленного, покачал головой и произнес в раздумье:

– Я восхищаюсь вашей солдатской доблестью, сержант. Но она была напрасной: войну вы уже проиграли.

– Рано радуетесь, капитан: вы не знаете русских.

– О! Русских-то я как раз знаю очень хорошо: почти десять лет жил и работал в России по контракту, строил в Донбассе шахты. – И, рассмеявшись: – Даже успел жениться на хохлушке и наплодить троих детей.

– Что ж, не мне разубеждать вас, господин капитан. Но попомните мои слова: ваша самонадеянность дорого вам обойдется.

– О, вы о нас не беспокойтесь! Все рассчитано и подсчитано с немецкой пунктуальностью. И все идет так, как и должно идти.

– Ну что ж, дай бог вашему теляти волка съесть, – усмехнулся Дудник, понимая, что перебрал и из роли сержанта явно выбился. Но немец, похоже, этого не заметил.

– Бог даст, сержант. Бог дает сильному. А Германия сильна как никогда. И у нас есть вождь, которому ваш Сталин не годится даже в подметки. – И пояснил: – Я имею в виду нашего фюрера.

– Вы меня расстреляете? – спросил Дудник, чтобы прекратить этот ненужный разговор. – Учтите: при первой же возможности я убегу.

– Зачем? Нет, не расстреляем. Я хочу, чтобы вы, сержант, дожили до нашей победы и убедились в справедливости моих слов и в тщетности вашей борьбы с нами. Я отправлю вас в лагерь для военнопленных. Надеюсь, вас не застрелят при попытке к бегству и мы еще встретимся, когда все это кончится.

В тот же день Артемия вместе с полусотней других пленных отвезли в лагерь.

Так начался для подполковника Дудника плен, то есть то, чего он меньше всего ожидал и больше всего боялся. Он и не предполагал, что плен этот продлится целых три года.

Глава 19

Старший лейтенант Всеношный, благополучно избежав облав, вывел сорок четыре человека к дороге, ведущей к Каунасу. Может быть, именно этим своим маневром он сбил с толку преследователей, полагавших, что беглецам опасно приближаться к дороге, по которой день и ночь идут немецкие войска. Не исключено, что их внимание отвлекли другие беглецы.

Километров двадцать Всеношный вел своих людей параллельно дороге, затем, улучив момент, пересек ее и затаился в овраге среди густых зарослей ольшаника и малины на берегу ручья, впадающего в Неман. Нужно было дать людям отдохнуть и дожждаться ночи. Ночью Всеношный намеревался раздобыть оружие. Он еще не знал, как это сделает, но был уверен, что сделает обязательно.

Едва солнце коснулось верхушки леса, Всеношный послал к дороге наблюдателей, подробно проинструктировав их, как себя вести, чтобы не попасться на глаза немцам, да и местным жителям тоже, проявляющим явную враждебность не только к красноармейцам, но и вообще к русским, и на что надо обращать внимание, имея в виду оружие и продовольствие.

Тихо опускались на лес сумерки, шум моторов на дороге начал стихать, пришел один из наблюдателей, доложил:

– Сперва все машины да танки шли, а потом обозы, велосипедисты и пешие. А пленных не видать. Сейчас напротив нас встала колонна машин с понтонными – какая-то саперная часть. Выставили часовых, ужинают. Вооружение: винтовки, есть ручные пулеметы. Судя по всему, собрались ночевать.

– Сколько машин? Сколько людей?

– Машин двадцать шесть штук. Стоят плотно, одна к другой. Солдат примерно человек сто – по четыре-пять на машину. Шесть офицеров.

– Часовых?

– По одному в начале и конце колонны, один посередине, а с той стороны, со стороны леса, не видно, но, похоже, не больше двух.

Всеношный сам пошел к дороге, залег от нее метрах в двадцати в зарослях папоротника: подбираться ближе – рискованно. Немцы уже поужинали, устраивались на ночлег, в основном под машинами. Но кое-кто в кабинах. Бегали в кусты, но все на ту сторону – под ветер. На обочинах горели костры.

Это была понтонная рота. Всеношный знал немецкий – и потому что отец знал этот язык, и в школе учил, и в университете, и в училище, – да только отсюда не слышно, о чем говорят на шоссе. А очень бы хотелось знать, когда у них намечено движение дальше. Можно разобрать разве что отдельные выкрики, не относящиеся к делу:

– Ганс! Ты штаны забыл застегнуть! Заберутся муравьи, Агнесс уйдет к другому!

– Га-га-га! Хо-хо-хо!

– А тебе, Вилли, и застегивать не надо: все равно там ничего нет!

– Ха-ха-ха! Го-го-го!

Весело им, сволочам.

Через пару часов, когда колонна затихла окончательно и лишь мерцали во тьме догорающие костры, Всеношный вернулся в овраг, собрал командиров взводов и отделений.

– Думаю, атаковать надо часа в три ночи, когда немного развиднеется. Под последней машиной и передней – ручные пулеметы. Далее под седьмой, начиная с конца, тринадцатой и девятнадцатой. Запомните. Всего пулеметов пять. В первую очередь захватывать пулеметы. Выберите людей, кто способен бесшумно подползти к обочине и снять часовых. Начало опе-

рации по сигналу... – Всеношный сложил ладони и прижал ко рту – и в тишине леса прозвучал приглушенный крик неясности: – Ху-гу! Ху-гу! – Так я буду кричать какое-то время, – пояснил он, – чтобы часовые перестали обращать на этот крик внимание. Затем крикну вот так (и это был уже крик встревоженной птицы): – Га-кох-кох-кох! Именно по этому сигналу одни бросаются на часовых, другие к пулеметам. На каждый пулемет – не менее двух человек. Не забудьте о патронах. Те, кто захватил пулемет, залегают в кювет, держа под прицелом колонну. Следующие вырубают спящих. Забирают оружие и тоже в кювет. Распределяемся вдоль колонны таким образом: тринадцать машин – первый взвод, тринадцать – второй, чтобы охватить колонну целиком. В случае, если в каком-то месте поднимется шум, атаковать открыто намеченные машины, используя захваченное оружие и все, что у кого есть. В нашем распоряжении не более двадцати секунд, пока будет действовать фактор внезапности и растерянности. Командиры отделений отвечают за свой сектор из четырех или пяти машин. Чтобы не перестреляли друг друга. Предварительно назначить людей, которые должны либо проткнуть бак с горючим у машин, либо прострелить и поджечь. Как только загораются машины, все отходят к лесу. Раненых выносить. Пулеметчики расстреливают оставшихся в живых фашистов. Собираемся к хвосту колонны, переходим дорогу и движемся вдоль дороги в обратную сторону...

– Почему в обратную? – удивился лейтенант Головня.

– Интуиция, – усмехнулся в темноте старший лейтенант Всеношный. И пояснил: – Немец как рассуждает? Раз окруженцы, значит, пойдут на восток. Ну, а если найдется среди них кто поумнее, тогда... Да, вот еще что: командирам взводов в бой вступать лишь в крайнем случае: все видеть, все слышать и руководить. А теперь поднимаем людей и распределяем их по машинам. Все ясно?

– Я-ясно, – прозвучал чей-то хриловатый голос.

– Это не ответ: не слышу уверенности. А без уверенности нечего браться за дело.

– Ясно, товарищ старший лейтенант! – повторил тот же голос, но уже в другой тональности. – Со сна это у меня.

– Ну то-то же. Довести задачу до каждого бойца. До полной ясности. Чтобы не было ни суеты, ни медлительности. В этом залог успеха. Иначе нас перестреляют, как кроликов.

На небе меркли звезды, рдело одинокое облако, за которое зацепился узкий серп месяца. Лес плавал в тумане, туман из него полз на дорогу, обволакивая горбатые силуэты машин. Покашливали от предутренней свежести часовые, топчась на обочинах. Из-под машин слышался разноголосый храп. Где-то неподалеку, в таинственной черноте леса, монотонно ухала то ли сова, то ли еще какая-то птица. Часовые прислушивались, поглядывали на восток, торопя солнце.

Хрустнула в тумане ветка. Совсем близко.

– Вэр ист да? – тихо спрашивает часовой, вглядываясь в темноту: он не уверен, что там скрывается опасность, еще меньше ему хочется терпеть потом насмешки от своих товарищей, если он разбудит их громким и неоправданным криком.

Да и откуда здесь русские? Одни перебиты, другие в плену, немецкие войска уже далеко за Каунасом, при этом все мосты целехоньки, ни один из них русские не успели взорвать, поэтому понтонная рота движется в глубоком тылу, то и дело застревая в гуще армейских обозов, практически в полной безопасности. Вот так же двигались по Бельгии и Франции, среди цветущих садов, нетронутых войной городов, с открытыми магазинами, кафе и ресторанами. И здесь, в России, надо думать, будет то же самое. Потому что лишь безумцы и фанатики могут сопротивляться немецкой армии, покорившей всю Европу. Югославы и греки попробовали – и захлебнулись собственной кровью.

Ползет туман, ухает сова. С запада, со стороны Пруссии, наплывает густой гул летящих самолетов.

Часовой поправил на плече винтовку, пошел вдоль машин.

Сова вдали вскрикнула и будто завохтала.

Хрустнул гравий на обочине: наверняка кто-то проснулся по нужде. Удар по голове, вспышка света – и глухая тьма.

Хруст, шорохи, хриплое дыхание, глухие удары, испуганные вскрики, хрипы, приглушенные ругательства... выстрел, другой, очередь из пулемета, взрыв гранаты, вспышка света, еще и еще... мелькают тени, отрывистые команды на немецком, на русском... Пожар все разрастается, рвутся баки с бензином, жуткие крики обожженных людей, густые пулеметные очереди – кошмар, от которого можно сойти с ума.

На другую ночь старший лейтенант Всеношный со своим отрядом, в котором осталось тридцать девять человек, вплавь переправился через Неман. Пятерых вынесли из огня и похоронили в лесу. Двоих раненых несли на импровизированных носилках. Зато все были вооружены винтовками, а добытые в ночной схватке четыре пулемета давали уверенность, что даром свои жизни они не отдадут.

Всеношный вел свой отряд в Беловежскую пушу, в Белоруссию, где надеялся найти опору среди родных не только по крови, но и по духу людей.

Глава 20

Сталин вызвал начальника Генштаба Красной армии генерала Жукова в Кремль во второй половине дня 22 июня.

– Вы служили в Киевском военном округе, – заговорил он, неторопливо расхаживая по кабинету. – Вы знаете тамошние условия. Немцы, судя по всему, основной удар наносят именно там. На других направлениях, в том числе и в центре, отвлекающие. К сожалению, у командующего фронтом Кирпоноса слишком мал опыт управления большими массами войск. Летите в Киев, оттуда в штаб фронта, помогите Кирпоносу отразить удар немцев и нанести им поражение. Если вам удастся это сделать, противник ослабит давление в других местах.

– А как же Генштаб, товарищ Сталин?

– Мы как-нибудь обойдемся здесь и без вас. Не теряйте времени, вылетайте сейчас же! – с раздражением ответил Сталин.

* * *

До Киева Жуков летел самолетом. Солнце висело по левому борту, протягивая в иллюминаторы желтые пальцы. Внизу белыми клочками ваты появлялись и пропадали редкие облака. От них на далекой земле лежали темные тени, укрывающие то кусок леса, то часть реки, то нежно-зеленый лоскут зреющего жита, то сгрудившиеся среди полей и лесов серые коробочки какой-нибудь деревеньки, очень похожие на ту, в которой он родился и провел первые годы своей жизни.

Но Жуков видел и не видел то, что проплывало внизу и по сторонам: он мысленно вглядывался в карту западной части страны, переваривая в голове последние сообщения с фронтов. Более-менее ясным положение казалось на Южном фронте и Юго-Западном. На Южном во многих местах противник либо был отброшен на исходные позиции, либо продвинулся вперед весьма незначительно. Скорее всего южное направление не самое главное. К тому же, командование Южного фронта успело подготовиться. На Юго-Западном немцы основной удар, судя по всему, наносят на Житомирском направлении. Что касается Западного и Северо-Западного фронтов, то картина здесь представляется не отчетливо, однако тот факт, что связь с войсками практически отсутствует, говорит либо об очень сильном ударе немцев, либо о полной растерянности командования этих фронтов, либо о том и другом, вместе взятом.

«Может быть, Сталин и прав, послав меня на Юго-Западный фронт, – думал Жуков, прикрыв глаза и надвинув на них фуражку. – Действительно, у Кирпоноса мало опыта. Да чего там! У всех у нас опыта не так уж много. Более того, минувший опыт часто мешает понять современный характер войны. Отсюда растерянность некоторых командующих. И многое другое».

Думая так, Жуков еще не представлял себе всей картины развернувшихся на западных границах событий. Но на основе того, что ему было известно из противоречивых и весьма неполных сообщений с мест, он приходил к выводу, что немцы повторяют свой удачный опыт войны против западной коалиции. Действительно, незачем менять стратегию, если предыдущий опыт дал такие превосходные результаты. Отсюда вывод: необходимо сконцентрировать бронетанковые соединения Красной армии на определенных направлениях для нанесения фланговых ударов по зарвавшемуся противнику, отсечь немецкие ударные группировки от основных войск и баз снабжения, уничтожить их по частям, затем сразу же перейти в наступление всеми силами и, охватывая эти группировки, разгромить их, перенеся

военные действия на территорию агрессора. И все директивы Генерального штаба, которые он подписал за первые часы войны, отражали эту необходимость, понятную даже командиру батальона. Но директивы почему-то не выполняются, или выполняются частично.

О переходе к обороне Жуков даже не помышлял. Какая к черту оборона, когда в распоряжении командующих фронтами тысячи танков и самолетов, артиллерийских стволов и миллионы бойцов! Это такая сила, перед которой не устоит никто! Даже если расходовать ее не слишком умело и экономно.

Вот он прилетит сейчас в штаб Юго-Западного фронта, разберется в создавшемся положении, организует мощные контрудары механизированными корпусами. Именно мощные. Потому что у Юго-Западного фронта одной бронетехники около шести тысяч единиц. В том числе новейших танков КВ и Т-34 более четырехсот. Если всем этим грамотно распорядиться, от немцев мало что останется. То же самое и с авиацией. Даже если немцы какую-то часть уничтожили на аэродромах, ядро все равно осталось и может противостоять противнику. Тем более что немцы не могут задействовать на советско-германском фронте всю свою авиацию: значительная часть ее действует против Англии. Может быть, даже большая часть.

Главное – разобраться и заставить войсковых командиров действовать четко и слаженно. В себе Жуков был уверен.

Он снова посмотрел в иллюминатор самолета. Внизу медленно проплывали лесные массивы, синие жилки рек и речушек, уходящие за горизонт, а между ними поля кое-где уже желтеющих хлебов, цветущего подсолнечника. Вот открылась нитка железной дороги, виден ползущий по ней поезд, от паровоза тянется белый дым, будто ему и дела нет ни до какой войны. Или вот завиднелся в зелени садов небольшой городок. Там, внизу, уже наверняка знают о начавшейся войне, но сверху ничто на эти знания не указывает: так все выглядит мирно и неподвижно, точно ничего не случилось.

А давно ли он летел из Монголии – и все было то же самое. Его еще тогда поразило это удивительное несоответствие между мирной жизнью огромных земных пространств и той тонкой линией, которая называется фронтом, где решается судьба не только его страны, но и многих других стран, где гибнут тысячи людей, уничтожаются плоды многолетнего труда целых поколений.

Теперь к тому, давнему, добавился другой масштаб, новое осмысление, возможность почти мгновенно перенестись из одного образа жизни в другой, из одного состояния в другое. Тонкая линия фронта в его воображении расширилась на сотни километров в ту и другую сторону. И не только за счет авиации.

Поглядывая вниз, Жуков пытался как-то примирить эти картины с тем, что его ждало впереди. Ему, начальнику Генштаба, предстоит осмыслить масштабы военных действий, перевести их в практическую плоскость. Так что окунуться в боевую обстановку в непосредственной близости от фронта будет полезно... Сталин, скорее всего, прав.

Глава 21

На киевском аэродроме Жукова встретил Первый секретарь ЦК КП(б)У Хрущев. Еще с весны сорокового года, когда Жуков командовал Киевским особым военным округом, между ними сложились ровные, хотя исключительно официальные отношения. Встречались они не так уж часто: войска округа Хрущеву не подчинялись, хотя он и нес определенную ответственность за их состояние, а Жуков автоматически становился – в силу своей должности – членом ЦК Украинской компартии, на заседаниях которого ему положено присутствовать и поднимать вопросы, касающиеся армии. Да и округом он командовал недолго. Но Хрущева за эти несколько месяцев узнал хорошо: лукав и жесток, расположен к импровизации, однако линию держит твердо, всех сжал в кулаке и ведет за собой, то есть настоящий партиец, не знающий компромиссов.

– Прет немец, – заговорил Хрущев, пожимая руку Жукову, заглядывая в его пасмурные глаза, стараясь определить по его виду, какое настроение царит в кремлевских кабинетах.

Но Жуков даже бровью не повел на слова Хрущева. Да и что тут скажешь? Сказать пока нечего.

И тот продолжил:

– В Киеве большие разрушения. Противовоздушная оборона очень слабая. Многие военные аэродромы разбомблены немецкими самолетами в первые же часы. Не хватает даже винтовок. Но ЦК и я лично делаем все, чтобы нормализовать положение, мобилизовать все силы для отпора врагу.

Для Жукова сообщение о разбомбленных аэродромах было новостью, хотя атака на них ожидалась. Значит, указание на рассредоточение и укрытие авиации так и не дошло до исполнителей.

– Товарищ Сталин приказал мне и вам срочно отправиться в штаб фронта, – молвил он наконец. – А положение мы выясним на месте.

– О приказе товарища Сталина мне известно. Но самолетом не получится, Георгий Константинович, – запротестовал Хрущев. – Немцы гоняются за всеми транспортными самолетами. Даже за одиночными машинами на дорогах. Но на машинах все-таки надежнее.

– Хорошо, поедem на машинах.

Два часа назад Хрущеву позвонил Сталин и сообщил о тех организационных мероприятиях, которые вытекают из перехода страны на военное положение. Было сказано и о возложенной на Жукова, вылетевшего на Украину, миссии и о том, что Хрущев назначается членом Военного совета Юго-Западного фронта, то есть в военном отношении подчиняется Жукову. И даже Кирпоносу. Что, наконец, Хрущев обязан постоянно докладывать в Москву обо всех изменениях военной и политической ситуации на Украине и предпринимаемых шагах как со стороны гражданских властей, так и военного командования сообразно обстановке.

В Тернополь, где размещался штаб Юго-Западного фронта, Жуков и Хрущев приехали около двенадцати часов ночи. Под бомбежку не попали ни разу, но следы бомбежек видели вдоль всей дороги. И всю дорогу их сопровождали пожары, далекие и близкие, тянущиеся навстречу вереницы беженцев, и чем дальше, тем поток их становился гуще.

– Тикает народ, – с досадой произнес Хрущев. – Еще немцев не видно, а уже паника, всякие слухи, вот и тикают. И все больше евреи...

И опять Жуков промолчал. Да, бегут. И в Первую мировую он видел на дорогах беженцев, и тоже евреи почему-то составляли большинство, и ничего не изменилось за эти годы:

народ бежит от неизвестности, от мнимых и действительных опасностей. Не все, конечно. Если бы все, дороги стали непроезжими.

В штабе фронта, между тем, никакой суеты заметно не было. Как раз к этому времени сюда поступила директива за номером три, требующая от командования фронтом «...прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин, силами Пятой и Шестой армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир Волинский, Крыстынополь, и к исходу 24.6 овладеть районом Люблин...»

Командующий фронтом Кирпонос, начальник штаба Пуркаев и член военного совета фронта Вашугин, собравшиеся вокруг стола с лежащими на нем картами, решали, как им исполнить эту директиву.

Жуков выслушал отчет Кирпоноса о положении на фронте – положение выглядело неясным. Затем прочитал директиву, составленную в Генштабе уже после его отбытия из Москвы. Директива в принципе верная, ее, разумеется, надо выполнять, другое дело, какие силы для этого существуют в наличии, имея в виду, что названные в директиве армии уже дерутся с врагом и пока о наступлении не помышляют.

После короткого совещания было решено нанести удар тремя механизированными корпусами. Правда, корпуса эти еще в пути, движутся своим ходом по разным дорогам, растянувшись на десятки километров, но других сил поблизости нет.

– Надо потребовать от командиров корпусов, – заговорил Жуков в своей жесткой манере, не терпящей никаких возражений, – чтобы они ускорили движение и, сосредоточившись к завтрашнему утру вот в этом и этом районе, обрушили на немцев всю свою бронированную мощь.

– Они не успеют подойти к этому времени, Георгий Константинович, – робко возразил Пуркаев. – Дай бог, как говорится, чтобы успели к двадцать четвертому. Лишь восьмой корпус в настоящее время выходит к месту сосредоточения, но из-за поломок техники и отставания рембазы еще не готов вступить в бой в полном составе. К тому же надо провести разведку, рекогносцировку местности, подтянуть тылы...

– Мы не на учениях и противник не ждет, пока мы соберемся! – оборвал Пуркаева Жуков. – У меня в Монголии танковая бригада без всякой разведки и рекогносцировки сходу вступила в бой и так долбанула япошек, что от них только пух и перья полетели. Разведку и рекогносцировку провести силами, имеющимися в распоряжении штаба фронта, чтобы внести полную ясность для командования корпусов. Используйте для этих целей авиацию. Без решительного удара по немецкой ударной группировке, наступающей севернее Львова по линии Луцк – Ровно – Новоград Волинский в сторону Киева, мы положения не изменим. Надо отсечь немецкий клин от основных сил и разгромить. Подтягивайте корпуса, а я поеду в Восьмой корпус. Разберусь на месте.

* * *

Место сосредоточения Восьмого мехкорпуса определено севернее города Броды. Чем ближе машина Жукова подъезжала к Бродам, тем гуще колонны танков, а над лесом и колосящимися полями пшеницы сплошной пеленой висит дым от моторов и пыль, поднимаемая сотнями гусениц и колес.

«Экая силища», – думал Жуков, глядя на проплывающие мимо танки, каких у него не было при Халхин-Голе.

По дороге катили, тяжело подминая землю широкими траками, двухбашенные пятидесятитонные Т-35, с тремя пушками и пятью пулеметами, с экипажем из десяти человек; новейшие КВ с вытянутыми башнями и изящные Т-34 со скошенными бортами. Но больше всего было колесно-гусеничных быстроходных танков БТ-7 с бочкообразными башнями и весьма тонкой броней. Эти танки были рассчитаны на европейские дороги, по которым можно катить на обрезиненных колесах со снятыми гусеницами, устремляясь на выручку пролетариата, который обязательно восстанет, как только начнется Вторая мировая война. Увы, о восстаниях пока ничего не слышно, ждать их не приходится, воевать же надо сегодня, сейчас. И не в Европе, а на своей территории.

Восьмой мехкорпус – самый боеспособный мехкорпус на Украине. Да и во всей Красной армии. В его составе около девятистот танков, сотни орудий и минометов. Вот только зениток нет. Об этом как-то не подумали в свое время. Теперь близок локоток, да не укусишь. Но самое неприятное – по всему пути стоят на обочинах танки. В моторах одних ковыряются сами танкисты, другие стоят, не поймешь почему, точно брошенные экипажами.

Остановились возле «тридцатьчетверки».

– Почему стоите? – спросил адъютант Жукова, приоткрыв дверь машины.

– Сцепление полетело, – ответил молодой танкист в черном комбинизоне без знаков различия.

– А где ремлетучки?

– А черт их знает, где они, – сердито ответил другой танкист, постарше. И пояснил: – Неделию назад услали на сборы... квалификацию повышать. Видать, еще не повысили, едри их в корень.

Адъютант вопросительно глянул на Жукова, тот повел головой, произнес:

– Поехали! И так все ясно.

Ясно было, что при такой организации ни о каком наступлении с решительными силами думать нечего. Танки пройдут еще сто-сто пятьдесят километров и встанут, израсходовав горючее. И подвезти его сразу не удастся: дороги забиты теми же танками. Однако стоять на месте и ждать, когда будет наведен порядок, тоже нельзя. Следовательно, порядок придется наводить в процессе движения.

Занимался рассвет.

В штабе корпуса, раскинувшего свои палатки между деревьями на опушке дубравы, Жуков застал все командование во главе с генералом Рябышевым.

– Товарищ генерал армии, Восьмой мехкорпус сосредоточивается в указанном районе для дальнейших действий, – доложил Рябышев.

– И какие действия вы собираетесь предпринять? – проскрипел Жуков, с неодобрением глядя на коренастую фигуру генерала в танковом комбинезоне.

– Атакующие, товарищ генерал армии.

– Показывайте, откуда, куда и когда.

– Корпус сосредоточивается здесь, здесь и здесь, – показывал Рябышев на карте. – Общее направление атаки – на Берестечко.

– Не атаки, а наступления, – поправил Жуков.

– Так точно! Именно наступления, товарищ генерал армии. Корпус будет готов к наступлению к утру 24 июня. За это время подтянутся дивизии, мы приведем в порядок материальную часть и проведем разведку местности и сил противника.

– Что ж, двадцать четвертого так двадцать четвертого. И свяжитесь с нашей авиацией. Имейте в виду, что вы столкнетесь с очень сильным противником, так что на легкую победу не рассчитывайте. И не сбивайтесь в кучу, не упрощайте немецкой авиации работу.

– А мы и не рассчитываем. И не сбиваемся. Идем в основном ночью... – обиделся Рябышев. И тут же посетовал: – До этого, товарищ генерал армии, все перемещения в кор-

пусе совершали не более чем в масштабе одного полка. А тут, сами понимаете, такая махина. Пригодных дорог всего две-три, большинство мостов для прохода тяжелой техники непригодно. Рембаза, соперные подразделения плетутся в хвосте. Появится необходимость дозаправки горючим, пополнения боезапаса, я уж не говорю о продовольственном обеспечении, возникнут проблемы. Да и связь барахлит...

– Так решайте же эти ваши проблемы, черт вас побери! – вскипел Жуков. – Вы – командующий корпусом! Вы обязаны были предусмотреть всё! Всё до мельчайших деталей! В том числе отправку рембаз вперед и сопровождения полков и бригад цистернами с горючим, машинами с огнезапасами. Именно в масштабах корпуса! А вы жалуетесь: того нет, другого. Потребуйте от своих подчиненных выполнения ими своих обязанностей, записанных в уставах и наставлениях! Вплоть до трибунала и расстрела за саботаж и разгильдяйство! Они, видите ли, не проходили... Война! Извольте действовать так, как положено на войне!

– Возду-ух! – раздался тревожный крик и повторился среди деревьев, уходя в глубь леса.

– Легки на помине, – проворчал Жуков. – А у вас и зениток нет. Тоже, небось, учатся где-нибудь стрелять по воробьям? – И, сбавив тон: – Надеюсь, у вас поесть-то хоть найдется? А то от самой Москвы одним чаем кишки прополаскиваю...

Глава 22

Танковый полк под командованием подполковника Трегубова лишь под вечер 23 июня прибыл на место сосредоточения дивизии. Сам подполковник Трегубов, невысокого роста, плотный, со щеточкой усов под носом, модных в ту пору среди командиров технических родов войск, только что вернулся с совещания у командира механизированного корпуса генерал-лейтенанта Рябышева. На совещании – на удивление всех – присутствовал начальник Генерального штаба генерал армии Жуков. Правда, Жуков отмалчивался, но, судя по всему, перед этим накачал корпусное командование так, что оно, это командование в лице Рябышева, излагало задачи без запинки, и все совещание свелось к выслушиванию этих задач и к ответу на вопросы командиров полков, бригад и дивизий. О том, как Жуков может накачивать, подполковник знал не понаслышке: Жуков, будучи командующим округом, дважды приезжал к ним на учения и, если ему что-то не нравилось, в выражениях не стеснялся: чувствовалась унтер-офицерская закуска.

На этот раз Жуков выступил в самом конце.

– Вы располагаете самой мощной техникой на сегодняшний день, – заговорил он скрипучим голосом, чем-то явно недовольный. – Немцы наступают в направлении Киева узким фронтом, имея в авангарде сильную танковую группу и незначительное количество пехоты. Основная масса пехоты тащится сзади. Вряд ли у немцев больше танков, чем в вашем корпусе. Более того, их фланги наверняка имеют слабое прикрытие. Ваша задача состоит в том, чтобы разгромить эту группировку противника, подрезав ее под самое основание. Вы должны действовать решительно и быстро, огнем и гусеницами сметая все на своем пути. Другие мехкорпуса вам помогут. И авиация тоже. Это приказ Верховного командования Красной армии, приказ товарища Сталина. Командование верит, что вы исполните свой долг. – Помолчал, оглядывая командиров, спросил: – Вопросы есть?

– Есть, – встал подполковник Трегубов, пробежав пальцами вдоль ремня. – Мы движемся без прикрытия авиацией. Зениток тоже нет. Для танков КВ-2 нет бронебойных снарядов...

– И что прикажете – стоять и ждать, когда появятся авиация, зенитки, снаряды? – вскипел Жуков, оборвав подполковника Трегубова. – Враг напал неожиданно, вероломно. Не всё успели подготовить, учесть. В ближайшее время будут и самолеты, и зенитки, и снаряды. Все будет. А пока надо воевать тем, что есть... – Помолчал, раздумывая. – Что касается бронебойных снарядов, то можно использовать бетонобойные. Еще вопросы будут?

Еще вопросов не было.

Конечно, у подполковника Трегубова были еще вопросы, но он пожалел, что задал и этот. А хотел бы он знать, почему, например, у них, командиров полков, нет точных карт местности, на которой им придется сражаться? Были и еще вопросы, на которые может ответить только генерал армии Жуков, и главный из них, почему нападение фашистов оказалось неожиданным? Но подполковник рассудил: если бы сам Жуков знал ответы на все вопросы, то не было бы нужды у командира танкового полка их задавать. Тем более что бетонобойными снарядами танки КВ-2 стрелять не приспособлены, потому что при стрельбе бетонобойными отдача настолько сильная, что летит опорный подшипник, на котором вращается башня. А начальник Генштаба этого не знает. Возможно, ему и не нужно этого знать, тогда откуда такая уверенность, что бронебойные снаряды можно заменять бетонобойными? А может, генерал Жуков не знает и чего-то еще, более существенного, чем снаряды?

Получив дополнительные указания от командира дивизии, Трегубов вернулся в свой полк, который на трехсоткилометровом марше потерял не менее четверти боевых единиц из-за различных поломок и которому теперь предстоит двигаться дальше в авангарде дивизии.

Полк стоял в лесу около речки. Танкисты купались, стирали свои пропыленные комбинезоны. Со всех сторон слышалась веселая переключка молодых голосов, смех, где-то звучала гармошка. Там и сям механики-водители ковырялись в моторах. Мальчишки из ближайшего села, белые мазанки которого и церковь виднелись на взгорке среди садов, с изумлением и восторгом глазели на танки. Девчата, грызя подсолнух, кокетничали с танкистами, взвизгивали от переполнявших чувств. Так всегда было во время маневров, считалось, что это сближает армию с народом. О том, что идет война, никто, похоже, не думал и на самолеты, пролетающие на большой высоте, уже не обращал внимания.

Трегубов вызвал командира разведроты старшего лейтенанта Вологжина, спросил:

– Все добрались до места?

– Никак нет, товарищ подполковник, – ответил тот. – Одна танкетка отстала по причине неисправности в моторе, и два мотоцикла. Надеюсь, что догонят.

– Ладно, с тем, что имеешь, разведку вести можно.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Твоя задача, Вологжин, пройти со своей ротой до соприкосновения с противником. Скорее всего, ты встретишься с такой же разведкой. Или авангардом. Думаю, что это произойдет вот здесь, – ткнул Трегубов пальцем в черный кружочек, обозначающий село не то Лопатинка, не то Лопатино, оказавшееся на сгибе выцветшей карты. Действуй по обстоятельствам. Как только определишься, сразу же вышли связного на мотоцикле. – И, посмотрев на разведчика сузившимися глазами, добавил: – У тебя впереди вечер и ночь. Не зарывайся. Если встретишь противника, в открытый бой не вступай. При случае добудь языка. Если ситуация осложнится, пустишь три ракеты: две красные, одну зеленую. – Спросил: – Все ясно?

– Так точно, товарищ подполковник! – щелкнул каблуками молодцеватый старший лейтенант Вологжин. – Разрешите выполнять?

– Выполняй.

И Вологжин поспешил к своей роты.

А подполковник Трегубов обернулся к своему начальнику штаба майору Гаврилову, спросил:

– От летчиков ничего, Алексей Потапыч?

– Ничего, Арсений Игнатьевич, – ответил Гаврилов. И пояснил: – Связь ни к черту.

«У нас всегда что-нибудь обязательно ни к черту!» – подумал Трегубов, но вслух сказал совсем другое:

– Нам самое главное успеть захватить мосты через Стырь.

– Вы полагаете, что там нет наших войск?

– Рассчитывать надо на худшее.

А про себя подумал: «Были бы войска, не появился бы здесь сам начштаба Жуков. Знать, хреновые у нас дела».

Глава 23

Разведывательная рота старшего лейтенанта Вологжина имела в своем составе два легких разведывательных танка Т-70, вооруженных пулеметами и пушками калибра 45 мм, три бронемашины с пулеметами и одиннадцать мотоциклов с коляской. И тоже с пулеметами. Впереди колонны катили мотоциклисты, за ними танки и бронемашины. Сам старший лейтенант стоял в открытом люке башни переднего танка. В кармане крышки люка покоились красные, желтые и белые флажки для подачи команд. Раций не было. Рации имелись только на самых новых танках БТ-7М, КВ и Т-34. И то лишь у командиров рот и выше. В роте Вологжина таких танков нет, зато бойцы опытные, на учебных полигонах не одну сотню километров исколесили, дело свое знают, рация им до сих пор была без особой надобности. Но теперь, когда впереди полная неизвестность, рация бы не помешала. Хотя бы для связи с командованием.

Пыльная дорога вьется между полями пшеницы, кукурузы, подсолнечника, буряков. Или потянутся по сторонам яблоневые и грушевые сады, а между деревьями ульи, пчелы носятся, повыше ласточки, еще выше кружат коршуны. Небо чистое, голубое-голубое. Слева красное солнце висит над далекими холмами, справа бледная луна застенчиво смотрит на старшего лейтенанта будто сквозь кисейною занавеску, напоминая о доме, жене, детях. Рокочут моторы, но и сквозь их рокот слышны далекие раскаты, похожие на раскаты грома. Бои идут где-то севернее.

Миновали одно небольшое село, другое, третье... Белые хатки, плетни, вишни и яблони, усыпанные еще незрелыми плодами, пригорюнившиеся бабы возле калиток, угрюмые старики, мальчишки бегут впереди, поднимая пыль босыми ногами, собаки кидаются под гусеницы и колеса. Мычат коровы, блеют овцы, возвращающиеся с пастбищ. Уже и стрельбы не слышать, будто война закончилась, так и не начавшись. Все как и неделю назад. Только тогда через села проходили с учений и на учения, а теперь...

Если верить карте, село Лопатинка – это еще три-четыре версты. Стемнеть как следует не успеет. Из Лопатинки он выйдет вперед дозоры, а ранним утром...

Вологжин не успел додумать свои несложные мысли, как навстречу в клубах пыли вымахала бричка, запряженная парой лошадей, а в ней стоит парень в белой рубахе навыпуск, крутит в воздухе веревочными вожжами, орет во все горло:

– Рятуйте! Германец близко!

– Как то есть близко? – успел крикнуть Вологжин, но парень его не расслышал, бричка свернула в боковую улочку и скрылась из глаз.

«Может, наши? – подумал Вологжин. – Может, из другой дивизии? А может, провокатор. Откуда тут немцы? Разве что десант?» Но, на всякий случай, сделал отмашку красными флажками, означающую, чтобы приготовились к бою и не зевали. Сзади над башенками замелькали флажки, подтверждающие получение приказа.

Миновали и это село. Минут через десять-пятнадцать стали спускаться в лощину, заросшую камышом, по дну которой извивалась узкая речушка, не шире пяти метров, но явно с топкими берегами. Речушки на карте нет, лощины тоже. Дорога узкая, на ней две брички едва разойдутся. Через речушку деревянный мост. Неизвестно, выдержит ли он технику. И спросить не у кого. На той, более высокой стороне, притаилось село. Среди густой зелени садов видны соломенные крыши хат, высокая колокольня, синяя маковка без креста.

Вологжин шарит по карте глазами – нет на ней никакого села. А те, что есть, значительно дальше. Не карта, а сплошное недоразумение! Не иначе, как вредители ее делали, чтобы ему, старшему лейтенанту Вологжину, затруднить выполнение своего воинского долга. Старший лейтенант отметил на карте приблизительное расположение речушки и

лощины, чтобы доложить командиру полка: у того карта не лучше. А где-то здесь надо будет переправляться.

Тройным звуковым сигналом он остановил колонну, подозвал к себе командира мотоциклетного взвода лейтенанта Козлова.

– Пошли в село троих мотоциклистов. Интервал – десять метров. Пусть пройдут до конца села. Если все тихо, в этом селе остановимся и переночуем. Сам переправься по мосту на ту сторону, в село не входи. Посмотри мост, на что он годен. Мы будем ждать здесь.

Три мотоцикла сорвались с места и покатили вперед. На мосту остановились, лейтенант слез с мотоцикла, походил по мосту, заглянул вниз, выбросил руку вперед, другую вверх, что означало, что мост танкетки и броневики выдержит. Вот мотоциклы тронулись, стали подниматься по дороге вверх, исчезли из виду. За ними двинул весь мотовзвод. Но не успел он достигнуть моста, как вдруг там, в селе, протарахтел пулемет, потом ахнуло несколько взрывов гранат, затрещало уже густо и заухало. Не иначе – бой. Что-то загорелось там, в селе, попер вверх черный дым. Пулеметы так и сажают, несколько раз твякнула пушка – и все стихло.

Старший лейтенант Вологжин шарил биноклем по соломенным крышам и вишенникам – ничего не нашарил, кроме все того же черного дыма, да еще одного, посветлее, поднимающегося за колокольней.

И тут глядь – с той стороны на дорогу выкатывают из гущи садов мотоциклы и прямо к мосту. И фарами светят, хотя еще не так уж и темно. А главное – седоки в них все в касках и, судя по мотоциклам, вроде не наши. Первых видно, а дальше пыль и силуэты – то ли танков, то ли еще чего. Стрелять? А вдруг все-таки...

И тут из-за реки шарахнула очередь из пулемета. Крупнокалиберного. Даже по одному только звуку старший лейтенант догадался: нет, не наши. Немцы!

По всем правилам боя должен он рассредоточить свою роту, но слева кювет и справа кювет же, а за кюветами сплошной стеной высоченные пирамидальные тополя в обхват толщиной. Такие его танкетка без разгону не свалит. Да и с разгону тоже навряд. Разве что КВ. А его мотоциклисты, не достигнув моста, скатились в кюветы, застрекотали ручные пулеметы. И остался старший лейтенант один на один с теми, которые с той стороны речушки. И до них метров триста. Не больше.

Крикнул вниз пулеметчику:

– Погулько, огонь!

Сам нырнул в башню, закрыл за собой люк, открыл замок орудия, сунул снаряд в приемник, затвор – клац, в прицеле показался немецкий бронетранспортер, с него уже сыплются солдаты, прыгают влево и вправо... как же они быстро все делают, сволочи!.. а бронетранспортер катит к мосту, фарами светит, нахал, и наверху пулемет плюется яркими вспышками огня. Вот уже и пули защелкали по броне танка... Вологжин дернул спуск, пушка твякнула, отскочила назад, но он все же успел увидеть, как брызнуло огнем там, где был пулемет, и тут же отвлекся, загоняя в казенник следующий снаряд.

«Врешь! У зайца уши длиннее!» – вспомнил он любимую поговорку своего отца.

А на той стороне уже появился танк, похожий на жука. Он выполз на дорогу, остановился, повел пушкой. Вологжин поймал его в прицел, но в это время рвануло из-под низу – и сразу же едкий дым и огонь затянули сознание старшего лейтенанта...

Очнулся – тянут из танка. Показалось Вологжину, что тянут немцы. А на дворе ночь, хоть глаз коли. И при этом страшная жара... И ни ногой он пошевелить не может, ни рукой. И что же делать? Вот и голова соображает как-то не так – тяжело соображает, точно ей, голове то есть, все равно, что станет с ним, старшим лейтенантом Вологжиным. Тогда он подумал: главное – не показать им, что я живой. А как вытащат из танка, так выхватить пистолет и...

– Товарищ старший лейтенант! – услышал Вологжин чей-то очень знакомый голос и понял, что тянут свои. – Живы, товарищ старший лейтенант?

– Жив, – прохрипел Вологжин, не узнавая своего голоса.

Потом его поволокли. По земле. Он даже чувствовал траву и терпкий запах полыни. А вокруг треск, грохот, дышать трудно, и все та же ночь.

– Где мы? – спросил он.

– Здесь, товарищ старший лейтенант! – ответил голос. И повторил для пущей убедительности: – Здесь мы, здесь. В кювете.

– Свяznego послали? Ракеты... ракеты дали? – вспомнил Вологжин о приказе комполка.

– Нет еще, не успели. Мотоциклисты застряли...

– А где лейтенант Козлов?

– Убит, товарищ старший лейтенант.

– Как – убит? – не понял Вологжин. – А вы кто?

– Сержант Кругликов мы. И механик-водитель Чекухин.

– А остальные?

– Броневушки успели отойти в сады. А танки подбиты. У них там, товарищ старший лейтенант, пушки в садах. У немцев-то. За речкой. Ждали они нас.

– Ув-вууу, – взвыл Вологжин по-волчьи с величайшей досады. – Что ж вы, черти поло-сатые, меня тащите? Надо в полк послать донесение... Они ж не знают, что тут засада, что тут речка...

Но его продолжали молча волочить по земле, и Вологжин понял, что Кругликов и Чекухин знают что-то такое, чего не знает он, командир роты. И замолчал. Затем осторожно пошевелил одной рукой, попытался пошевелить другой – не шевелится. Более того, оттуда, где должна быть рука, стегануло острой болью. То ли от самых пальцев, то ли от плеча. И боль охватила все тело, и тело вновь куда-то провалилось. А вместе с ним и сам Вологжин.

Глава 24

Еще не рассвело, когда Восьмой мехкорпус стал разворачиваться в четыре колонны. На левом фланге вперед двинулся полк подполковника Трегубова. Разведки все не было. Но издали вечером слышались выстрелы пушек и трескотня пулеметов. Потом все стихло. Ничего хорошего эта стрельба и последовавшая за ней тишина не предвещали. Затем взлетели вверх, но совсем невысоко, три ракеты: две красные, одна зеленая. И еще раз. Но сколько подполковник ни ждал, никто от разведроты так и не прибыл. Не может быть, чтобы вся рота погибла. Просто не может быть. Послал на разведку два танка и пять мотоциклов. Вот уж скоро утро, никого. Как корова языком слизнула. Однако ждать разведчиков времени не было, и полк двинулся по маршруту, проложенному на карте в штабе дивизии.

Танки полка катили друг за другом с интервалом в двадцать метров. Впереди шли две тридцатьчетверки, за ними восемь БТ-7. Прикрывал авангард двухбашенный Т-35 с зенитным пулеметом над одной из башен. Подполковник стоял в башне еще одной тридцатьчетверки, но уже из второй роты, а уж за ним тянулся весь полк. В том числе грузовики с пехотой и артиллерией.

Миновали одно село, за ним другое. Едва выехали за околицу, подполковник Трегубов увидел на обочине дороги броневик из разведроты. Двое ковырялись в моторе, из люка высовывался кто-то чумазый. Заметив комполка, он вытянул вперед руку с красным флажком, перегораживая движение.

– Останови, – приказал подполковник механику-водителю.

– Товарищ подполковник! – крикнул чумазый. – Разведка напоролась на танки и бронетранспортеры противника. И артиллерию. Сразу же за селом Початки. А там речка и берега болотистые. Мост деревянный, для телег только, может, еще для легких танков. На той стороне немецкая оборона. Доложил старший сержант Шишкин.

– Какая еще речка? Откуда вы ее взяли?

– На карте нету, а на местности она имеется, товарищ подполковник.

– А где командир роты?

– Ранен. Оба танка сгорели. И броневушки. Нашу вот тоже подбили. Мы поначалу отошли в сады. Ракеты давали. Там дорога, товарищ подполковник, узкая и обсажена тополями. Не развернешься. А немец с той стороны из пушек и минометов лупит. От роты почти никого не осталось...

– А наших не встречали из первого батальона? Два танка и мотовзвод...

– Никак нет, товарищ подполковник. Может, заблудились...

Сзади слышался вой сирены штабного броневика.

Подполковник Трегубов обернулся. К его танку подкатывала бронемашина члена Военного совета корпуса бригадного комиссара Попеля. Открылась дверца. Попель, худощавый, взъерошенный, выбрался из машины, замахал руками, будто пытаясь заглушить танковый рык, потом полез на танк Трегубова.

– В чем дело? Почему стоим? – закричал он.

– Разведка только что донесла: за селом Початки на северной стороне безымянной речки у немцев организована противотанковая оборона. Берега речки топкие, для танков не проходимые. Мостов на моем направлении нет. Требуется доразведка местности, товарищ бригадный комиссар.

– Какая к чертям собачьим доразведка! Вы срываете наступление, подполковник! Испугались? Труса празднуете? Разведка ему донесла... У страха глаза велики! Вперед! И только вперед!

– Возду-уух! – понеслось по колонне.

Вдали, над самой дорогой, показались самолеты, освещенные еще невидимым солнцем. Они шли на высоте метров пятьсот, затем начали падать вниз, в черноту, все ниже и ниже, казалось, вот-вот заденут колесами верхушки тополей. Над дорогой стали взметываться в пыли и дыму огненные кусты. Грохот разрывов и дудуканье пушек накатывались ураганом, который невозможно остановить.

Подполковник посмотрел на комиссара Попеля: тот был бледен, как мел. Но продолжал стоять на броне танка и остановившимися глазами следить за приближающимися самолетами.

– Лезьте в танк, комиссар, – крикнул подполковник Трегубов, ныряя в люк. Вслед за ним полез комиссар. Люк захлопнулся, ураган взрывов и стрельбы пронесся мимо, по броне шарахнуло осколками. Но надвигалась новая волна.

Танк стал сползать в кювет, затем, ломая фруктовые деревья, попер в сторону от дороги.

– Стой, – заорал Трегубов, обеими ногами надавив на плечи механика-водителя. – Застрелю, мать твою...!

Танк остановился.

– Разворачивайся!

Тяжелая машина развернулась на месте, встала пушкой к дороге. По всей ее длине, что мог видеть подполковник Трегубов, метались взрывы, кое-где горели машины, расползались в сторону от дороги еще неповрежденные танки и бронемашин, садили в небо башенные зенитные пулеметы.

Едва улетели самолеты, начался артиллерийский и минометный обстрел. Впечатление такое, что немцы видят колонну, следовательно, ведут прицельный огонь.

Корпусной комиссар Попель выбрался наружу, побежал к своему броневику, петляя, падая и вновь поднимаясь.

– Все, кто меня слышит! – кричал в микрофон подполковник Трегубов, хотя знал, что услышать его могут лишь командиры батальонов, имеющие рации. – Я четырнадцатый! Отойти в сады! Артиллерии – занять позиции для стрельбы! Корректировщиков – вперед! По одному взводу танков от каждого батальона – вперед! Пехоту – вперед! Будем стоять на месте – всех перебьют! Огонь по самолетам!

На дороге пылали яркими факелами несколько танков БТ и бронемашин. Жиденькие цепи красноармейцев спускались к речушке, с опаской поглядывая на саманные хатенки с соломенными крышами, стоящие на взгорке. Над ними черным перстом торчала колокольня. Оттуда, скорее всего, немцы корректируют огонь своих батарей.

Прикатил на мотоцикле командир артиллерийского дивизиона капитан Ершов.

– Товарищ подполковник, я приказал ставить орудия на правом фланге. На взгорке. Оттуда хороший обзор. Может, переберетесь туда? Открою огонь через десять минут. Там же организую узел связи. Судя по всему, мы тут застряли. Воля ваша, но надо сперва разобраться, с кем мы имеем дело.

– Хорошо, поехали к вам, – согласился подполковник Трегубов, подошвой сапога нажав на плечо водителя: трогай мол!

Ему нравился капитан Ершов, такой степенный и основательный. Он всегда все делал обстоятельно и не спеша, а получалось быстрее многих. В его невысокой коренастой фигуре с круглой головой, светло-русыми волосами и серо-голубыми глазами угадывалась крестьянская жилка.

Артиллерийский дивизион, состоящий из четырех гаубичных батарей, рассредоточился по опушке густого лесного массива, покрывающего невысокие холмы. Артиллеристы зарывали свои пушки, копали ровики для прислуги и снарядов, натягивали маскировочные сети.

– Их орудия расположены по краю лощины, – говорил капитан Ершов. – Их всего-то штук шесть-восемь, не больше. Но стреляют они попарно. Потом меняют позиции. В это время стреляют другие. Мои разведчики засекли их тактику. Сейчас связисты закончат протяжку линии, и начнем пристрелку. А минометчики где-то в садах. Доберемся и до них.

* * *

На всем протяжении фронта своего наступления Восьмой мехкорпус наткнулся на подготовленную оборону противника. Против нее выставили всю свою артиллерию, вызвали авиацию.

Перед фронтом полка подполковника Трегубова появилась девятка тихоходных ТБ-3 в сопровождении девятки же «ишачков». Навстречу им немецкие истребители. В воздухе закрутилась карусель. Бомбардировщики отбомбились, развернулись, поползли назад. Два из них тянули за собой дымные шлейфы. Заговорили батареи капитана Ершова.

Прикатил связной из штаба дивизии, привез приказ незамедлительно атаковать противника и, не считаясь с потерями, захватить село. Затем продолжить наступление.

Подполковник Трегубов, выматерившись, послал за начальником штаба капитаном Гавриловым.

Гаврилов, невысокого роста, жилистый, с выпуклой грудью, прочитав приказ, с недоумением воззрился на командира полка.

– Они толкают нас на самоубийство, – произнес он.

– А ты что предлагаешь? – спросил Трегубов.

– Я предлагаю под прикрытием огня артиллерии начать возводить переправу для танков. Село атаковать со стороны восточной окраины ротой пехотинцев. Наверняка мы имеем дело либо с разведкой, либо с прикрытием флангов наступающей группировки. Их задача – оседлать дорогу. Скорее всего, противник на нашем направлении и не собирается атаковать. Больших сил немцев здесь быть не может. Если, конечно, исходить из немецкой тактики, которую они испробовали в Польше и других местах...

– Пока мы построим переправу, нас с тобой поставят к стенке за неисполнение приказа! – вспылил Трегубов. – Или разбомбят. Да и снарядов у артиллеристов не хватит, чтобы прикрывать строительство переправы.

– Пусть лучше нас двоих поставят к стенке, чем мы с тобой поставим к стенке весь полк. А пока отвести танки к садам и там их замаскировать. Иначе немецкая авиация оставит от нас рожки да ножки.

– Чепуху ты городишь, Гаврилов. Если бы я тебя не знал, то решил бы, что ты... А впрочем, пусть будет по-твоему. Как говорится, черт не выдаст, свинья не съест. Тогда так: ты займись пехотой. Ты прав: роты для обходного маневра и удара по селу хватит. А я всем остальным.

Едва были отданы соответствующие приказы, как Трегубова вызвали на наблюдательный пункт дивизии. А там распоряжался все тот же член военного Совета корпуса бригадный комиссар Попель. Трегубов только начал докладывать о предполагаемых действиях своего полка, как Попель вскочил и, лапая рукой кобурку пистолета, заорал:

– Да я вас, подполковник, расстреляю сейчас собственной рукой за неисполнение приказа командования! Марш к своему полку! Немедленно атаковать всеми силами и в течение часа захватить село. Не-ме-длен-но... мать вашу так и растак! Кру-у-гом! К своему полку... бегом ма-аршшш!

Подполковник Трегубов вздернул голову, повернулся кругом и покинул НП дивизии. Его жгла обида на дивизионного комиссара Попеля, но более всего досада на своего начальника штаба: насоветовал, а отдуваться командиру полка.

Он развернул танки веером и сам повел их в атаку. Забираясь в люк «тридцатьчетверки», увидел дивизионного комиссара Попеля, выбирающегося из штабного бронеавтомобиля. А рядом с ним начальника особого отдела.

На подходе к речушке первые же машины провалились в топь и сели на днища. Только тогда немцы открыли огонь из пушек и минометов. Танки воют, разбрызгивая гусеницами жидкую грязь, все глубже погружаясь в трясину. Остальные задом полезли наверх, огрызаясь огнем из пушек.

Снова заушали гаубицы капитана Ершова.

Пришлось отойти в сады, оставив полтора десятка танков в трясине.

Налетели «юнкерсы». С воем и визгом кидались вниз, ссылая мелкие бомбы. Снизу по ним стреляли из всего, из чего можно: из винтовок, ручных пулеметов, даже из танковых пушек. Один врезался в землю. Остальные, опорожнившись, ушли.

И тогда стали слышны выстрелы на правом фланге, – там, где яблоневые сады подступали к самому селу. Это рота, посланная в обход Гавриловым, атаковала немцев с тыла. Саперы кинулись к мосту, неся на плечах бревна от разобранного сарая. Две танкетки сумели миновать старый мост, вслед за ними пошла пехота. Третья танкетка застряла в проломе. Артиллеристам удалось сбить колокольню. Под прикрытием артогня и дымовой завесы саперы рядом с деревянным мостом наводили переправу. По ней еще несколько танков переправились на ту сторону. Ворвались в село. Немцев нет: удрали. Но не все. Захватили двоих, спрятавшихся в сарае. Допросили. Оказалось, что оборону держала одна пехотная рота, противотанковая и минометная батареи. Всего-навсего. Трегубов зубами скрипнул от досады. «Тридцатьчетверки» стальными тросами тащили из трясины застрявшие в ней танки.

Попеля нигде не было видно.

Дальше дело завертелось веселее. Дивизия перла почти до самого Луцка, сметая все на своем пути, стараясь держаться как можно ближе к противнику, чтобы затруднить работу его авиации. С немецкими танками почти не встречались. Зато то и дело натыкались на противотанковую артиллерию, подавить которую удавалось ценой огромных потерь. Но, не доходя Луцка, дивизия встала: закончилось горючее. Да и боеприпасы тоже подошли к концу: осталось по десятку снарядов на танк, по одному диску на пулемет. Но что еще хуже – дивизия осталась без пехоты и артиллерии: и те и другие в результате действия авиации противника практически лишились своего транспорта.

Подполковник Трегубов приказал слить горючее в несколько танков, с их помощью развел машины под прикрытием деревьев, приказав их закопать в землю и замаскировать, создав таким образом круговую оборону. Вскоре появились немецкие танки. Они ударили во фланг корпусу, отрезав левофланговую дивизию. Но немцы дорого заплатили за попытку нахрапом раздавить неподвижные танки. Их подпустили вплотную, буквально на пятьдесят-сто метров, чтобы бить наверняка. И только тогда открыли огонь. И как же они красиво горели, как же они метались под кинжальным огнем, пытаясь вырваться из неожиданной для них ловушки.

Увы, снарядов хватило на час боя. Подвоза никакого. Да и откуда, если все тыловые дороги блокировала немецкая авиация? Она и довершила разгром. И дивизии не стало.

Лишь немногие вырвались из огненного кольца пешим порядком, взорвав свои танки и бронемашины. Среди вырвавшихся не оказалось ни подполковника Трегубова, ни майора Павла Михайловича Ершова. Остатки полка вывел к своим начальник штаба полка капитан Гаврилов.

То же самое случилось и с другими дивизиями Восьмого мехкорпуса. Потеряв половину машин при прорыве хорошо организованной противотанковой обороны немцев, мехкорпус наконец-то схлестнулся с их танками. Эти встречные бои показали, что наши командиры не умеют маневрировать на поле боя, что каждое танковое подразделение действует в

строго очерченных приказом границах, и если какое-то из них попадает в трудное положение, рассчитывать на помощь соседей не может, зачастую по причине отсутствия радиосвязи и боязни отступить от начальной установки на ведение боя. Поэтому каждый полк дрался сам по себе, артиллерия – сама по себе и часто без пехотного прикрытия. А вскоре танки встали, израсходовав горючее, встали где попало и как попало, подвергаясь непрерывным атакам немецких самолетов. Своих же самолетов в небе видно не было.

И все же слабо организованное наступление Восьмого мехкорпуса остановило продвижение немцев на киевском направлении, заставив их бросить ему навстречу свои передовые части. И только тогда, когда от мехкорпуса не осталось ничего, подошли еще два наших мехкорпуса. И тоже с застрявшими где-то в тылу цистернами с горючим и машинами с боеприпасами. Были они, вместе взятые, значительно слабее Восьмого, но задачи перед ними ставились те же самые. И с ними повторилось то же самое, что и с Восьмым. Ценой гибели этих корпусов войскам Юго-Западного фронта удалось не только избежать окружения, но и навязать противнику встречные бои.

Жуков этими боями не командовал: он к тому времени вернулся – по вызову Сталина – в Москву.

А немцы долго не убрали русские танки, во множестве замершие вдоль дорог и среди полей, застрявшие в болотах, не отмеченных на картах. Их фотографировали хроникеры всех европейских газет и кино, мимо них бесконечным потоком двигались маршевые роты и батальоны, тыловые части, и это вселяло в многоязычную массу всеевропейского воинства уверенность, что война против большевистской России закончится быстро и каждый из них сможет получить в этих благодатных краях свой кусок земли с безропотными рабами из унтерменшей.

За пять дней боев выяснилось, что главное направление удара немцев не Украина, как предполагалось, а Москва и Ленинград. А тот факт, что начальник Генштаба своими действиями способствовал сдерживанию немецкого наступления на Юго-Западном фронте, вернул ему доверие Сталина.

Что касается жертв, принесенных для этого, так их никто и не считал.

Конец двадцать восьмой части

Часть 29

Глава 1

Алексею Петровичу Задонову позвонили утром 23-го июня из газеты «Правда», когда война шла уже второй день, и сообщили, что он включен в штат редакции в качестве её военного корреспондента и должен 25-го явиться к главному редактору для получения задания.

– Если у вас возникнет необходимость отлучиться из дому, оставьте ваши координаты, – произнес категорически басовитый голос, и тотчас же прозвучал отбой.

«Так, – сказал себе Алексей Петрович, положив трубку. И еще раз повторил: – Так, значит», – не придавая своим словам никакого смысла, но чувствуя себя растерянным, подавленным и даже обиженным. Он еще как следует не проснулся после ночного бдения над рукописью романа, голова была пуста, казалось, что в ней что-то настойчиво и прерывисто звенит, как звенит пустое оцинкованное ведро, опускаясь в бездну глубокого колодца, ударяясь о его стенки. Но более всего пустота и звон были следствием категорического тона. Еще оттого, что не спросили и не посоветовались с ним, решив все за него. Оттого, наконец, что Алексей Петрович не представлял себя на фронте, не знал, что он там будет делать и о чем писать. Его опыт военного корреспондента во время финской кампании ничего не прибавил к тому опыту, что он имел как корреспондент сугубо гражданский. Более того, ни один из репортажей, отосланных им в политуправление армии, так и не увидел света, и никто ему не объяснил, чем они не угодили политорганам и цензуре.

Причину непечатания Алексей Петрович уразумел потом, когда все кончилось, когда он, вооружившись подшивками, перелистал все центральные газеты военного времени: он писал не то и не так, как требовалось, не уяснив до конца военную специфику, легкомысленно отнесясь к требованиям, которые казались ему необязательными для писателя такого ранга, как Алексей Задонов. Он был слишком самонадеян и поплатился за эту свою самонадеянность.

Из того, что в декабре 1939-го и начале января 40-го печатали газеты, в том числе и «Правда», трудно было понять, что творится на фронтах боев с белофиннами, почему Красная армия топчется на месте и какие меры принимаются для того, чтобы это топтание переросло в активные победоносные действия. А когда оно таки переросло, то газеты начали захлебываться от восторга, прославляя эти действия и отдельных рядовых ее участников. Размашистый стиль журналиста и писателя Задонова, при всей его опытности, никак не вписывался ни в освещение беспомощного топтания перед финскими укреплениями, ни в тот восторг, который сам для себя Алексей Петрович окрестил как «восторженную истерию».

Порассуждав над всем этим на досуге, он пришел к выводу, что и слава богу, что его не печатали: печатание могло для него кончиться весьма худо. Но обида осталась, легла нерастворимым осадком на душу, заставляя Алексея Петровича всякий раз повторять одно и то же: «Ну и ладно! И подите вы все к черту! И больше я для вас ни слова, ни полслова!» Но вот позвонили из самой «Правды» – и что? А ничего, то есть все то же самое: гимнастерка, шинель, сапоги – и вперед! А еще этот звонок означает, что репортажи его все-таки читали и оценили.

Между прочим, в одном из его репортажей было и несколько строк о том, как начальник Главпура Красной армии комиссар первого ранга Григорий Мехлис возглавил атаку батальона на позиции белофиннов, как вернулся из боя в продырявленной в нескольких местах шинели, с лицом, черным от копоти, и с наганом, в котором не осталось ни одного патрона. Вот только написано про этот подвиг было с междустрочной иронией и даже с издевкой,

в чем тогда многие упражнялись не без успеха, но, насколько это было известно Алексею Петровичу, нигде и ни единым словом об этом возглавлении атаки не упоминалось, хотя, надо думать, ни один лишь Задонов пытался отличиться за счет всесильного Мехлиса.

Теперь, когда с той поры миновало более года, собственные писания о войне казались Алексею Петровичу мелкими, надуманными, далекими от действительности. А как надо писать о войне, он так и не решил, да и нужды в таком решении не видел. Возвращаясь в начале марта сорокового из Ленинграда в Москву, он еще в поезде переоделся в гражданское платье, в котором отправился на войну, и почувствовал облегчение, оказавшись в привычной для себя штатской шкуре. Он засунул гимнастерку и штаны, от которых воняло потом, в чемодан, шинель завернул в кусок холста и перевязал веревочкой. Лишь хромовые сапоги не на что было поменять, потому что войлочные бурки его, в которых он приехал в Ленинград, попросту сперли из четырехместного номера гостиницы, где кто только не жила, пока он шлялся по фронтам и штабам, наблюдая малопонятную для него армейскую действительность.

Из этой действительности Алексей Петрович вынес убеждение, что в ней толчется слишком много всякого невоющего народу, и чем дальше от передовой, тем этого народу больше, тем менее он симпатичен, тем меньше среди толкущихся настоящих работников, тем больше говорунов и прожектеров, а настоящих-то даже и не видно за этими говорунами и прожектерами, и только поэтому армия оказалась столь позорно неготовой к настоящей войне.

И вот теперь снова ему предстояло окунуться в армейскую действительность, которую, на взгляд Алексея Петровича, трудно назвать жизнью, так в ней все искусственно и противно человеческому существованию. Тем более что он, сугубо гражданский человек, совершенно к этой действительности не приспособлен, и как только окажется в ее тенетах, так непременно с ним случится что-то страшное по своей огромности и бессмысленности. И потом... роман – что же с ним-то делать? Забросить? Но за него, Алексея Задонина, никто этот роман не допишет, а без этого романа русская литература будет неполной...

Ну да, разумеется – война. В том смысле, что когда говорят пушки, музы должны молчать. Но это – смотря чьи музы. Лично он, как ни был потрясен сообщением о начале войны, ночь с 22-го на 23-е сидел за столом, не сразу, правда, но сосредоточился на своей теме и четыре страницы все-таки написал. И очень хорошие страницы. Может быть, именно потому, что война, когда все чувства обострены и прошлое видится под другим углом зрения, в других красках и мелодиях.

– Кто звонил? – спросила Маша, входя в спальню и останавливаясь в дверях, и во всей ее фигуре сказался этот тревожный вопрос, тревожный потому, что в такую рань Алексею Петровичу звонили очень редко, считанные разы, и всегда эти звонки были связаны с какими-то резкими переменами в его жизни, а Маша боялась всяких перемен, как плохих, так и хороших. Тем более резких. Ожидая ответа, она смотрела на своего мужа с нежностью и жалостью, как смотрела на своих детей, если кто-то обижал их за пределами дома. Маша была искренне убеждена, что ее Алеше в тысячу раз труднее в новой обстановке, вызванной войной, чем ей и всем остальным людям, и готова была защитить его, только не знала, как это сделать.

Впрочем, она вообще не знала, как и что надо делать, кроме узкого круга домашних забот. Она вышла замуж за Алексея Задонина тепличным цветком, отгороженным от ветров и морозов российской жизни: отчий дом, гувернантки, женская гимназия для избранных, почти монастырь по строгости нравов и воздержанию, затем институт благородных девиц и практически сразу же замужество. Она принесла себя в жертву своему мужу и детям, не думая о жертвенности, и если бы кто-то сказал ей об этом, изумилась бы и испугалась,

потому что не знала другой жизни, другой жизни не знали ее мать, ее бабушки, свекровь и вообще большинство женщин ее круга.

Алексей Петрович поднял всклокоченную со сна голову, посмотрел на жену, замершую у порога спальни. Он не впервой обратил внимание на то, что Маша за последние годы несколько располнела, хотя в ней еще сохранились остатки девичьей стати и той милой застенчивости, которая так иногда трогала, а иногда злила его и толкала, как он в этом себя убеждал, в объятия других женщин, хотя знал, что толкает его нечто другое, зато так удобнее сваливать свои грешки на жену. Он и эту несправедливость по отношению к Маше знал за собой, и тоже считал маленьким грешком, чтобы прощать себе все и подтрунивать над собой в минуту благодушного настроения. Зато он знал точно, что как бы он и не грешил, а Машу никто ему не заменит, и сам он не помышлял о подобной замене.

Алексей Петрович сидел на постели в ночной пижаме, не выспавшийся, удрученный неожиданно свалившейся на него напастью. В конце концов, ну – война, ну – немцы! Ну и что? Этого ждали, это было неизбежным. Он-то тут при чем? Если нужны писатели, чтобы писать о войне, так их сколько угодно среди молодых: только свистни, допусти их до фронта, такого понапишут, что мертвые в гробу перевернутся. А если советской власти нужна жизнь писателя Алексея Задонова, так пусть эта власть даст ему винтовку и пошлет в окопы – все будет больше пользы, чем от его писаний, которые никто не станет печатать.

Обида годичной давности вновь всколыхнулась в Алексее Петровиче, умножилась новой обидой и затуманила голову.

– Кто звонил? – переспросил он, с трудом отрываясь от своих расплывчатых мыслей и ощущений. – Из «Правды» звонили, мой ангел. Я включен в штат этой газеты по штатам военного времени... Тьфу ты, черт! – зарпортовался! – воскликнул Алексей Петрович в сердцах и потянулся к стакану с недопитым чаем. Сделав пару больших глотков, шумно выдохнул воздух, попросил: – Собери меня на всякий случай в дальнюю дорогу. Ну, как обычно. И, пожалуйста, без этого... без слез. Ну – война, ну и что? Был я на войне – и ничего: вернулся целым и невредимым. Бог даст, и с этой вернусь. Может, и доехать не успею, как все кончится.

Маша с трудом справилась со своим лицом, на котором отразился весь ее ужас перед неизвестностью и страх за своего обожаемого мужа. И только после этого она вспомнила о детях:

– А как же Ваня и Ляля? Куда я с ними? – пролепетала она.

– Как куда? Вот странность, прости господи. Да никуда. Все остается по-старому. С той лишь разницей, что я еду в командировку на войну. Разве я впервой еду в командировку? Нет. Ну да, я давно не ездил, ну так что? Съезжу еще разок-другой. Война – она где? У черта на куличках. Тебе беспокоиться нечего. Буду писать, буду звонить. Все как обычно. Да. Ну, иди, ангел мой, иди. Я еще чуть полежу, проснусь окончательно и приду, а то ночь, сама знаешь...

Глава 2

А ночью... ночью Москву то ли бомбили, то ли что-то еще. Во всяком случае, стреляли зенитки, по небу шарили лучи прожекторов. Когда зенитки перестали стрелять и улеглись длинные щупальца прожекторов – только тогда погасли уличные фонари, а заодно выключили свет и в домах. Как выяснилось, над Москвой, – при этом на большой высоте, – почти час кружил какой-то самолет. Зенитные снаряды его не достигали, зато этот незваный гость показал, что город совершенно не готов к войне, к бомбежкам, с горящими уличными фонарями, со светящимися окнами домов, ползающими по улицам трамваями и троллейбусами, работающим метро, заводами и фабриками.

Грохот Алексей Петрович услышал, сидя в своем кабинете, и не сразу обратил на него внимание. Но этот накапывающийся издалека грохот что-то напоминал из недалекого прошлого, и Алексей Петрович, подняв голову и прислушавшись, вспомнил командный пункт дивизии в районе Сестрорецка и такой же грохот, сопровождаемый гулом самолетов. Но то были свои самолеты и летели они бомбить финнов, которые, естественно, по ним стреляли. Однако представить себе, что в следующую же ночь после объявления войны будут бомбить Москву, – представить себе подобное было совершенно невозможно, и Алексей Петрович слушал этот накапывающийся на него грохот стрельбы скорее с изумлением, чем со страхом. И лишь тогда, когда забухало совсем близко, когда жалобно задребезжали стекла в окнах и книжных полках, а потом завывли, будто проснувшись, гудки заводов и фабрик, только тогда он понял, что война пришла и сюда, что мирная жизнь кончилась, что надвигается что-то страшное и необъяснимое с точки зрения его опыта и знаний.

В кабинет вбежала Маша и, остановившись белым приводением в дверях, воскликнула:

– Алеша! Что это?

– Похоже, что Москву... – он хотел сказать: бомбят, но передумал, переведя разговор в другую плоскость: – Думаю, что это учение, – произнес спокойным, к собственному удивлению, голосом. И пояснил: – Я уверен, что немцев к Москве не пустят, но – чем черт ни шутит, когда господь спит.

– И куда же нам идти, если этот черт все-таки вздумает пошутить?

– Идти? В каком смысле? А-а, ты об этом, – вспомнил Алексей Петрович, что и до этого были какие-то учения на случай бомбежки, что раздавали памятки, в которых говорилось, куда бежать, в какие бомбоубежища и что-то делать еще, малопонятное и, как тогда казалось, совершенно ненужное.

Но грохот уже затих, радио продолжало молчать, сигналов воздушной тревоги не прозвучало, и лишь слышался в открытом окне затихающий гул, похоже, совсем немногих самолетов. Как потом выяснилось, наших, советских, поднявшихся в воздух, чтобы защитить столицу от ворогов.

Алексей Петрович подошел к окну, раздвинул шторы и увидел пульсирующее вдалеке пламя пожара, которое все разгоралось. Послышались колокола и сирены пожарных машин, затем внизу застучали в двери и слышались крики, требующие соблюдать светомаскировку. А вдали по небу запоздало, то сходясь по несколько штук в одной точке, то, будто чего-то испугавшись, разбегаясь в разные стороны, шарили голубые столбы прожекторов. Наконец и они уgomонились.

– Господи, какой ужас, какой ужас, – шептала за его спиной Маша.

– Вот видишь, ангел мой, – произнес Алексей Петрович, чтобы успокоить жену, – это все-таки были учения. Хотя... – почесал он в затылке, – если бы учения, то радио должно было предупредить. Ну да бог с ними. – Он повернулся к Маше, обнял ее за плечи, привлек

к себе ее теплое и мягкое тело, поцеловал в волосы, пахнувшие весной в любое время года, и продолжил весело: – Сейчас, ангел мой, все, кто заслужил, получают нагоняй, и все наладится, – закончил он, а сам подумал, что дело дрянь. Да и не может не быть дрянью, если учесть то впечатление, которое осталось у него от армии годичной давности. Тем более что немцы – это тебе не финны, хотя и финны не были мальчиками для битья. Зато немцы не только умеют воевать, но и любят воевать. Солдатская нация. А как они раскатали Францию и прочую мелочишку! Уж нашим дуракам надают по первое число – это как пить дать. Как в четырнадцатом году в Восточной Пруссии. Все повторяется. История нас, увы, ничему не учит.

С этими мыслями он помог Маше повесить черные шторы, специально купленные для светомаскировки еще месяца два назад, и то лишь потому, что кто-то из бывалых людей посоветовал обзавестись ими загодя. Затем он успокоил проснувшихся детей, позавтракал и стал собираться в «Правду».

– Папа, а как же Крым? – с детской наивностью спросила Ляля. – Мы, что же, туда не поедem?

– Почему же не поедem? Разумеется, поедem. Только я пока не знаю, когда. Потерпите немного. Думаю, что скоро все это закончится, я освобожусь и мы поедem. И если не со мной, то с мамой. А я приеду попозже. – Он верил и не верил в то, что говорил. Но в любом случае он не мог сказать ничего другого.

С настроением недоумения и некоторого злорадства поехал Задонов в «Правду».

Пока трамвай тащился по улицам, Алексей Петрович, жадно разглядывал проплывающие мимо дома, заметив в двух-трех местах дымящиеся строения, вокруг которых суетились пожарные, милиционеры и военные, стояли «кареты» «Скорой помощи», которыми по привычке называли соответствующие автомобили, вслушивался в чужие разговоры, реплики, сетования. Пассажирами в эту пору были в основном люди пожилые, и больше всего женщины. Надо сказать, что они не выглядели подавленными, скорее, наоборот: стали раскованнее, смелее выражали свои мысли и настроения, – правда, не без оглядки, – и эти мысли и настроения предвещали беду. Речи их напомнили Алексею Петровичу шестнадцатый год: тогда, как и теперь, многие стали предрекать всякие напасти и даже конец света. Видимо, вступал в силу какой-то всемирный закон человеческого поведения, независимо от эпохи и социального строя, который исподволь подготавливал почву для каких-то катаклизмов, предсказать которые не мог даже самый отъявленный провидец.

«Вот тебе непреложный факт: люди не меняются, – думал Алексей Петрович, прислушиваясь к разговорам. – Меняются обстоятельства, эпохи, события. Отсюда вывод: можно, глядя на нынешнего человека, без особых усилий перенести его в века минувшие и не ошибиться в том, как он себя там поведет. И даже в будущее. Разве что с некоторыми поправками в ту или иную сторону. – И уточнил: – Это на тот случай, если придется писать исторический роман».

Из трамвайных разговоров Алексей Петрович узнал, что немцы будто бы подходят к Минску, что они будто бы уже оккупировали Литву, что наверняка будет голод, введут карточки, что не избежать наплыва в Москву иногородних, что надо запастись продуктами, а лучше всего – уезжать в провинцию.

«Не может быть, – подумал Алексей Петрович, схватив главное – насчет Минска, – чтобы менее чем за три дня немцы смогли одолеть такое расстояние... Что же это получается: что там нет наших войск? Войска должны быть. Следовательно, они должны стрелять и все такое, следовательно, далее, немцы не могут с такой скоростью двигаться на восток. Азбучная истина. Это просто слухи, чтобы посеять панику. Говорят, в Польше, во Франции и в других странах, куда немцы собирались вторгнуться, они вещали на языке этих стран и даже будто бы от имени их правительств и официальных радиостанций, а специально забро-

шенные провокаторы сеяли панику. И люди верили. И у нас может быть то же самое. Тем более что вот же совершенно очевидный факт: бомбили или нет, а что-то загорелось, пусть для начала лишь как способ посеять панику и неуверенность. А может, загорелось потому, что паника. Или чтобы дать знать тем, кто прилетал. Именно что для начала. А что будет дальше? То-то и оно...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.